

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ УРСР

СТАНІСЛАВСЬКИЙ ДЕРЖАВНИЙ ПЕДАГОГІЧНИЙ ІНСТИТУТ

НАУКОВІ ЗАПИСКИ

ФІЛОЛОГІЧНА СЕРІЯ

ТОМ III

«РАДЯНЬСКА ШКОЛА»
КИЇВ — 1969

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ УРСР

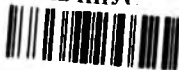
СТАНІСЛАВСЬКИЙ ДЕРЖАВНИЙ ПЕДАГОГІЧНИЙ ІНСТИТУТ

НАУКОВІ ЗАПИСКИ

ФІЛОЛОГІЧНА СЕРІЯ

ТОМ III

НБ ПНУС

bn4596

bn4596

ДЕРЖАВНЕ
УЧБОВО-ПЕДАГОГІЧНЕ ВИДАВНИЦТВО
«РАДЯНСЬКА ШКОЛА»

Київ — 1959

РЕДАКЦІЙНА КОЛЕГІЯ:

доц *Войтко М. О.* (відповідальний редактор), *Гуцало С. С.*, кандидат філол. наук *Омельченко В. І.*, кандидат філол. наук *Чилікіна Н. Г.*, кандидат істор. наук. *Шевченко І. Г.*

**«ЕНЕЇДА» І. П. КОТЛЯРЕВСЬКОГО
В ПЕРЕКЛАДІ НА РОСІЙСЬКУ МОВУ
(зауваження з приводу мови перекладу) ¹**

У нашій країні справа художнього перекладу досягла високого рівня. Над перекладами художньої літератури працюють кращі майстри слова. За роки Радянської влади на російську мову й на інші мови народів Радянського Союзу були перекладені найвизначніші твори національного епосу, твори класичної літератури народів СРСР. Перекладаючи кращі зразки художніх творів, письменники-перекладачі взаємно збагачують національні літератури і літературні мови, сприяють поширенню і зміцненню інтернаціональних зв'язків між народами.

Російські видавництва та письменники-перекладачі багато зробили для популяризації кращих досягнень української класичної літератури. Масовими тиражами в перекладі на російську мову виходили безсмертні твори Т. Шевченка, І. Франка, Л. Українки, П. Грабовського, М. Коцюбинського, П. Мирного та багато інших.

Народи нашої країни глибоко шанують світлу пам'ять великих людей, які своєю діяльністю сприяли пробудженню народних мас, закликали їх до активної боротьби проти гніту і сваволі. Вихід у світ «Енеїди» І. П. Котляревського в перекладі на російську мову є яскравим виявом цієї пошани і любові радянського народу до діячів минулого.

Іван Петрович Котляревський — визначний класик української літератури — перший написав великі художні твори багатою загальнонародною українською мовою, він був першим майстром художнього слова, який з особливим зацікавленням звернувся до народного життя і багатой народної мови як до головних джерел літературної творчості.

Поява перших трьох частин «Енеїди» І. П. Котляревського в 1798 р. заслужено вважається початком нової української літератури і літературної мови. «Енеїда» І. П. Котляревського відіграла велику роль в історії розвитку української культури.

¹ І. П. Котляревский, Энеида (перевод с украинского И. Бражнина), М., 1953.

Вихід у світ «Енеїди» І. П. Котляревського російською мовою є значною подією у культурному житті нашої країни. Це насамперед свідчить про високе перекладницьке мистецтво майстрів кудожнього слова, про їх бажання зробити доступним для російського читача кращі здобутки літератур інших народів.

Адже зрозуміло, письменник-перекладач не може відтворити ідейно-художнього змісту оригіналу без відтворення лексико-стилістичних особливостей, словесно-художніх засобів, за допомогою яких втілена та чи інша ідея. Вдалий переклад лексичної основи та граматичної будови мови твору-оригіналу, майстерне відтворення індивідуально-художніх особливостей автора оригіналу (система порівнянь та епітетів, слів с суфіксами суб'єктивної оцінки, застосування мовних засобів народної творчості, фразеологічних зворотів, ідіоматичних висловів, ритмомелодики та звуконаслідування, дотепу та іронії і т. д.) забезпечує майстерність перекладу.

Дана стаття не претендує на повний і всебічний аналіз мови перекладу — це лише перша спроба на конкретному матеріалі дати характеристику перекладу деяких мовно-художніх засобів «Енеїди» Котляревського. Автор статті, зокрема, зупиняється на засобах відтворення українського колориту, на стилістичній функції українізмів, на характеристиці перекладу системи порівнянь, фразеологізмів, синоніміки і т. д.

Перед поетом-перекладачем І. Бражніним стояло важливе і складне завдання — донести до російського читача всю красу і художню силу великого класичного твору української літератури «Енеїди» І. П. Котляревського.

Поет-перекладач повинен був глибоко вивчити українську мову, вникнути в її специфіку, зрозуміти закономірності її внутрішнього розвитку. Багатство лексичного і фразеологічного складу української мови, що виступає в «Енеїді» І. П. Котляревського, вимагало від перекладача наполегливої і неустанної праці в підборі відповідних словесних елементів у російській мові. Лише глибоке знання мови оригіналу і мови, на яку здійснюється переклад, в єдності з великим поетичним талантом та з наполегливою працею майстра художнього слова може забезпечити успіх перекладу такого складного твору, як «Енеїда» Котляревського.

Іван Петрович Котляревський іноді, з метою підкреслення багатства, зокрема синоніміки народної української мови, іноді, з метою деталізації та конкретизації відтінків, на одне і те ж поняття дає цілий ряд слів-синонімів, як, наприклад, на позначення понять *бити*, *знущатися*:

Вона без всякого обману
І щиро без обиняків
Робила грішним добру шану,
Ремнями *драла*, мов биків;

*Кусала, гризла, бичовала,
Кришила, шкварила, щипала,
Топтала, дряпала, пекла,
Порола, корчила, пиляла,
Вертіла, рвала, шпигувала,
І кров із тіла їх пила (147—148) ¹.*

Подібні місця надзвичайно складні для перекладу їх на іншу мову. Тут поетові-перекладачеві доводилося прикласти багато зусиль у підборі відповідних лексем тієї мови, на яку робиться переклад. Однак І. Бражнін не вдається до звичайного копіювання оригіналу, а зміст і стиль викладу творчо намагається подати засобами російського мовного матеріалу:

Не ведая лицеприятя
И прямо без обиняков,
Она всех грешных без изъятя
Драла ремнями, как быков;
*Кусала, гризла, бичевала,
Крошила, жарила, щипала,
Порола, мяла и пекла,
Пирила, резала, топтала,
Рвала на части, шпиговала,
Их кровь горячую пила (73).*

Це, як переконуємося, переклад надто близький до оригіналу, майже дослівний, проте він не збіднює ідейно-художнього змісту, як дуже часто буває при дослівних перекладах.

Дієслівна лексика в перекладі за семантикою, емоційним забарвленням, стилістичним спрямуванням і за фонетичним складом майже збігається з дієслівною лексикою оригіналу: *драла* — *драла*, *кусала* — *кусала*, *гризла* — *гризла*, *бичовала* — *бичевала*, *кришила* — *крошила*, *шкварила* — *жарила*, *щипала* — *щипала*, *топтала* — *топтала*, *порола* — *порола*, *пекла* — *пекла*, *пиляла* — *пирила*, *рвала* — *рвала*, *шпигувала* — *шпиговала*, *пила* — *пила*. Є і відмінні слова як за своєю семантикою, так і за фонетичним складом: в оригіналі — *дряпала*, *вертіла*, *корчила*, в перекладі передаються за допомогою дієслів — *мяла*, *резала*.

При характеристиці дійових осіб, при називанні їхніх вчинків, настроїв, внутрішнього стану і почуттів в «Енеїді» використовується у переважній більшості дієслівна лексика, в якій виявляється сатиричне й іронічне ставлення до персонажа. Іронічно-сатиричне спрямування досягається насамперед застосуванням таких дієслів, які мають силу виразно підкреслювати певну форму руху чи дії, зокрема таку, яка підкреслює внутрішню якість того чи іншого персонажа². Все це утруднює роботу перекладача, вимагає від нього художньої винахідливості.

¹ Цитуємо за виданням — І. П. Котляревський, Повне зібрання творів у двох томах, 1952.

² Див. Г. А. Левченко, Нариси з історії української літературної мови першої половини XIX століття, Київ—Харків, 1946, стор. 32.

Багатство і різноманітність дієслівної синоніміки знайшли своє краще відтворення в перекладі. Наприклад, синоніми до слова *ходити*:

В оригіналі:

Еней з Сивиллою *хватались*
До пекла швидше щоб *прийти* (127).

У перекладі:

Эней с Сивиллой *поспешали*
До пекла поскорей *домчатъ* (56).

В оригіналі:

По дзвону вся Латинь *сунула*
До храма з криком всі *неслись* (192).

У перекладі:

На звон латинцы к храму пулей
Неслись, таща старух, детей (114).

Іноді перекладач, передаючи багатство дієслівної синоніміки російською мовою, відходить від звичайного підбору відповідників, вдається до відтворення характеристики персонажа за допомогою інших дієслів.

В оригіналі:

Душа гонкала душу в боки
І скриготали, мов сороки;
Той *пхавсь*, той *сунувсь*, інший *ліз*:
Всі м'ялися, перебирались,
Кричали, спорили і рвались,
І всяк хотів, його щоб віз (131).

У перекладі:

Друг друга под боки толкали
И, как сороки, стрекотали;
Тот бил локтями, сколько мог,
Иной вопил, а те ругались,
Кричали, спорили, пинались,
Всяк норовил попасть в челнок (59).

У перекладі, як бачимо, відсутні відповідники синонімів до слова *ходити* — *пхавсь*, *сунувсь*, *ліз*. Перекладач наголосив на характері пересування, на його неорганізованості.

І. Бражнін вибрав правильний метод перекладу з української мови на російську. Дослівний переклад з таких мов, як українська і російська, надто складний і відповідалний. Близькість лексичного складу, граматичної будови (морфологія, синтаксис) та фонетичної системи російської і української мов, як відомо, з одного боку, полегшують роботу перекладача, а з другого, — утруднюють її. Л. А. Булаховський зауважує: «Навіть у близькоспоріднених мовах слів, які точно збігалися б за значенням, за формою і за звуками, порівняно мало»...¹ У близькоспорід-

¹ Л. А. Булаховский, Введение в языкознание, часть II, М., 1953, стр. 142.

нених мовах є багато слів, які наближаються за формою, але різні за значенням або за емоційним забарвленням. Недосвідчений перекладач часто-густо, роблячи переклади з української мови або навпки, вдається до простого копіювання близьких за формою та значенням слів, не звертаючи уваги на їх емоційне забарвлення, внаслідок чого, з одного боку, він підпадає під вплив оригіналу, а з другого — відривається від змісту оригіналу, спотворює переклад. Близькі за формою і значенням слова дуже часто відвертають увагу поета-перекладача від правил російської літературної мови: побудова речень перекладу може відхилитись від законів російської мови.

Значна частина перекладачів, усвідомлюючи це і намагаючись обминути подібну небезпеку, вдається в іншу крайність, яка полягає у відшукуванні в мові перекладу зовсім інших за формою слів, щоб переклад був «творчий». Внаслідок чого мова в перекладі збіднюється, переклад стає далеким від оригіналу і вже надто штучним, а отже, нехудожнім. Поет-перекладач Бражнін подолав цю перешкоду, не впадаючи ні в одну, ні в другу крайність.

І. Бражнін, з метою збереження всієї художньої краси оригіналу, часто вдається до сміливого прийому, який полягає в тому, що перекладач вводить у мову перекладу слова і звороти мови твору-оригіналу. Це можна робити в таких близьких мовах, як російська, українська та білоруська, в міру, дуже обережно. Перенасичення іншомовними елементами мови перекладу теж не може дати бажаного результату, навпаки, спричинюється до грубого порушення природних основ тієї мови, на яку робиться переклад. Переклад може вийти карикатурним, спотвореним щодо форми та ідейно-художнього змісту.

Українізмів у російському перекладі «Енеїди» Котляревського немало. Проте вони не порушують законів, специфіки російської мови, звучать природно. Наявність українізмів у перекладі викликана двома причинами. По-перше, коли поет-перекладач навмисне вводить деякі українізми з метою збереження колориту подій, про які йде мова в оригіналі. По-друге, мова, якою написана «Енеїда» Котляревського, дуже багата і різноманітна в лексико-фразеологічному відношенні: система образно-фразеологічних зворотів і ідіоматичних висловів надзвичайно складна для перекладу її на іншу мову. Тому поет-перекладач часто зберігає такі фразеологічні звороти, ідіоматичні вислови української народної мови в перекладі, які можуть бути доступними і для російського читача, надаючи їм лише російського звучання. Як у першому, так і в другому випадку українізми в перекладі І. Бражніна органічно поєднані з формою і ідейно-художнім змістом перекладу.

Українізми виступають як невід'ємний мовний елемент у відтворенні «Енеїди» Котляревського російською мовою. Наприклад:

Будь *ласкою*, сватушки, как другу,
Мне *пашце* оклжи услугу (4).

Зефир — известный негодий —
С *дивчатами* *заженихался*... (5).

Глитали сало, и *галушки*,
И саламату, и *пампушки*,
Потом на брагу налегли;
Горилку взапуски хлестали,
Из-за стола *насилу* встали
И спать *вповалку* полегли (6).

Потом, с Дидоною *обнявшись*
И при народе всем *честном*
Целуясь и за руки *взявшись*,
Балакали о том, о сем (10).

Потом *лапшу* на перемену,
Расправились и с *индюком*,
За саламатой ели кашу,
Там *путрю*, и *зубцы*, и *квашу*,
Заели *маковым коржом* (10).

Дивчата бойко *танцовали*,
Стучали *чоботами* в лад (10).

Дидона спьяну *нашалила* —
Горшок с *горилкою* *разбила* (11).

Ему Дидона *подарила*
Все, что от мужа *сохранила*:
Портянки с *парою сапог*,
Рубаху и *кафтан* из *нанки*,
И *поясок* из *коломинки*,
Штаны, и *шапку*, и *платок* (12).

Троянцы *напролет* *купили*
И, *падкие* до *вечерниц*,
До *свету* з *девками* *блажили*,
Подманивали *молодиц* (13).

Наведені приклади ми виписали з 13 сторінок перекладу, а переклад має більше двохсот сторінок. Це переважно слова на позначення побутових понять, українізми, які відносяться до першого плану. Такі слова, як *галушки*, *горилка*, *лапша*, *зубцы*, *кваша*, *корж*, *штаны*, *шапка*, *балакаты*, *вечерниці*, і т. д. не лише зберігають колорит тогочасного українського побуту і вносять забарвлення української розмовної мови в переклад, а разом з тим служать будівельним матеріалом для твору-перекладу. Ці форми служать засобом у збереженні ритму та рими: *галушки* — *пампушки*, *кашу* — *квашу*, *вечерниц* — *молодиц*.

Використання українізмів у функції будвельного матеріалу полегшується близькістю лексичного складу і граматичної будови російської та української мов.

Досить вдало Бражніну вдається переклад стверджувальних

порівнянь — одного з найбільш впливових мовних засобів на читача:

Хлеб-соль в тарелке прихватила
И мчит к Эолу, как оса (4).

Но тут Юнона, сучья дочка,
Вдруг разкудаhtалась, как квочка (4).

Велел седлать большого рака
И, всплыв из моря, как карась (6).

От бога вод бежать пустились,
Как от ежа бегут хорьки.
Нептун же тотчас взял метелку
И вымел море, как светелку (6).

Тотчас прибралась и умылась,
Как к празднику принарядилась (7).

Я в правде крепок, точно дуб (7).

А море так осатанело,
Что чертом на него глядел (8).

Відомо, яку важливу стилістичну функцію в мові художнього твору відіграють вдалі порівняння. Художні порівняння є метафоричним засобом вираження найтонших відтінків думки-поняття, одним «з основних художніх засобів підсилення емоційності мови»¹. Система порівнянь у мові того чи іншого твору вказує на лексико-стилістичний метод у зображуванні подій тим чи іншим художником слова, на його вміння охарактеризувати, на перший погляд здавалося б, малопомітні, але суттєві відтінки явищ, подій, характерів. Поет-перекладач, вміло перекладаючи систему порівнянь, тим самим зберігає мовно-стилістичні особливості твору-оригіналу. Збереження в перекладі словесно-художніх засобів — невід'ємна умова правильного відтворення ідейного змісту оригіналу. Глибоко усвідомлюючи це, поет Бражнін з наполегливістю перекладає порівняння, зберігаючи їх ідейно-художню спрямованість.

Деякі порівняння авторів перекладу вдається відтворити російською мовою дослівно. Проте дослівність порівнянь не знижує художньої вартості перекладу: вони органічно пов'язані із всією системою зображувальних засобів і в перекладі відіграють таку стилістичну функцію, як і в оригіналі. Наприклад, такі порівняння: *как квочка* (як квочка); *как карась* (як карась); *как от ежа бегут хорьки* (мов од їжака тхори); *как светелку* (як світелку); *как к празднику принарядилась* (як в неділю нарядилась); *точно дуб* (як дуб); *что чертом на него глядел* (що бісом на його дививсь) і т. д.

¹ В. С. Ільїн, Народність у порівняннях Т. Г. Шевченка, «Мовознавство», К., 1949, т. VII, стор. 38.

Наведені приклади виписані всього лише з чотирьох сторінок. Не важко уявити їх значення у збереженні художньої краси оригіналу. Кожне із наведених порівнянь зберігає в перекладі всі нюанси, відтінки порівнянь оригіналу. Порівняння *що чертом на него глядел* за своїм емоційним забарвленням і за ідейно-художнім спрямуванням цілком відповідає українському *що бісом на його дививсь*. Точний переклад порівнянь сприяє збереженню художніх особливостей твору-оригіналу.

Перекладач передає дослівно порівняння тоді, коли вони не порушують ритмічної будови твору і зберігають органічний зв'язок із ідейно-художнім спрямуванням оригіналу; тоді ж, коли дослівний переклад не вдається, автор перекладу сміливо відходить від дослівності, проте намагається зберегти близькість порівнянь. Про це можуть свідчити такі приклади.

В оригіналі:

Куди йому уже до Риму?
Хіба як здохне чорт в рові,
Як вернеться пан Хан до Криму,
Як жениться сич на сові (69).

У перекладі:

Как видно, он дойдет до Рима,
Когда сам дьявол пропадет,
Хан станет вновь владыкой Крыма
И в жены сич сову возьмет (7).

Тут перекладач відходить від дослівності, але зберігає художні особливості оригіналу. Коли в оригіналі: *Хіба як здохне чорт в рові*, в перекладі хоч недослівно, то дуже наближено: *Когда сам дьявол пропадет*. В оригіналі: *Як вернеться пан хан до Криму*, в перекладі надто вдало і ясно: (коли) *Хан станет вновь владыкой Крыма*. І третє порівняння: *Як жениться сич на сові*, в перекладі подано майже дослівно:

З деякими відхиленнями від оригіналу перекладені й інші порівняння: *Тут плюсь — Еней, як будто з неба* (72), в перекладі: *Тут хлоп Эней, как сокол с лета* (9); у Котляревського: *Як з оселедцем сірий кіт* (78), у перекладі: *Как с юркой мышкой серый кот* (13); у Котляревського: *Убрався в патоку, мов муха* (79), в перекладі: *Как муха, в патоку зарылся* (14); у Котляревського: *А то заліз, мов в грубі пес* (80), у перекладі: *А то все крутится, как бес* (15); у Котляревського: *В кишені ж пусто, аж гуло* (82), в перекладі: *Был гол, скотина, как сокол* (17); у Котляревського: *І закраснілася, мов рак* (83), у перекладі: *Как рак вареный раскраснелась* (17); у Котляревського: *Трясеся, мов зимою хорт* (83), у перекладі: *Трясешься, как паршивый пес* (17) і т. д.

Подібних прикладів можна б навести сотні, вони переконливо свідчать про високу перекладницьку майстерність автора перекладу. Перекладач всюди намагається зберегти ідейно-художній

зміст оригіналу. Деякі порівняння, як бачимо, Бражнін перекладає відповідними за значеннями і стилістичною функцією російськими порівняннями.

Проте не всі порівняння, які виступають в «Енеїді» Котляревського, перекладені на російську мову. Значна частина порівнянь опущена. Серед них є й такі порівняння, без яких художня вартість перекладу не знижується, як *Еней піджав хвіст, мов собака, мов Кайн затрусивсь увесь* (61) або *Еней і сам так розходився, як на аркані жеребець* (73) і ін. Подібні порівняння міг автор перекладу навмисне обминути, це в художньому перекладі цілком оправдується. Адже кожний перекладач може — при вдалому взагалі відображенні іншомовного оповідання, п'єси, вірша і т. д. — оминати ту чи іншу рису оригіналу і наголосити на іншій, яка йому здається важливішою¹. Однак він не має права вільно поводитися з оригіналом. Деяких дотепних вдалих висловів, порівнянь таких, як, наприклад, *Охляли, ніби в дощ щеня* (72); *Ласкавий, гарний і проворний, і гострий, як на бритві сталь* (78), не слід би було пропускати перекладачеві. Пропуск подібних порівнянь знижує художню вартість перекладу. Правда, поет-перекладач, ніби компенсуючи пропущені порівняння в одному місці в «Енеїді» Котляревського, вводить свої, власні в ті місця перекладу, де їх в оригіналі нема. Якими вдалими і дотепними ці порівняння не були б, проте, це явний відхід від оригіналу, від мовно-художніх особливостей «Енеїди» Котляревського, як *Юнона мого Энея преследовала как злодея* (8) і т. д. Однак подібних відхилень у перекладі небагато, вони тонуть в загальному потоці тих порівнянь, які є в оригіналі.

З такою ж майстерністю Бражнін перекладає і заперечні порівняння, зберігаючи всі нюанси оригіналу.

В оригіналі:

Не хмара сонце заступила,
Не вихор порохом вертить,
Не галич чорна поле вкрила,
Не буйний вітер се шумить (194).

У перекладі:

Не туча соннышко затмила,
Не ветер пыль в степи вихрит,
Не воронье поля закрыло,
Не вихорь травами шумит (116).

У перекладі, як переконуємося, не тільки збережений стиль оригіналу, а й той лексичний матеріал, з якого побудовані заперечні порівняння. Хоч перекладачеві не вдалося зберегти постійні епітети *чорна* (галич), *буйний* (вітер), які вказують на зв'язок «Енеїди» Котляревського з народною поетичною творчістю, на-

¹ Див. М. Рыльский, Из размышлений переводчика, «Новый мир», 1954, № 9, стор. 228.

дають динному уривковій урочистості (постійні епітети характерні і для російської мови), проте переклад, як уже вказувалось, відповідає ідейно-художньому змістові оригіналу.

Для спражнього майстра-перекладача важливо відтворити всі мовно-стилістичні прийоми автора оригіналу. Завдяки повному відтворенню мовних засобів автора того чи іншого оригіналу вдається створити справді високохудожній переклад.

Для мови «Енеїди» Котляревського характерна багата і різноманітна фразеологія; фразеологічні звороти, зокрема ідіоматичні вислови, важко передаються на іншу мову. В цьому відношенні перекладачеві доводиться переборювати ряд перешкод. Він, у переважній більшості випадків, зобов'язаний відшукати фразеологічні, ідіоматичні вислови в тій мові, на яку робить переклад. Звичайно, тотожних відповідників за змістом, формою та емоційним забарвленням важко знайти навіть і в близькій мові щодо свого лексичного та фразеологічного складу. Тому перекладачеві доводиться шукати відповідників приблизних, таких, які у своїй основі відповідали б духові оригіналу, відтворювали б думку в правильному емоційному оформленні.

У перекладі «Енеїди» на російську мову деякі фразеологічні звороти передані майже дослівно. Наприклад, у Котляревського: *Щоб не прощавишись тягу дать* (82), у перекладі: *Чтоб потихоньку тягу дать* (16); у Котляревського: *І тільки що хотів дать драла* (82), в перекладі: *И только захотел дать драла* (16); у Котляревського: *Слізьми троянці облилися* (68), в перекладі: *Троянцы облились слезами* (6); у Котляревського: *Волсент і духу тут пустив* (230), у перекладі: *И душу с телом разлучил* (149); у Котляревського: *Нехай видумують гостинці* (193), в перекладі: *Пусть мозгут про гостинцы* (119) і т. д.

Значна частина подібних фразеологічних зворотів перекладена приблизними відповідниками, але такими, які правильно відтворюють зміст оригіналу, як-от: у Котляревського: *Він видавить з тебе олію* (81), в перекладі: *Так расшибет тебя в лепешку* (15); у Котляревського: *В три вирви вигнали відтіль* (71), у перекладі: *В три шеи выгнали* (9); у Котляревського: *П'ятами з Трої наживав* (65), у перекладі: *Котомку взял и был таков* (3) і т. д. Звичайно, не всі переклади фразеологічних зворотів витримані в цілковитій відповідності, не всі вони повно відтворюють лексико-стилістичні особливості, але, в загальному, фразеологічні звороти, ідіоматичні вислови «Енеїди» на російську мову перекладені майстерно, з мистецьким смаком.

І. Бражнін є майстром відтворення інтонацій, прямої мови. Пряма мова в перекладі передається із збереженням усіх нюансів оригіналу: існує повний органічний зв'язок із змістом і формою всього твору. Намагання поета-перекладача відтворити вигову та звуконаслідувальну інтонацію, зберегти відтінок розмовності і просторіччя в прямій мові, особливо яскраво проявляється в таких уривках.

В оригіналі:

За сее ж дівку чорнобриву,
Смачную, гарну, уродливу,
Тобі я, далєбі, що дам (67).

У перекладі:

Коль это все исполнишь живо,
Красотку-девку всем на диво
Тебе, ей-ей, в награду дам (5).

В оригіналі саме слово *далєбі* надає всьому висловленню безпосередності у мові героя з елементами просторіччя. Перекладач, намагаючись дотримуватись оригіналу, замінює його вигуківими *ей-ей*, що також вдало відтворює зміст думки і мовну характеристику персонажа.

У Котляревського:

Гай, гай! Ой, дай же його кату! —
Еол насупившись сказав: —
Я все б зробив за сюю плату,
Та вітри всі порозпускав (67).

У перекладі:

Эол, насупившись, в ответ:
«На все готов за эту плату,
Да вишь, ветров-то дома нет» (5).

Цілком природно, від несподіваної обіцянки Еол глибоко схвилюваний, і це схвилювання Котляревський передав за допомогою вигуківих слів *Гай, гай! Ой!*, що надають мові відтінку безпосередності. Поет-перекладач відтворює це за допомогою слова *вишь* та частки *то*, які в мові перекладу виконують ту ж саму стилістичну функцію.

Перекладач, витримуючи переклад у бурлескному стилі, намагається знайти такі лексико-стилістичні засоби в російській мові, які б найповніше відтворювали думку і художні особливості твору-оригіналу.

Цариця Карфагена Дідона звертається до троянців з такими словами:

Відкіль такі се гультіпаки?
Чи рибу з Дону везете?
Чи може виходці-бурлаки?
Куди, прочани, ви йдете?
Який вас враг сюди направив?
І хто до города причалив?
Яка ж ватага розбишак? (71).

Весь уривок витриманий в душі бурлескного стилю, з явним елементом просторіччя. Дідона-цариця розмовляє приблизно так, як сільська українська жінка часів Котляревського. Поет-пере-

кладач зберігає це забарвлення, наближуючи його до російської пародійної мови:

Откуда гольтьба такая?
Аль рыбу с Дона привезли?
Аль спьяну забрели, гуляя?
Аль богомольцами пришли?
Каков вас черт сюда направил?
Что за герой сюда причалил?
И что за банда с ним гуляк?(9).

«Енеїда» Котляревського, в загальному, витримана в бурлескному стилі, проте, в ній є місця, окремі строфи, подані в поважному, не в пародіюючому плані, з явним елементом ліризму. Перехід пародіюючого викладу подій і зображення явищ у поважний, ліричний тон, поглиблює викривальну суть твору.

Сатиричний елемент в «Енеїді», який виступає, зокрема, в описі пекла, це вже не пародія Вергілія, а дошкульна сатира на тогочасний лад, на вади тогочасного суспільства. Всебічне і глибоке знайомство Котляревського з побутом та життям різних верств тогочасного суспільства дозволило йому створити яскравий опис пекла, розкрити психологію представників найрізноманітніших верств феодально-кріпосницького суспільства.

Опис пекла — це гостра і дошкульна сатира на вади класового суспільства. Багатство фарб в описі пекла спричинювалось до труднощів у роботі перекладача Бражніна. Тут треба було мати великий запас лексико-стилістичних засобів, щоб правдиво відтворити опис пекла. Всестороння обізнаність з українською мовою, глибоке знання багатств російської мови, поетичний талант, дотепність у висловленні думок і зображенні подій, наполеглива і вперта праця в підборі відповідних лексико-стилістичних елементів — все це, разом взяте, забезпечило перекладачеві успіх у відтворенні опису пекла.

Для ілюстрації наведемо кілька уривків.

В оригіналі:

Всім старшинам тут без розбору,
Панам, підпанкам і слугам
Давали в пеклі добру хльору,
Всім по заслугі, як котам.
Тут всякі були цехмистри,
І ротмани, і бургомистри,
Судді, підсудки, писарі,
Які по правді не судили
Та тільки грошки лупили
І одбирали хабарі (136).

У перекладі:

Начальников нещадно драли,
Панов, подпанков, челядь их;
Всем по заслугам воздавали:
И старых жгли и молодых.
Тут были всякие цехмистри,

Советники и бургомистры,
Чинуши, судьи, писаря,
Те, что по правде не судили,
А только денежки лупили
И обирали бедных зря (63).

В оригіналі:

Батьки, які синів не вчили,
А гладили по головах,
І тільки знай що їх хвалили,
Кипіли в нефті в казанах;
Що через їх синки в ледащо
Пустилися, пішли в нінащо,
А послі чубили батьків,
І всією силою бажали,
Батьки щоб швидше умирали,
Щоб їм прийнятись до замків (137).

У перекладі:

Отцам, что деток не учили,
А гладили по головам,
Да только знали, что хвалили,
Здесь воздавали по делам:
В кипящей нефти их купали
За то, что из-за них пропали
Сыны, да их же, дураков
Родителей, за чубы драли
И смерти скорой им желали,
Чтоб растрясти добро отцов (64).

В оригіналі:

Гай! гай! та ніде правди діти,
Брехня ж наробить лиха більш;
Сиділи там скучні пііти,
Писарчуки поганих вірш,
Великі терпіли муки,
Ім зв'язані були і руки,
Мов у гатар терпіли плін.
От так і наш брат попадеться,
Що пише, не остережеться,
Який же втерпить його хрін! (138).

У перекладі:

Эх-ма, нет в мире правды, детки.
С брехней же натворишь грехов:
Сидели, точно птички в клетке.
Кропатели плохих стихов
И страшные терпели муки.
Им накрепко связали руки,
Чтоб не строчили виршей впредь.
Вот так и нам попасться можно.
Когда писать неосторожно.
Да трудно ж, черт дери, терпеть (65).

Наведені уривки зайвий раз свідчать про велику цінність перекладу на російську мову «Енеїди» Котляревського. Переклад «Енеїди» на російську мову може свідчити про високе

перекладницьке мистецтво радянських поетів-перекладачів. Майстерний переклад «Енеїди» зумовлений вірним підходом перекладача І. Бражніна до методу відтворення змісту і лексико-стилістичних особливостей оригіналу.

Вдалий переклад лексичної основи та граматичної будови мови оригіналу, майстерне відтворення індивідуально-художніх особливостей (застосування українізмів, з допомогою яких перекладачеві вдалося зберегти колорит побуту українського народу, відтворення системи заперечних і стверджувальних порівнянь при характеристиці героїв та умов їх життя, переклад фразеологічних зворотів, вміле відбиття вигуків та звуконаслідування і т. д.) послужили правильному і глибокому відтворенню у перекладі ідейно-художнього змісту великого класичного твору української літератури «Енеїди» Котляревського. Завдяки майстерному перекладові «Енеїда» стала надбанням культури російського народу.

СКЛАДНІ РЕЧЕННЯ РОЗДІЛОВО-ДОПУСТОВОГО ЗНАЧЕННЯ

Складні речення розділово-допустового значення набули значного поширення в літературній мові, особливо в її усній формі.

Для значення розділової допустовості характерне органічне поєднання розділових і допустових відношень, що стає можливим, головню, завдяки особливостям будови цих речень і спеціальному доборові сполучників.

В розділово-допустових реченнях дія головної частини відбувається всупереч дотриманню чи недотриманню певних умов, висловлених у підрядній частині:

В мене є дружина, є сім'я. І хоч сердься ти, а хоч не сердься, вже любов ніяка й нічия Не увійде до мойого серця. (О. Підсуха).

Хоч правду говори, хоч бреши — все виб'ю (Номис).

...А там чи заснув, чи ні, вже його, ще сонце не сходило, збудили (Г. Квітка-Основ'яненко).

Хоч приєм по сові, хоч сову об пень, а все сові лиху (Номис).

Як відомо, «...суть розділового значення полягає в тому, що члени ряду вступають у логічний зв'язок із словом пояснюваним не всі разом, а кожен зокрема, при умові виключення інших»¹.

В розділово-допустових реченнях «виключення» робиться різними способами, і тому при аналізі речень даного типу найбільший інтерес становить будова підрядної частини.

Вона являє собою найрізноманітніші синтаксичні побудови, у яких між «членами ряду» за допомогою спеціальних сполучників (або й без сполучників) встановлюються розділові відношення. Зміст підрядної частини співставляється із змістом головного речення в плані допустових відношень, і, таким чином, речення в цілому набуває розділово-допустового значення. В цьому переконують і наведені вище приклади.

Досліджений матеріал показує, що члени ряду в підрядній

¹ Курс сучасної української літературної мови, т. II, Київ, 1951, стор. 115.

частинні розділово-допустових речень дуже часто мають будову простих речень, кожне з яких окремо могло б взаємодіяти з головним в плані допустових відношень.

Як правило, присудки у реченнях-членах ряду спільні, але якщо у першому з них присудок стоїть у стверджувальній формі, то в другому — обов'язково у заперечній, інакше не було б «виключення», характерної риси розділовості:

Ти гадаєш, чому я послав Лупулові загін козаків з Тимошем? Чи *допоможє*, чи *не допоможє*, а дочку в нього висватаю за Тимоша (П. Панч).
Коваль: Чи *жати*, чи *не жати*, а сіяти треба! (М. Кропивницький).
Неофіт-раб: *Гріх* чи *не гріх*, а мука зостається (Л. Українка).

Звертає на себе увагу компактність будови підрядної частини. При антонімічно повторюваних присудках звичайно підмети опущено, а у функції присудків виступають не тільки дієслова, але й прислівники антонімічного змісту (присудкова частина):

Ну, *сяк* чи *так*, а все ж не винада Для справжньої шляхетської природи
Пускатись на такі-от авантури, Як Замітальський (М. Рильський).
Чи *зело*, чи *толіко*, а шибениці, бачу, мені не минувати... (П. Панч).

Дуже часто змість повторення присудка у заперечній формі чи присудкової частини в антонімічній формі вживається саме заперечення у формі *ні*:

Аж розсердилася мати: чи понидуть там, чи *ні*, а ти вже кричеш над дітьми, як чорний ворон (С. Висльченко).
Чи зібравсь, чи *ні*, мерцієй нині Улисович сів на коня (Г. Квітка-Основ'яненко).

Друге повторене слово має протилежний до першого слова зміст навіть тоді, коли це формально не виражено:

Так чи *так*, а польський посол Маховський дещо знав з того, чим пояснювалась мовчазність, що панувала в Бахчисарайському палаці ханів (Н. Рибак).
Біло світ: Виходить — хоч *круть*, хоч *верть*, таки просити треба (Л. Дмитерко).

Приналежність таких розділово-допустових речень виключно до розмовного стилю обумовлює, як видно і з прикладів, особливості будови підрядної частини в них. Перед нами не стільки речення, скільки еквіваленти речень.

Характерною особливістю структури підрядної частини у розділово-допустових реченнях є постійна кількість членів ряду — їх завжди два. Це стосується і тих речень, у яких підрядні частини більш поширені (є другорядні члени):

Своя хата гірше тюрми завжди здавалася! Чи в гостях бувало, чи в тебе гості, — не скажи слова лишнього, не привітай добрим словом чужої господиню або не жартуй з дівчини (П. Мирний).

Пояснити це слід природою протиставлення. У більшості розділово-допустових речень повторювані члени у підрядній частині різко протиставляються один одному лексичним значенням. А протиставлення, як відомо, завжди двочленне. І лише в тому випадку, коли відсутнє лексичне протиставлення, членів ряду у підрядній частині може бути не тільки два, але й більше:

Хоть беріть 'го у пазуху, а хоть у торбину, я вам не бороню (М. Черемшина).

Аді хоть мені медом масти, хоть дегтем черни, а хоть мні бери та на шкामутки порубай, то ек скажу, що ми неї жель, то жель (М. Черемшина).

З усієї кількості сполучників розділового значення в розділово-допустових реченнях вживається лише два: повторюваний **хоч** і сполучник **чи**, який може бути як одиничним, так і повторюваним¹. Причину такого відбору слід, очевидно, вбачати в тому, що тільки ці два сполучники, крім розділового, можуть мати ще й допустове значення. В головному реченні до підрядних сполучників є обов'язковий відповідник **а**, так що засобами оформлення розділово-допустових відношень є тактично парні сполучники **хоч ... хоч — а, чи — а, чи... чи — а**. Правда, дуже часто сполучник **а** опускають, але пропуск завжди помітний і компенсується засобами інтонації, дуже виразної у цьому типі речень.

Замість **а** в окремих поодиноких випадках може бути вжитий і інший сполучник з числа протиставних, але це слід вважати відхиленням від правила:

Так **чи** так, але Лаврін Капуста вирішив поїхати на це дивне і загадкове побачення (Н. Рибак).

Тарлецький: *Чи* тямить він, *чи* ні, *зате* він з нами (Л. Дмитерко).

Одиничний **чи** стоїть при другому присудку підрядного речення:

Йоганна: Вір *чи* не вір — я все тобі скажу: примусила мене повинність вища (Л. Українка)².

Менше поширений сполучник **хоч... хоч**. Він — завжди повторюваний, бо одиничний **хоч** у функції розділового не вживається³.

Друге **хоч** цього сполучника у живій розмовній мові може бути опущене, але це завжди помітно, оскільки на місці пропуску — виразна пауза:

Я й покотивсь... Ще як не вбивсь — не знаю, Теперечки хоч плач — не плач, Оттак, як бач, На дерев'янці шкандибаю (Л. Глібов).

¹ О. Є. Вержбицький вважає, що розділово-допустове значення може мати лише повторюване **чи**. «Курс...», т. II, стор. 310.

² Правда, можна вважати, що в таких реченнях при першому присудку **чи** опущено.

³ Див. «Курс...», стор. 120.

Пропуск одного хоч можливий при відповідному інтонуванні лише в тому разі, коли маємо в підрядному реченні дійсно повторення присудка у заперечній формі (як у попередньому реченні з Глібова). Коли ж до першого слова вжито протилежне за значенням інше слово, то опустити сполучник не можна, бо це призвело б до зруйнування речення. В цьому можна переосвідчитися, спробувавши опустити друге хоч у такому реченні:

Як стане було отой Гопченко гопки, то вже не зіб'єш його нічим,— хоч плач, хоч скач, а зробиць, як сказав (Ю. Яновський).

Якщо в підрядній частині находимо плеонастичне сполучення хоч хай, то слід пам'ятати, що сполучник тут — лише хоч ... хоч, а хай — це частка, що у поєднанні з дієсловом утворює описовий наказовий спосіб, часто вживаний у цьому типі речень:

Я це знаю. Хоч най цьому ніхто не вірить, хоч най вірить, то я це знаю (О. Кобилянська).

(В цьому реченні О. Кобилянська вжила діалектну форму най замість хай).

На відміну від усіх інших структурно-семантичних типів допустовості, в розділово-допустових реченнях дуже поширене явище пропуску підрядних сполучників¹ хоч ... хоч і чи ... чи. Наприклад:

Хочеш — не хочеш, страшно, чи ні, а вже треба пливти до того далекого берега (С. Васильченко).

Цьому сприяє і строгі дотримання сталої і постійної «формули побудови» більшості розділово-допустових речень: підрядне речення — завжди на першому місці; в ньому обов'язкова наявність повторюваних присудків антонімічного змісту; головне речення починається сполучником а; все речення має належний лише цьому типові інтонаційний малюнок.

Все це сприяє тому, що розділово-допустове речення сприймається як компактне єдине синтаксичне ціле, незважаючи на постійну у цьому типі речень часову і модальну невідповідність присудків головного і підрядного речень.

Можливість існування в мові розділово-допустових речень з опущеними підрядними сполучниками чи не в найбільшій мірі обумовлюється приналежністю цього типу речень виключно до розмовного стилю мови, який охоче використовує короткі, лаконічні вислови, емоційно забарвлені, з виразним інтонуванням логічно наголошених членів.

З пропуском сполучників підрядна частина розділово-допу-

¹ Див. про ці конструкції і в «Курсі...», т. II, стор. 124.

стового речення набуває вигляду своєрідних сталих синтаксичних сполучень:

Вітер повіє, драти загудуть, Глянем у небо — вже й хмари плывуть. *Хочуть — не хочуть*, а мусять вони Знову пролить на колгоспні лани (І. Муратов).

Піймав не піймав, а погнатись можна (Номис).

Тріщи не тріщи, минули Водохрещі (Номис).

Гнись не гнись, а в голоблі становись (Номис).

Не дивно тому, що такі конструкції охоче використовуються в прислів'ях та приказках — коротких, влучних, яскраво емоціональних висловах.

Про особливості підрядної частини у таких реченнях пише і Н. Ю. Шведова, досліджуючи різні види значень присудків у сучасній російській мові. У першій частині речень типу «спал — не спал, а вставай» виражається «дія, що оцінюється як байдужа з боку її результату»¹.

Дія ця виражається, як пише Н. Ю. Шведова, «*злитим безсполучниковим сполученням двох однакових форм одного і того ж дієслова, з запереченням перед другою з них*. Таке сполучення носить характер сталої синтаксичної конструкції. Дія, про яку повідомляється, *завжди співставляється з другою в плані допустових відношень*»².

За таким же зразком будуються і ті речення розділово-допустові, у яких присудок у підрядній частині не дієслівний, а окладений іменний (зв'язка тут здебільшого опускається через відсутність підмета).

Ти, дяче, гляди, язика тримай за зубами. *Татари не татари*, та це нехай тебе не обходить (Н. Рибак).

Рвались фугаски, свистіли болванки. *Диво не диво*, а грунт горів! (Л. Дмитерко).

Підійшла і сказала Олені: *Тиф не тиф*, а прикинься І в ліжко лягай, Тей минатимуть ці... навіжені (Л. Первомайський).

Разом з підрядними можуть бути опущені і сурядні протиставні сполучники. Їх пропуск завжди виразно інтонується.

Прокіп зітхнув. Але — *зітхай не зітхай* — інакше не буде (М. Коцюбинський).

Ну, що ж, — *шкода не шкода* — ми вже тому не зарадимо.

Підрядне речення, у якому присудок — повторюване дієслово «хотіти» у теперішньому часі — «*хочеш, не хочеш*» — може перетворитися у своєрідний фразеологізм: *хочеш* — стягується в

¹ Н. Ю. Шведова, Некоторые виды значений сказуемого в современном русском языке (наблюдения и материалы). Исследования по грамматике русского литературного языка. Сборник статей. Изд. АН СССР, М., 1955, стор. 337.

² Там же. (Підкреслення наші. — А. К.).

хоч, а весь вираз — в *хоч-не-хоч*, який виконує функцію підрядного речення:

Хоч-не-хоч, пустили мене по госпіталях (Ю. Яновський).

Та так прехороше та жалібно співають, що *хоч-не-хоч*, так заплачеш (Квітка-Основ'яненко).

Коли до тебе звертаються по-людському, то *хоч-не-хоч*, а відповіси так само (І. Вільде).

У письменників старшої генерації **хоч-не-хоч** зустрічається ще в формі **хотя-нехотя**:

Хотя-нехотя мусили тепер монголи держатися на середині долини, зда-лека від тухольських метавок (І. Франко).

Підсумовуючи, відзначимо, що розглянута група допустових речень становить окремий структурно-семантичний тип, дуже добре пристосований для вираження розділово-допустових відношень. Основне значення допустовості — дія головного відбувається всупереч висловленій у підрядному реченні умові — тут виступає досить чітко, але у трохи видозміненому вигляді, зважаючи на те, що для створення допустового значення у цьому типі речень використані і розділові відношення.

Сфера поширення цих речень — майже виключно розмовний стиль — у великій мірі обумовила структурні особливості цих речень: в основній своїй масі це — лаконічні, компактні вислови, завжди емоційно забарвлені, з сталим інтонаційним малюнком.

Стисло і виразно передається думка у безсполучникових реченнях, у яких підрядне речення складається здебільшого лише з антонімічно повторюваного присудка, весь вираз може набути форми і значення фразеологічного звороту, чим і пояснюється широке використання даних структур у прислів'ях і приказках.

СКЛАДНІ РЕЧЕННЯ ПРИЄДНУВАЛЬНО-ДОПУСТОВОГО ЗНАЧЕННЯ

До складних речень приєднувально-допустового значення належать складні речення двох відмінних один від одного структурних типів, об'єднаних, проте, спільним приєднувально-допустовим значенням.

До першого структурного типу належать речення з підрядно-вставним допустовим (у них підрядна частина має форму вставного речення і дуже близька до нього за значенням), а до другого — речення власне приєднувально-допустові (в них підрядні мають форму самостійного речення).

Речення першого структурного типу за будовою дуже близькі до власне допустових з підрядними в середині головного, але відрізняються від них слабшим підрядним зв'язком.

З того, як він торгонує стільцем, як сів і одразу ж встав, підійшов до дверей і потягнув за ручку (хоч двері було й так щільно зачинено), — всі зрозуміли, що секретар парторганізації чимсь схвильований («Вітчизна», 1955, № 11, стор. 72).

Урочисто за самою природою звучать в українській мові такі слова, як «батьківщина», «вітчизна», «слава» (хоча останнє можливе, проте, у відносно рідкому, епантіосемічному вжитку), «славний», «прапор», «прапорносець», «велетень», «гігант», «перемогах» і т. д. («Українська мова в школі», 1954, № 2, стор. 21).

Як видно з наведених прикладів, тут у формі підрядних допустових речень виступають фактично вже вставні речення, які виконують функцію другорядного, побічного зауваження, що в певний спосіб обмежує то головне речення в цілому (як у першому прикладі), то окремий його член (як у другому прикладі), — тобто виконують звичайну функцію вставних речень. Допустові відношення в таких реченнях дуже ослаблені. Приєднувальні відношення створюються тут насамперед значенням самого підрядно-вставного речення. Це завжди побіжне, хоч часом і важливе зауваження. Воно виникає в свідомості, як пише С. Ю. Крючков, ніби в самому процесі висловлювання, виникає додатково і

являє собою ніби додаткове судження¹. Воно вимовляється припвидшено, з пониженням тону, що веде до ослаблення логічного наголошення його. Це в свою чергу сприяє розумінню того, що виділене в такий спосіб обмежувальне твердження є неістотним, неважливим, а увага мусить фіксуватись на змісті головного твердження.

Синтаксичний зв'язок між головним і таким підрядно-вставним реченням ослаблюється, домінуючими стають не допустові, а приєднувальні відношення. При записі таких конструкцій підрядно-вставні речення звичайно беруться в дужки.

Допустові відношення, які виступають тут у дуже ослабленому вигляді, виникають від взаємодії значень головного і підрядно-вставного речень. Оформлюються вони звичайними засобами складної допустової підрядності, причому найчастіше вживається найбільш поширений сполучник *хоч*.

Зв'язок між змістом головного речення і значенням підрядно-вставного посилюється фактом наявності в обох частинах (головній і підрядній) спільних суб'єктів, об'єктів чи атрибутів, що виступають в однакових чи різних граматичних формах.

Спільний атрибут:

Слівце твоє, легке як перце (хоч би й старі твої літа), — і дівчині впаде на серце, і всю країну обліта... (П. Тичина).

Спільний суб'єкт:

Химерна того не судила доля,— А мріє він про давню вольну волю, що блискала, як горобина ніч,— і запорозьку відродити Січ (Хоча і польський з нього патріота (одважні плани укладає потай) (М. Рильський).

Спільний об'єкт:

Орфографічні помилки, зумовлені місцевими говірками, зустрічаються найчастіше не в контрольних диктантах (хоч бувають і в них), а в таких письмових роботах: в переказах, самостійних творах, прикладах, які придумує сам учень, і т. п. («Українська мова в школі», 1953, № 6, стор. 35).

Підрядно-вставні речення стоять найчастіше в середині головного, але можуть бути і після нього; тоді вони пояснюють не окреме слово головного речення, а все головне речення в цілому.

Вбирали січену капусту, шатковану і огірки (Хоть це було в час м'ясопосту)... (І. Котляревський).

Це Василь Кочубей так — наш цеховий ледар (хоч, по правді сказати, і красивий парубок (О. Донченко).

Чом так рано в поле йдеш? А дівчата твої де ж? Знаю — вийшла не по квіти (Хоч і квіти любиш теж!) (І. Нехода).

¹ С. Е. Крючков, О присоединительных связях в современном русском языке, сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», М., 1950, стор. 400.

Бувало на свята заскочу я до неї на хвилинку, — Варенням почастиє, паніта (Про се, про те, розкаже, що листа одержала з Одеси чи з Уралу) Від когось із «дітей»... (Хоч ми й сами батьками вже були...) (І. Муратов).

Зрозуміло, що в таких реченнях вага приєднувальних відношень стає ще більшою.

Приєднувально-допустові речення другого структурного типу являють собою парні з'єднання самостійних речень, одне з яких (завжди друге) має форму допустового підрядного речення.

Захотілося розповісти обозному про зустріч з Півторакожухом. Та чи проуміє він? Мабуть, що ні. Хоч для ока може й руками сплесне од подиву (П. Рибак).

Можливість існування в мові таких конструкцій ґрунтується на тому, що і між самостійними реченнями є смислові зв'язки, які до того ж часто оформлюються граматично. З цього приводу І. Фігуровський правильно зазначає: «Коли уявити, що між реченнями в художньому творі немає смислового зв'язку, то це му- сіло б означати, що з тексту художнього твору можна було б без шкоди викреслювати речення за реченням. А між тим цього зроби- ти не можна. Виходить, що смисловий зв'язок між реченнями є, і є щось у будові речень, що виражає цей зв'язок¹.

Незважаючи на те, що в парні з'єднання входять два само- стійні речення, між ними ясно усвідомлюються смислові відно- шення приєднувально-допустового значення.

Другу частину таких парних з'єднань самостійними речення- ми в повному розумінні цього слова вважати не можна, тому що, по-перше, друга частина оформлена як підрядне речення (а само- стійно, без головного, підрядне, як відомо, вживатись не може); по-друге, такі «підрядні» тісно зв'язані з «головними» семантично. Від їх взаємодії і створюються приєднувально-допу- стові відношення. Правда, речення, оформлене як підрядне до- пустове, часто має значення побіжного зауваження, додаткової характеристики змісту головного речення, проте дуже часто під- рядні відношення тут досить виразні.

Зважаючи на різну силу допустових відношень, в конструк- ціях цього структурного типу розрізняємо кілька різновидів.

а) Перший із них становлять такі парні з'єднання, які мож- на вважати складнопідрядними реченнями особливої ритмоме- лодики: підрядне речення, що стоїть після головного, відділя- ється від останнього більшою проти звичайної паузою; на письмі між головним і підрядним ставлять крапку. У таких конструк- ціях висловлене в першому реченні основне твердження обмежу- ється визнанням одночасно існуючої протилежної думки чи дії,

¹ А. Фигуровский, Смысловые отношения между самостоятельными предложениями и грамматические средства их выражения (кандидат- ская диссертация), стор. 10—11.

яку, хоч вона не є тут настільки істотною, як у звичайних обмежувально-допустових реченнях, неосмінно треба мати на увазі.

Візьмуся. Хоча й знаю: немало буде сміху з куркульського боку (М. Стельмах).

Я знаю, що мушу свої роки відбути при жовнірах, а все-таки думаю не раз, так як мама, не раз таки день у день, чи не можна би якось звідти вирватися? Хоч знаю, що не можна (О. Кобилянська).

Може, бачив її і раніше, але за клопотом зі своїм раціоналізаторським винаходом ніби нічого навколо й не помічав. Хоч у своїй розповіді кілька разів мимоволі згадував, що коли в часи задуму над удосконаленням він зустрічав хороше, привітне дівоче обличчя, йому думалося якось вільніше. Його творча жага зростала (Іван Ле).

Міцність синтаксичного зв'язку між головним і підрядним твердженням забезпечується, по-перше, повнозначністю змісту обох речень, а це дає можливість увиразнити саме допустові відношення; по-друге, структурними засобами: друге речення приєднується до першого типовим допустовим сполучником **хоч**, в обох реченнях спостерігається часова співвідносність присудків, підмет в обох реченнях спільний.

Подібні відношення виступають і в конструкціях, що мають в обох частинах антонімічні лексеми або спільні (наявні чи опущені) суб'єкти дії (в однакових чи різних граматичних формах). Наприклад, речення антонімічними лексемами:

У серці — одвага. Хоч сльози на очах (Л. Українка).

Є пісноп: Ти постуєш? Хоч я оборонив для в'язнів піст? (Л. Українка).

Здається, що й страху ніколи не відчуває і не хвилюється ніколи. Хоч і чекає на неї на кожному кроці небезпека (В. Козаченко).

Однак Юрко все ж чекав. Чекав на чудо. Хоч чекати було й нічого (В. Козаченко).

Речення з спільними суб'єктами:

У таких життєвих маленьких справах я, товаришу секретар, трохи розбираюсь і, маю надію, не похитнутись. Хоч посада моя теперішня досить габнеба (О. Федоров).

Не спиться гетьманові цієї ночі. Тікає від нього сон. Хоч знає він, що завтра буде сила справ і болітиме голова, і краще було б заснути і забути увесь цей метушливий клопіт (Н. Рибак).

З усіх речень приєднувально-допустового значення наведені вище парні з'єднання до власне допустових речень стоять найближче. Саме про такі конструкції можна сказати, що в них основне значення сполучника і приєднуваної ним частини не міняється, а створюється лише особливий експресивний відтінок.

б) У конструкціях другого різновиду допустові відношення ще більш ослаблені, внаслідок чого на перший план виступають власне приєднувальні.

Може, це була лише його чемність, як і в тому коротенькому листі з Ленінакана? Хоч про лист вона ніколи йому не нагадувала (Я. Баш).

Там знайдеться й для Красної Марини і для її коханого Марка Розложистого закуток ярка. |Де виросте, як маківка в городі, |Нова хатина — і в новій господі| По праці спочиватимуть вони... |Хоч дід Наум тієї сторони не бачив сам... (М. Рильський).

..Тут право першості належить їй. Як і між нами це право належить не мені, а тобі. І знову криво усміхнувся:

— Хоч, чорти його батька знають, тут і всі права переплутались! (Я. Баш).

..І тоді ти знатимеш, хто я такий і чому поза всяким законом (О. Гончар).

Мартин: ...І багато людей повік вам будуть вдячні за вашу прихильність. Хоч деякі люди кажуть: «Не вір, мовляв, Йосипові, бо він тебе втопе!» (М. Кропивницький).

У кожному з наведених парних з'єднань друге речення по відношенню до першого — лиш додаткове роз'яснення, своєрідне доповнення до раніше сказаного в першому реченні. І природно, що в цих конструкціях сполучник **хоч** більше приєднувальний, ніж допустовий, а друге речення функціонально зближується з вставним.

Проте в таких парних з'єднаннях спостерігається певна змістова близькість обох речень, часто підтримувана наявністю (хоч і не обов'язковою) в них спільних членів. А це свідчить про те, що відношення між обома реченнями не чисто приєднувальні, а приєднувально-допустові.

в) Парні з'єднання третього різновиду — це складні речення чисто приєднувального значення, у яких сполучник **хоч** допустового значення не має.

Нічого тішити себе надаремно, він не дитина, може дивитись гіркій правді в вічі. Хоча зараз німці ніби вгамувались (О. Гончар).

Хто знає, що кому завтра принесе. Хоч — маю надію — ми ще забавимося сьогодні (Я. Галан).

Може на тому острові є якась станція? Хоча як же в такому разі міг Кар говорити, що то зовсім невідомий острів? (М. Трублаїні).

Отак-то, друже мій, живи, |То й весело на світі буде|. І буде варт на світі жити, |Як матимеш кого любить|. Хоть кажуть от ще що, небоже: |Себе люби, то й бог pomoже (Т. Шевченко).

Зовнішньо такі конструкції оформлені, як і попередні, але в змісті обох речень дуже мало спільного, що виражається в більшості випадків у відсутності в них спільних членів, і тому власне допустовості тут немає. Допустові відношення можуть стати до деякої міри відчутними лише при врахуванні широкого контексту.

Часто речення приєднувально-допустового значення використовуються в мові з спеціальною стилістичною настановою поживавити діалог. Це буває тоді, коли обидві частини парного з'єднання належать різним персонажам.

— Пардон, пане Людвіг, — знизав плечима Лясота, — а все-таки я не розумію.

— Хоч панові, як історика, і належить розуміти (П. Панч).

Такі речення виразно емоційно забарвлені.

Серед приєднувально-допустових зустрічаються і такі речення, які становлять собою поєднання самостійного твердження — окремого речення — з складнопідрядним, у якого підрядне допустове стоїть у препозиції до головного.

Круста: І я ж казав — неправда. Хоч і знаю, [римлянин отакої вдачі й думки, як наш Руфін, | волів би пийти отруту, аніж вино за цезаря здоров'я, | а все ж я їм казав — неправда (Л. Українка).

Був кашовар мовчазний в ті дні, | Як хто не вертався з передової: | — Значить, казав він, тепер ми одні. А може ще прийде? Каша постоїть... | Хоч було відомо: згорів до тла, | Уже ні дихання нема, ні тіла, | А він, кашовар, біля котла Беріг йому кашу, щоб не згоріла (А. Малишко).

Характерну особливість цих речень становить особлива функція підрядного допустового. Між самостійним реченням і підрядним допустовим відношення виявляються приєднувально-допустовими, а між головним і підрядним — чисто допустовими. Отже, підрядні речення у таких конструкціях фактично по-різному відносяться до двох різних головних.

Вживають таких конструкцій здебільшого в поетичній мові. Сказане стає виразнішим, міцніше спаяним:

Любити Рим? Сей Вавілон поганій? Жартуєш, пане, хай він западеться! Хоч кажуть люди, що як Рим скінчиться, то й світ скінчиться, та мені дарма, — ... ми житимем і по скінченню світа (Л. Українка).

Кирик: Твій п'ятак коштував би крові, | Коли б ти шаблю мав, не гусяче перо. | Хоч, правда, уві сні тобі здається, | Що не перо, а булаву тримаєш... Даремні сні! (Л. Дмитерко).

Як показує матеріал, конструкції приєднувально-допустового значення в обох своїх структурних типах і різновидах характеризуються неоднаковою міцністю зв'язку між головною і підрядною частиною і різною силою допустових відношень. Амплітуда коливань семантики сполучника хоч досить велика — від обмежувально-допустової з відтінком приєднувального значення — до чисто приєднувальної з слабким відтінком допустовості. Тому думка Хартіашвілі про те, що в конструкціях приєднувального значення підрядні сполучники (серед них він називає також **хотя** і **пусть**) виконують лише приєднувальну роль, нам не здається переконливою¹.

Більше рації має, на наш погляд, С. Ю. Крючков, який говорить, що в складних конструкціях приєднувального значення частина з підрядним сполучником — залежна, несамостійна, але ступінь залежності приєднувальної частини у різних конструкціях неоднаковий².

¹ Див. Л. Г. Хартіашвілі, Вводные предложения в современном русском языке, Тбілісі, 1953, стор. 120 (кандидатская диссертация).

² С. Ю. Крючков, Цитована праця, стор. 407.

Досліджений матеріал показує, що складні речення приєднуально-допустового значення зустрічаються в різних стилях літературної мови, хоч великого розповсюдження, порівняно з іншими типами, не набули. Конструкції другого структурного типу — парні з'єднання приєднуально-допустового значення — є притаманними розмовному стилю, вони майже завжди емоційно забарвлені. Експресивний відтінок мають і приєднуально-допустові речення першого структурного типу (з підрядно-вставним реченням), за винятком тих, що вживаються в науковому стилі.

М. О. ВОЙТКО,

доцент, кандидат филологических наук

ПОЭЗИЯ ДЕМЬЯНА БЕДНОГО В БОРЬБЕ С ИНТЕРВЕНЦИЕЙ И КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ в 1918—1920 годах¹

(Из монографии «Творчество Демьяна Бедного»)

В «Автоэпитафин», написанной 24 февраля 1945 г., Демьян Бедный точно определил смысл своей литературной деятельности:

Не плачьте обо мне, простершемся в гробу:
Я долг исполнил свой и смерть я встретил бодро.
Я за родной народ с врагами вел борьбу,
Я с ним делил его геройскую судьбу,
Трудился с ним и в непогодь и в ведро².

На протяжении своего творческого пути Д. Бедный мужественно боролся за благородные коммунистические идеалы. Заслуги поэта были высоко оценены партией и правительством. В ознаменование исполнения Д. Бедным своего долга перед социалистическим отечеством в годы гражданской войны ВЦИК наградил его орденом боевого Красного Знамени. От имени ВЦИК М. И. Калинин обратился к поэту с приветствием, в котором писал:

«Произведения ваши, простые и понятные каждому, а поэтому необыкновенно сильные, зажигали революционным огнем сердца трудящихся и укрепляли бодрость духа в труднейшие минуты борьбы. Страдания, борьба, подвиги и достижения восставшего пролетариата находили в вас достойного певца»³.

1918—1920 годы — период иностранной интервенции и гражданской войны в нашей стране. Рабочий класс, трудящиеся массы крестьянства под руководством Коммунистической партии героически отражали ожесточенный натиск внутренней контрреволюции и интервенции.

Советская литература в эти годы вдохновляла трудовой народ на борьбу с многочисленными и сильными врагами диктату-

¹ В статье автор не анализирует повестей и поэм Д. Бедного, написанных в 1918—1920 гг.

² Архив Д. Бедного, Институт мировой литературы (ИМЛИ) им. А. М. Горького.

³ «Известия ВЦИК», 1923, 24 апреля.

ры пролетариата. За годы гражданской войны Д. Бедный опубликовал около сорока книжек поэтических произведений, в которых разоблачал классовых врагов пролетариата, призывал трудящиеся массы к самоотверженной борьбе против белогвардейцев и иностранных захватчиков, разъяснял читателям политический смысл происходящих событий, пропагандировал идеи социализма. Поэт выполнял священный революционный долг перед трудовым народом. Позже, в 1933 году, в статье «О революционно-писательском долге» поэт писал:

«Ленин в послесловии к своей книге «Государство и революция» сказал: «... приятнее и полезнее «опыт революции» проделывать, чем о нем писать». В согласии с этим я бы сказал, что для поэта, поскольку его стихи являются его делом, приятнее, полезнее и почетнее своими стихами участвовать в революции, нежели писать стихи о революции. Участвовать в революции — это значит: выполнять любое задание революции, не брезгуя никакой темой и формой, варясь, так сказать, в творческом соку революционной жизни, шагая нога в ногу рядом со своим читателем, революционным пролетарием и крестьянином, а не пребывая от него на дальнем расстоянии, «на горе», «у алтаря»¹.

Своим творчеством Д. Бедный дал пример служения великому делу — социалистической революции. Боевую поэзию Д. Бедного В. И. Ленин назвал «его революционной работой».

Поэзия Д. Бедного 1918—1920 годов — это летопись борьбы рабочего класса и трудового крестьянства Советской России против контрреволюции.

В январе 1918 года в стихотворении «Агитация солдата Яшки — Медной пряжки» Д. Бедный выступил с разоблачением немецких империалистов, Вильгельма II. Немецкая делегация на мирной конференции в Бресте прервала переговоры о мире с Советской Россией. Войска неприятеля начали наступление на нашу молодую республику.

Не о мире вели переговоры
Титулованные немецкие воры.
У хищного зверя таков уж обычай:
Не поступаться добычей².

Буржуазия внутри страны обрадовалась этому наступлению Вильгельма II и уже мечтала расправиться с большевиками, с диктатурой пролетариата. Наступление немцев вызвало среди трудящихся революционно-патриотическое возмущение против захватчиков. Поэт уверенно говорил, что в нашей Советской

¹ Д. Бедный, Собрание сочинений в пяти томах, М., Гос. изд-во худож. л-ры, 1953—1954, т. 5, стр. 293. В дальнейшем ссылки на сочинения Д. Бедного, кроме особо оговоренных случаев, даются по этому изданию.

² Д. Бедный, Полное собрание сочинений в 19-ти томах, М.—Л., Гос. изд-во, 1925—1933, т. III, стр. 15. В дальнейшем — римская цифра указывает том этого издания, арабская — страницу.

стране имеются силы, которые сумеют дать решительный отпор немецким интервентам. Поэт утверждал, что в тылу кайзера поднимутся революционные силы. В феврале в газете «Правда» Д. Бедный публикует торжественно-героические стихотворения «Коммунистическая марсельеза», «Революционный гудок». Это были грозные дни — немцы вели наступление, приближались к Петрограду. «Коммунистическая марсельеза» была посвящена рабоче-крестьянской социалистической армии. Стихотворение стало популярнейшей песней-гимном. Оно призывало народ к беспощадной борьбе с врагами. Порабощенные массы сбросили ненавистное иго эксплуататоров. Они провозгласили: «Коммунизм — наше красное знамя» и ныне смыкают свои железные ряды

Против гадов, охрипших от воя,
Пожиравших все наши труды.

(Т. 2, стр. 48).

Миллионы погибших братьев, плач матерей, стоны искалеченных бедняков — вот что дал капитализм человечеству. Рабочий класс поднялся на смертельную борьбу против жестоких угнетателей:

Пусть же знает, укрывшись в палаты,
Кто служил золотому тельцу,
Что настал час жестокой расплаты
Кулаку и банкиру-дельцу.

(Там же).

Страшный бой идет во имя светлого коммунистического будущего, где не будет эксплуатации человека человеком:

На развалинах старого зданья
Возведём мы наш светлый чертог.

(Т. 2, стр. 49).

Поэт пламенно призывает пролетариев мира — рыцарей нового строя — восстать «против общего злого вампира». После каждой строфы следует боевой призывный припев:

Кто честен и смел, пусть оружие берёт,
Свергай кабалу мироеда!
Нас ждёт или смерть, иль победа,
Вперёд, вперёд, вперёд, вперёд, вперёд!

«Марсельеза» сыграла важную роль в революционном воспитании масс.

22 февраля 1918 года Советское правительство опубликовало воззвание «Социалистическое отечество в опасности», призвало рабочих к оружию. Всю ночь на 22 февраля в Петрограде раздавались тревожные гудки фабрик и заводов. На фронт потоком шли вооруженные рабочие отряды.

В стихотворном обращении к народу «Революционный гу-

даже поэт бросил клич рабочим: дать сокрушительный отпор немечским войскам.

Вставай, поднимайся, рабочий народ!
Смертельный твой враг — у ворот!

(Т. 2, стр. 51) —

призывал поэт пролетариев великого города. Рабочий класс мира искренне сочувствует трудящимся России в их грандиозной борьбе:

Проклятье злодеям, творящим разбой!
К оружию, народ трудовой!

(Т а м ж е).

Перед объединенной силой мирового пролетариата «трепещет шатавшийся враг». Бойцы поклялись умереть или вернуться с победой.

23 февраля наступление врага было приостановлено. Этот день стал праздником Красной Армии — защитницы завоеваний социалистического Октября.

Внутренняя контрреволюция и иностранная интервенция с апреля 1918 года начинают сильный натиск на Советскую Россию, стремясь уничтожить власть рабочих и крестьян. Крупные наши порты захвачены врагами (Владивосток — японцами, Мурманск, Архангельск — англичанами). Английские империалисты вторглись в Туркестан, Азербайджан, в июле они захватывают Баку. Военные эскадры интервентов бороздили воды Балтики, Белого, Черного, Японского морей. Страна была блокирована. Везде иностранные интервенты помогали местным контрреволюционерам свергать Советскую власть и создавать белогвардейские антинародные режимы, уничтожать коммунистов, рабочих.

Иностранные державы, посылая свои войска в Россию, лицемерно заявляли, что они не вмешиваются во внутренние дела нашей страны. Чрезвычайно характерно признание генерала Грэвса, который командовал американскими войсками на Дальнем Востоке. Государственный департамент США в меморандуме от 17 июля 1918 года, переданном для руководства Грэвсу перед его отъездом в Сибирь, лживо утверждал: «Ни одно из правительств, принимающих участие в операциях в Сибири или на севере России, не имеет в виду интервенцию, направленную против политического суверенитета России, и не стремится к вмешательству во внутренние дела России или к нарушению ее территориальной цельности»¹.

В мае 1918 года агенты англо-французского империализма организовали вооруженный мятеж чехословацкого корпуса. К белочехам сразу же примкнули белогвардейцы, кулаки, эсеры. В руках контрреволюции оказались многие города по Волге, на

¹ Грэвс, Американская авантюра в Сибири, Воениздат, 1932, стр. 9.

Урале, в Сибири. 8 июня белочехи захватили Самару, где белогвардейцы и эсеры сформировали «правительство» под названием «Комитет членов Учредительного собрания» (Комуч). Советы были свергнуты, коммунисты и революционные рабочие брошены в тюрьмы. Начались массовые расстрелы советских людей. Соглашательские партии — меньшевики, эсеры — поддерживали антисоветский мятеж белочехов.

Чрезвычайно убедительно вскрыл позицию соглашателей Д. Бедный в острой политической сатире «Три позиции», опубликованной в газете «Правда» от 18 VI 1918 года. Меньшевики и их лидер Мартов заняли по отношению к мятежу «критическую» позицию. Эту позицию поэт совершенно правильно характеризует как позицию сочувствия контрреволюционным мятежникам:

Он (меньшевик.— *Н. В.*) молча наблюдал все ужасы разбоя
И как потом вели рабочих на расстрел.
Он так страдал... и сторонке стоял!
Он так критически... смотрел!

«Новожизненцы» считали, что чехословацкое движение не контрреволюционное, и объявили себя нейтральными. «Новожизненец» «... с миной сладенькой, настроенный нейтрально, пил мирно кофеёк и жутался в халат».

Правые эсеры в своем воззвании прямо объявили, что переворот в Самаре совершили они:

И лишь один эсер — отменно-чёрной масти! —
На некий краткий срок дорвавшийся до власти,
Гнул твёрдо линию свою.
(Т. 2, стр. 105).

Соглашатели превратились в пособников мирового империализма. В. И. Ленин писал: «Они (т. е. соглашатели.— *Н. В.*) добились того, что Советы в этих местах (т. е. на Украине, Кавказе, в Сибири, на Волге — *Н. В.*) свергнуты и большевистские деятели отданы на растерзание чехословацких наймитов и российских белогвардейцев»¹.

В августе Д. Бедный опубликовал в «Правде» свое значительное сатирическое произведение «Мосье Трике». Главный персонаж стихотворения поэт позаимствовал из романа «Евгений Онегин» А. С. Пушкина, но при этом его переосмыслил. В эпиграфе к сатире Д. Бедный приводит отрывок из письма секретаря французского консула из Самары в Петроград некоей Жанне (письмо это было напечатано в «Правде»). В сатирическом образе мосье Трике поэт изобразил одного из организаторов чехословацкого мятежа. Командиры, начальники чехословацкого корпуса получили большие денежные суммы от английского и французского правительств и выполняли волю последних. Фран-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 28, стр. 70.

цузское посольство не жалело денег на подкормку контрреволюционных чехословацких офицеров и русских белогвардейцев типа Дутова:

Когда расправимся с Москвой,
Расходы все вернем с лихвой!

(Т. 2, стр. 107)

писал французский посол Нуланс мосье Трике. Трике очень неплохо устроился в Самаре в окружении контрреволюционеров, в сообществе атамана Дутова. Он с умилением сообщает мамзель Жаннет, что в Самаре контрреволюция истребила большевиков:

Рабочий класс по струнке ходит,
Не смеет пикнуть.— Ни-ни-ни!
Ещё б! в Самаре были дни!
Порядок Дутов так наводит,
Как и не снилось Галифе!

(Там же).

Мосье Трике в письме очень откровенно излагает принципы политики империалистических государств в отношении Советской республики. Эти принципы и ныне сохраняются в арсенале американо-англо-французских капиталистов:

Нам не уехать далеко
Без широчайшего обмана:
Ни чех, ни дутовская плеть
Одни не смогут одолеть
Коммунистического стана.
Наш козырь главный — ложь и франк.
Мы всё поставили ва-банк!

(Т. 2, стр. 108).

Поэт уверен, что советские люди дадут нужный ответ «чехословацкой подлой банде», «белогвардейской всей орде», «черной дутовской команде».

Летом и в первой половине осени 1918 года главным для Советской России был Восточный фронт. ЦК Компартии наметил конкретные меры по укреплению красноармейских частей, действовавших против белочехов и белогвардейцев. В армии и среди трудящихся масс развернулась агитация по разъяснению величайшей опасности чехословацкого мятежа. В. И. Ленин указывал на исключительную важность разгрома белочехов. Он писал: «Сейчас вся судьба революции стоит на одной карте: быстрая победа над чехословаками на фронте Казань-Урал-Самара. Все зависит от этого»¹.

В сентябре советские войска начали решительное наступление на Казань, которую белогвардейцы захватили 6 августа. В район сосредоточения войск для освобождения Казани приезжает

¹ В. И. Ленин, Военная переписка 1917—1920 гг., Госполитиздат, 1943. стр. 32.

Д. Бедный. На фронте поэт написал и опубликовал в газетах «На биваке», «Правда», «Беднота», «Известия», ряд значительных революционных стихотворений: «Под Казанью», «Расказанское положение», «Казанское чудо», «Путеводная звезда», «Под Самарой», «Красноармейская звезда».

В день решительного наступления Красной Армии на Казань 7 сентября стихотворение «Под Казанью» разбрасывалось самолетами над городом, где рабочие восстали против белогвардейских правителей. Поэт горячо призывал рабочих и красноармейцев расправиться с врагами революции, отомстить за смерть товарищей, погибших за великое дело освобождения пролетариата, за раны В. И. Ленина, в которого 30 августа стреляла эсерка Ф. Ройд-Каплан:

Мы раны нашего вождя
Слезами ярости омоем.
Клянись, рабочий, в бой идя,
Иль победить, иль пасть героем!
(Т. V, стр. 78, изд. 1927 г.).

Д. Бедный издевается над белогвардейцами, купечеством, эсерами в блестящей сатире, написанной былинным стихом «Расказанское положение». К казанскому купечеству подбирались «горе неотходное»:

Большевистское ль то воинство народное,
Та ли силушка железная, упорная,
Та ли силушка крестьянская все черная,
Та ли рать неодолимая, опасная,
Рать фабричная, заводская, все красная.
(Т. 2, стр. 110).

Поэт остроумно высмеивает эсера Лебедева, который действовал в Казани как особоуполномоченный белогвардейского Самарского «правительства». Этот Бова — «соратничек корниловский» — обещал защищать Казань, разбить большевиков, но под натиском советских войск белые бежали из города. Купечество вслед за Бовой-Лебедевым «помчалось без огляточки, потерявши образа и все лампадки». Похвальба хвастунишки, пьянчужки эсера Лебедева обличает антинародную сущность белогвардейщины, эсеровщины. Читатель убеждался, что «доблесть» белых, купленная за деньги, рассеется как дым. Средства художественной выразительности ярко характеризуют врагов народа: у Бовы — «душа злодейская», офицерская шеренга «пьяно смелая», «полковники лихие, разледащие», «беглая рать белогвардейская» и др. В стихотворении-марше «Красноармейская звезда» поэт излагает смысл происходящей суровой борьбы. Красная Армия — освободительница бедняков и батраков, всех пролетариев, ее приветствуют угнетенные массы; под алым знаменем Труда бойцы несут гибель палачам. Идет великая борьба не ради барышей дворян и торгашей, а ради уничтожения

испелия, социальной несправедливости, эксплуатации, ради счастья для бедноты. Пролетариат России — передовой отряд «всемирной рати трудовой». Все трудящиеся мира идут за нами, враги в страхе слышат железный гул их шагов и трепещут. Нас ведет в бой «Символ победного Труда — Красноармейская звезда». Пролетарский интернационализм, единение сил трудовых масс — залог победы над эксплуататорами.

Реакционное казачество на Дону и Кубани во главе со своими генералами и атаманами Красновым, Корниловым, Калединым выступило против Советской власти. Трудовое казачество не подчинилось приказам Каледина и др. Съезд фронтовых казаков 23 января 1918 года объявил войну атаману Каледину. III Всероссийский съезд Советов принял 29 января «Обращение к казакам», в котором заявлял о своем решении поддержать трудовых казаков всеми силами.

Трудовому казачеству Д. Бедный посвящает стихотворения: «Донская песня», «Трудовое войско», «Братьям казакам» и др., составившие сборник «Красный казак», вышедший из печати в 1919 году. Поэт зовет трудовое казачество идти вместе с рабочими для уничтожения дворянства, буржуазии:

Вам, казаки, товарищи, братья,
Открываем мы наши объятия.
С вами вместе мы твердо и смело
Постоим за народное дело.

(Т. 2, стр. 41).

В задушевной беседе Д. Бедный разъясняет казакам — донцам и кубанцам, — которых сумели обмануть атаманы и старшина, политические цели богачей, стремящихся всеми силами вернуть опять власть в свои руки («Братьям казакам»). Дворяне, буржуазия и чужоземные империалисты посылают казаков на бой против восставшей бедноты:

Нынче гонит вас в траншею,
Завтра сядет вам на шею
Черносотенная мразь —
Генерал, помещик, князь,
И за Каинovo дело,
Обманувши вас умело,
Осчастливит вас потом
Барской «ручкой» и... кнутом!

(Т. 2, стр. 125).

Дети не простят отцам за то, что они шли против своих классовых братьев, пытаясь закабалить родной трудовой народ. Братьев казаков Красная Армия примет в свои ряды, а изменников покарает.

Д. Бедный бичевал украинских буржуазных националистов, их презренное лакейство перед немецкими империалистами. Поэт вскрывает контрреволюционную сущность Украинской Централь-

ной рады в сатирических стихотворениях «Солоха», «Осиновый кіл Раді». Украинская Центральная рада была создана буржуазными партиями в апреле 1917 года. После Октябрьской революции Рада отказалась признать Советское правительство, начала открыто выступать против Советской власти. В начале 1918 года трудящиеся массы Украины свергли контрреволюционную Раду. По этому поводу Д. Бедный написал эпиграмму «Солоха»:

У бабы киевской, Солохи,
Дела, слышать, из рук вон плохи,
А плохи тем её дела,
Что баба, бают, померла¹.

В марте 1918 года немецкое командование, после оккупации Украины, восстановило Раду. До поры до времени оно ее поддерживало. Немец

Цілував і милував,
Кохав щиро, поки
Впив всю її красу,
Видавши всі соки.
(Т. 2, стр. 77).

В конце апреля немцы распустили Раду. Поэт уверен, что трудящиеся Украины проклянут Раду за ее контрреволюционную деятельность.

О прислужничестве кадетов и октябристов немецкой марионетке — гетману Скоропадскому — Д. Бедный писал в сатирах «В буржуазном стане», «Ты знаешь край...», «Два гренадера». Хлестко поэт высмеивал продажность украинских буржуазных националистов в сатире «Чумандриха», написанной в манере украинских частушек. Украина буржуазных националистов сравнивается с гулящей девкой Чумандрихой. Сами же «самостийники» — на побегушках у гостей — западноевропейских империалистов:

Фигли-мигли, шуры-муры...
Кавалеры всех мастей...
Винниченки и Петлюры
На посылках у гостей.
(Т. IV, стр. 214, изд. 1926 г.).

Подлинной независимости Украина добьется только при Советской власти — таков вывод поэта.

Западные буржуазные государства крайне враждебно относились к молодой Советской республике, пытались игнорировать распоряжения Советского правительства, считали все его декреты... как бы несуществующими.

В стихотворениях «Обречённые», «Порядок» Д. Бедный дал решительную отповедь иностранным посланникам на их измышления и клевету.

¹ «Правда», 1918, 30 января.

Англия, США, Франция, Япония и др. государства пришли к соглашению о поддержке в России «партии порядка». Внутренняя белогвардейская контрреволюция воспрянула духом, стремясь поскорее навести «порядок», т. е. уничтожить революционные силы в стране.

Для контрреволюции тот будет героем, кто сумеет ликвидировать Советскую власть:

Кто нам глубже всадит нож,
Кто нас крепче обескровит,
Кто «порядок» восстановит,
Насадив нам палачей,—
Тот и царь для богачей.

(Т. IV, стр. 8, изд. 1926 г.).

Задача советских бойцов — «защищаться до конца!».

Осенью 1918 года Антанта начала готовить вторжение на территорию Советской республики через Черное море, тем самым стремясь оказать помощь русской белогвардейщине, действовавшей на Юге. В конце ноября англо-французские десанты высадились в Новороссийске, Севастополе, Одессе. УТА (Украинское телеграфное агентство) сообщило, что французское командование высадило в Одессе 7 полков зуавов, 8 полков сингалезов, выгрузило 150 танков и 80 машин для ослепления. Все для того, чтобы подавить революцию в России.

Д. Бедный в стихотворении «Последний козырь» (17.I 1919 года) писал, что:

Все шакалы и удавы
Раскрывают злую пасть:
— Сингалезы и зуавы
Нам вернут былую власть!

(Т. IV, стр. 13, изд. 1926 г.).

Увы! Обманутые буржуазией представители азиатских и африканских народов не смогли поправить дела русских белогвардейцев. Нас хотят ослепить машинами, но «никакой машиной боле не вернуть нам слепоты!». На все усилия президента США Вильсона подавить революцию в России наш народ отвечает энергичным отпором («Вильсон и коммунисты»). Бредовые мечты мировой буржуазии загубить Советскую Россию поэт изобличает в сатире «Лига». Здесь же Д. Бедный рисует образы кровожадных вдохновителей интервенции против нашей страны — Вильсона, Ллойд-Джорджа и Клемансо. Вильсона, защитника американских банкиров, охватила страшная тревога:

Обернётся счастье фигой,
Коль окрепнет большевизм.
Надо нам особой Лигой
Подновить наш механизм.

(Т. 2, стр. 206).

Цель учредителей Лиги наций ясна для рабочего класса:

Лига Наций.— Карты ясны! —
Мировой Торговый Дом.
Пять разбойников согласны
Честно жить... чужим трудом!
Все прохвосты славословят
Лигу Наций (то-бишь трест).
Пять разбойников готовят
Для России... новый Брест.
(Т а м ж е).

В январе 1919 года Красная Армия переходит в контрнаступление на Южном фронте, в результате которого были разгромлены белоказацкие войска Краснова. На закрытом заседании Малого войскового круга Донской области Краснов выступил с речью, где отметил, что казацкие войска распались (речь была опубликована в «Правде»). Д. Бедный выступил с стихотворной пародией на речь Краснова, завоевательные планы которого так позорно провалились. В пародии «Отходная» поэт использовал фольклорную форму исторической песни. Обращаясь к своим полковникам, есаулам, битый генерал Краснов горько плакался: с Красной Армией у белоказачков нет силы справиться, казацкое войско в боях истрепалось,

Офицерство, погибель почуявши,
В кабаках шатается,
Голь казацкая с Красной Армией
Во всю ночь братается.
(Т. 2, стр. 208).

Пел отходную белогвардейщине генерал Краснов, а за окном подтягивал молодой детинушка:

Встанет вся, поднимется,
Соберётся в один, во Советский свой круг
Гольтьба казацкая!
(Т. 2, стр. 209)

и окончательно расправится с врагами трудового народа.

* *
*

Ставленник Антанты в Сибири Колчак в ноябре 1918 года был провозглашен интервентами и белогвардейцами «верховным правителем России». При помощи американско-англо-французских империалистов Колчак весной 1919 года начал наступление против Советской республики. Коммунистическая партия мобилизовала силы трудового народа на разгром Колчака. В. И. Ленин написал «Тезисы ЦК РКП(б) в связи с положением Восточного фронта», в которых призывал партию и трудящиеся массы «на-

прячь все силы, развернуть революционную энергию, и Колчак будет быстро разбит.

Волга, Урал, Сибирь могут и должны быть защищены и отпосваны»¹.

Контрреволюционную политику Колчака Д. Бедный разоблачает в фельетонах «По поводу признания союзниками Колчака», «Французская булка», «Пора!». Выразительный политический портрет «верховного правителя» России поэт изобразил в сатире «Пора!», опубликованной в «Правде» 4 мая и в «Бедноте» 6 мая 1919 года. Во главе «оравушки сибирской — чалдонной», состоящей из белогвардейцев, кулаков, идет на Советы Колчак. Скаля зубы, «лютый аспид» похваляется перед своей армией. Каковы цели Колчака? Его мечта взять белокаменную Москву, учредить колчаковскую державу, вернуть все царские порядки: сенаторы, губернаторы, станковые приставы вновь займут свои места; земля будет возвращена помещикам, заводы — капиталистам,

Богачам-купцам, вернув статью доходную,
Разрешил бы я торговлю им свободную.

(Т. 2, стр. 240).

Не забудет «верховный правитель» духовенство. Всегда оно защищало русских царей. Церковь получит земельные угодья, ее доходы увеличатся. Церковники должны ему помочь вырвать «траву сорную». Власть «правителя» — диктатура дворян и капиталистов. Диктатор, террорист, крепостник мечтает расправиться с большевиками, рабочими и крестьянами.

Эх, если бы он взял Москву! Скотское сословие запряг бы в плуг,
С подлой чернью, своевольной, узколобою,
Поведу я, новый царь, уж речь особую:
Задушу двойной, тройною котрибуцией,
Запорю, чуть где запахнет революцией,—
Не за речи, а за помыслы предерзкие,
В клочья мяса превращу все рожи мерзкие,—
В тюрьмах буду подлецов гноить повалкою,
В церкви буду загонять железной палкою...

(Т а м ж е).

Он мечтает перевешать революционеров-коммунистов. Слушая изуверские речи своего «верховного главнокомандующего», солдаты из крестьян, обманутые белогвардейцами, решили перейти на сторону Красной Армии. Пора сообщать «доконать всю сволочь панскую», «и всю дворянскую породу именитую, с Колчаком и всей его проклятой свитою». Жестоко бичевал поэт реакционеров и горячо убеждал народ в том, что после победы будет построена прекрасная счастливая жизнь, воспитывал у читателя веру в нашу конечную победу.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 29, стр. 254.

Опасным врагом был Деникин. Осенью 1919 года армия этого реакционера, снабженная и оснащенная западным империализмом, захватила Орел, угрожала Москве. Над Советской республикой нависла смертельная опасность. Партия выдвинула боевой лозунг: «Все на борьбу с Деникиным!». Поэт-боец, агитатор Д. Бедный в это тревожное время выступает с призывными стихотворениями — разбить, сокрушить Деникина. Ко «Дню Советской пропаганды», который проводился 7 сентября, поэт опубликовал стихотворение «Набат», где звал народ к смертельной борьбе с врагами, опьяненными временными удачами:

Вперёд, бойцы! И пусть змею раздавит
Железная рабочая пята!

(Т 2, стр. 285).

С нетерпением ожидали победы Деникина свергнутые революцией классы. В сатире «Ур-ра!» в форме письма от представителей дворянства и купечества Деникину Д. Бедный в популярной форме вскрывает реакционную сущность деникинщины. Если победит Деникин, будет восстановлен дворянский строй «и царства русского величье», революционеры будут уничтожены.

В. И. Ленин в письме ЦК РКП(б) к организациям партии «Все на борьбу с Деникиным!» в начале июля 1919 года писал: «Колчак и Деникин несут восстановление порядков хуже, чем царские, восстановление рабства рабочих и крестьян, порки, грабежа, надругательства офицеров и дворянчиков»¹.

В октябре белогвардейцы были уверены, что скоро захватят Москву. Купечество ассигновало один миллион рублей николаевскими тому полку деникинской армии, который первым вступит в Москву. На объявление приза солдатам-деникинцам поэт отозвался сатирическими куплетами. «Миллиончик-миллион». Поэт объясняет «добровольцам» Деникина, что капиталисты им обещают негодные николаевские кредитки вместо земли и свободы. Предателей ожидает один конец — смерть.

Д. Бедный создал сатирический портрет деникинского генерала Шкуро («Генерал Шкура»). Этот генерал самым наглым образом грабил крестьян, восстанавливал помещичьи порядки. Поэт хлестко разоблачает бандитские повадки Шкуро:

Шкура — важная фигура:
С мужиков семь шкур содрал,
Ай да Шкура, Шкура, Шкура,
Шкура — царский генерал.

(Т. 2, стр. 254).

Хитрый пройдоха демагогически заявлял народу, что будет с ним жить в ладу, но в захваченных местах имения возвращал

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 29, стр. 406.

прежним хозяевам, с крестьянами же расправлялся «и прикладом и жнутом». Своим террористическим режимом Шкуро «сагитировал» крестьян на сторону Советской власти: «Красной Армии прихода вся деревня стала ждать». Большую роль в стихотворении играет каламбур с обыгрыванием фамилии генерала Шкуро — Шкура по отцу, казачьему атаману, мордобойце и шкуродеру.

Поэт обличал интеллигенцию, сбежавшую за границу и зашицавшую Деникина (басня «Буриданов осёл и эзоповская лягушка»).

В результате наступательных действий советских войск в конце 1919 года и в начале 1920 года армия Деникина была полностью разбита. Буржуазия пришла в ужас, узнав, что ее надежда — Деникин позорно бежит под ударами Красной Армии. Д. Бедный сатирически охарактеризовал настроения бывших господ в стихотворении «Вопль отчаявшихся буржуев». Оно представляет собою прошение генералу от Антанты Деникину от буржуазии, которая разуверилась в царских генералах:

Нет, не ждем уж мы больше от вас «одоления!»
Отметнули — увы! — мы надежду напрасную,
Что разбить вы сумеете Армию Красную.
(Т. III, стр. 195, изд. 1925 г.).

В уста огорченных буржуа поэт вкладывает саркастические тирады, разоблачающие белых генералов:

Никогда, никого вы, прохвосты, не били:
По паркетам лишь шаркать ногами любили,
Пятя грудь колесом, разводили парады,
Брали взятки, хватали чины да награды,
А на старости лет, сопричислесь к героям,
По Карлсбадам таскались, возясь с геморроем,
Иль в именье ругались с приказчиком Фомкою,
Разводили слюнявый амур с экономкою...
(Там же).

Дикий произвол, террор, грабеж народа, издевательства над рабочими и крестьянами — вот на чем держалась власть белых генералов. Трудовой народ увидел какую «демократию» несут белые и стал горой за Советскую власть: «Всем Советская власть стала сразу милее!».

Несколько агитационных сатирических стихотворений Д. Бедный направил против Юденича («Выбирайте!», «Манифест Юденича», «Коммунистическая вышка», «Гатчинский урок», «Конокрады» и др.). Юденич возглавлял контрреволюцию на северо-западе, в Прибалтике, дважды пытался захватить колыбель революции — Петроград. Юденич — защитник дворян и капиталистов, враг трудящихся, представлен поэтом читателям в сатире «Выбирайте!». Генерал в свое время был «верным псом» царю, ныне —

Душегуб, прямой грабитель,
Всех помещиков кумир.
Этот, что ли, нам «правитель»
Принесёт и хлеб и мир?
(Т. 2, стр. 252).

В стихотворении «Манифест Юденича», представляющем собой монолог генерала, обращенный к пленному красноармейцу, перед читателем вырисовывается образ солдафона, держиморды, завязанного сторонника палочной дисциплины в армии («Без палки — что за дисциплина?»). Генерал разоблачен как кровавый претендент на царский престол, как ярый защитник привилегий дворянства, буржуазии. Рефрен: «Навытяжку, скотина! Не смей дышать, подлец, при мне!», лишний раз доказывает, что собой представляет Юденич. Под стать генералу Юденичу полковник Булак-Булахович («Полковник «Кулак-Кулакович»), демагогически называвший себя «законным представителем народной власти». Используя отрицательный параллелизм, поэт характеризует народного угнетателя:

То грозит нам не старый Илья-богатырь
И не славный Алёша Попович,
То дворянский ублюдок, голодный упырь,
Пап-полковник Кулак-Кулакович.
(Т. 2, стр. 274).

Поэт предсказывает: скоро полковнику будет конец. Антанта снабдила Юденича танками, при помощи которых белые пытались прорваться в Петроград. Красные бойцы должны были уничтожать танки. Д. Бедный написал песню «Танька-Ванька», опубликованную в армейской фронтовой газете «Боевая правда». Песня высмеивала танкобоязнь, воспитывала у бойцов уверенность в победе.

Героиня того времени отразилась в пафосном стихотворении-призыве «На защиту Красного Питера» (18. X 1919 года), посвященном красным бойцам, самоотверженно защищавшим Петроград от натиска войск Юденича. Оно — высокий образец героической поэзии Д. Бедного. Преждевременно радуются белые, что возьмут Питер, задушат революционный город. Этому не бывать!

Бойцы, дадим один ответ:
Докажем, всей ударив силой,
Что рано радуется гад,
Что будет чёрною могилой
Ему наш Красный Петроград!
(Т. 2, стр. 301).

Поэт горд отвагою бойцов, рабочих великого города. Храбрость, мужество, героизм защитников Петрограда нельзя измерить, исчислить. Враги, пытающиеся взять город, неизбежно обречены на гибель. Петроград, разбив вражескую орду, вдохно-

нит на боевую отвагу полки, утомленные боем. Поэт, как и весь трудовой народ, уверен в победе:

Бойцы Петрограда,
Победу решаете вы!
(Т а м ж е).

Советское правительство мобилизовало революционные силы, Юденич был разбит и его банды бежали в Эстонию. В сатирических частушках «Гатчинский урок» (4.XI 1919 года) поэт показал бегство белых под ударами советских войск:

Сам Юденич мчится полем,
Батюшки,
Позабыл, с каким паролем,
Матушки.
(Т. 2, стр. 320).

Что собой представляли «герои» белогвардейщины? На это поэт в стихотворении «Конокрады» отвечал:

Нет, приглядитесь вы к этой гнусной своре:
Что ни «правительство» у них — то вор на воре,
Что ни герой — то конокрад!
(Т. 2, стр. 349).

В тяжелые дни октября 1919 года, когда Деникин угрожал Москве, а Юденич пытался захватить Петроград, по решению VIII съезда РКП(б) проводилась партийная неделя. В Московской городской парторганизации она проводилась с 8 по 15 октября. В. И. Ленин выступил со статьей «Государство рабочих и партийная неделя» («Правда», 12.X 1919 года), в которой призывал революционных рабочих и крестьян поступать в ряды большевистской партии: «Идите в партию, товарищи беспартийные рабочие и трудящиеся крестьяне! Мы не сулим выгод от этого, мы зовем вас на трудную работу, на работу государственного строительства. Если вы искренний сторонник коммунизма, беритесь смелее за эту работу, не бойтесь новизны и трудности ее, не смущайтесь старым предрассудком, будто эта работа подсилена только тем, кто превзошел казенное образование. Это неправда. Руководить работой строительства социализма могут и должны во все большем числе рядовые рабочие и крестьяне — труженики»¹.

Д. Бедный посвятил партийной неделе стихотворения: «Боевой призыв», «Коммунистический сбор», «Привет новым коммунистам», в которых разъяснял читателям, что враги усилили натиск против революции, звал честных, скромных, отважных, мужественных рабочих и крестьян в ряды Коммунистической партии; поэт верит — придут лучшие времена:

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 30, стр. 46—47.

И будут новым поколением
Произноситься с умилением
Святыя ваши имена.

(Т. 2, стр. 295).

Только Коммунистическая партия — истинный выразитель и защитник интересов трудового народа. Стальные ряды защитников Великого Октября уже дали решительный отпор интервентам и белогвардейцам, железное кольцо, сжимавшее нам грудь, разорвано. Надо напрячь все силы, и враги будут разбиты:

Ещё один удар, и мутною волною
От нас откатится враждебная орда,
И над великою Советскою странюю,
Внесенный в вышину рукой бойцов стальною,
Зареет гордо флаг победного Труда!

(Т. 2, стр. 313).

Война с белопапской Польшей нашла яркое отражение в поэзии Бедного. Летом и осенью 1920 года поэт находился на Западном фронте, где проводил большую агитационную работу. В ряде произведений («Нашим братьям — польским крестьянам», «Большая штука — наука», «По тряской дороге», «Жесткий срок», «Покидайте, хлопы, панские окопы», «Как пан послал польского мужика Яна убивать русского мужика Ивана, и как Ян, сообщая с Иваном, порешили расправиться с польским паном», «А ну!», «Пан Кмита!», «Удивительная история про польского пана Гонория, про несчастного хлопа-поляка и про вислинского рака» и др.) поэт чрезвычайно остро разоблачает империалистическую политику панской Польши, действовавшей по указке Антанты, объясняет польским крестьянам, что подлинными их врагами являются польские помещики и капиталисты. Красноармейцы идут на войну против польской шляхты и буржуазии, идут не как угнетатели, а как освободители трудящихся Польши. В стихотворной агитбеседе «Нашим братьям — польским крестьянам», выпущенной в виде листовки политотделом Реввоенсовета Западного фронта, поэт разъясняет: польская шляхта эксплуатировала польских крестьян, а теперь погнала их на войну против «москалей» проливать кровь ради прихоти панской. Крестьяне должны расправиться с помещиками, взять в свои руки землю. Русские рабочие и крестьяне обещают помощь и дружбу польскому пролетариату и крестьянству. О бегстве армии Пилсудского в июле 1920 года под ударами советских войск Д. Бедный писал в фронтовых частушках «Большая штука — наука». Большое агитационное значение имело стихотворение «Пан Кмита».

Пан Кмита — типическое обобщение сатрапа русского царизма, а позже — сподвижника «начальника Польского государства» Пилсудского. До Октября 1917 года Станислав Адамыч Кмита служил полицмейстером в г. Ломже, был известным взяточником

и вором. Усердие Кмиты было замечено: его назначили полиц-майстером в Баку. После Октября Кмита сбежал в Польшу, *идея*

Кмита польским патриотам
Оказался вдруг сродни,
(Т. 2, стр. 408)

помощником того Кмиты, с которым 500 лет тому назад совещался король польский Сигизмунд I. Кмита — один из застрельщиков войны с Советской Россией, он вынашивал планы захвата Москвы. Паны погнали хлопов на войну. От Западной Двины до Днепра польские солдаты устлали своими трупами землю. Под итиском Красной Армии

Пан Пилсудский раньше срока
Растерял военный пыл.
(Т. 2, стр. 410).

Кмита, как и Пилсудский, — хищник, завоеватель, интервент, жестокий враг трудящихся. Поэт обращается к польским рабочим и крестьянам:

Братья хлопы, злое зелье
Время выполоть сполна
Бьётесь вы панам в угоду,
А ведь счастье — у дверей:
Только панскую породу
Уничтожьте поскорей!
(Т. 2, стр. 412).

Блестящей сатирой на польскую жадную шляхту является «Удивительная история про польского пана Гонория, про несчастного хлопа-поляка и про вислинского рака» (1920 г.). Сюжет для своей «Истории»... Д. Бедный позаимствовал у А. С. Пушкина: «История» напоминает «Сказку о рыбаке и рыбке». Жил в Польше совершенно обедневший жадный пан Гонорий:

Жил кой-как, из кулька да в рогожку,
Имел хлопа, собаку да кошку.
(Т. IV, стр. 232, изд. 1926 г.).

Во всех своих материальных недостатках он обвинял своего хлопа-слугу. Однажды старый слуга поймал в Висле рака не просто, а «с преогромной клешней золотою». Человеческим голосом раз взмолился — даровать ему жизнь, за что обещает любой выкуп. Добродушный старик отпустил рака, не взяв у него никакого выкупа. О происшедшем слуга рассказал пану Гонорию. Набросился пан на хлопа: «Мало бил я тебя, остолоп!». Хлоп поочередно выпросил у рака для своего господина: добротную посуду для «нужд», огромный майонток, древний замок, графский титул. Спесь и жадность новоявленного графа растет, реак-

ционность его усиливается. Наконец, Гонорий получает дворец королевский. Самое сокровенное желание ясновельможного пана — расправиться с Советской Россией.

Отхватить мы должны у соседки
Все, на что наши зарились предки,
Всю Литву, Белорусь, Украину —
(Т. IV, стр. 241)

думает Гонорий. Он уже предвкушает победу над Москвой, у него готов текст речи, с которой он, ясновельможный пан, будет обращаться к московским послам, прибывшим просить мира:

Знать не знаю послов пролетарских,
Жду — для мира — сановников царских!
(Там же).

Бреду пана Гонория не суждено было сбыться. На зов хлопа рак с золотой клешнею не явился. Зарвавшийся пан опять в своей жалкой халупе. Поэт обращается к польским солдатам с призывом бороться за свободу:

Пусть погибнет Пилсудский-Иуда,
Он повел вас дорогою ложной,
Он нас предал злой шайке вельможной!
Пусть погибнут паны и подпанки!
Забирайте их земли и банки!
(Т. IV, стр. 243).

Подлинную свободу трудовой народ Польши обрел спустя 25 лет, после разгрома немецкого фашизма доблестной Советской Армией.

Осенью 1920 года Красная Армия громила войска барона Врангеля. Д. Бедный публикует в виде листовок и в газетах сатирические стихи, бичующие новоявленного претендента в «верховные правители» России: «Крымское воронье», «Манифест барона фон Врангеля», «Воззвание барона фон Врангеля к белым войскам», «Красная конница на Южном фронте», «Конная Вторая», «Латышские красные бойцы», «В Крыму аукнулось, везде откликнулось» и др. Поэт — пламенный патриот — уверен, что наши войска уничтожат агента Антанты — «черного барона Врангеля».

Замечательным образцом сатиры-пародии был знаменитый «Манифест барона фон Врангеля», выпущенный листовкой 5.X 1920 года (в «Правде» это стихотворение было опубликовано 24.X). Поэт в нем излагает политическую программу барона. О самом себе барон очень высокого мнения:

Вам мой фамилий всем известный:
Ихь бин фон Врангель, герр барон.
Я самый лучший, самый шестный
Есть кандидат на царский трон.
(Т. 2, стр. 384).

Обращаясь к красным воинам, барон пытается представить себя демократом: «Правительств мой — все демократен, а не какой-нибудь звиня». Власть в России должна быть по-прежнему в руках так называемых благородных сословий. Сам герр барон сойдет с белого коня у стен старого Кремля. Он обещает русскому народу:

Вам будут слёзы очень литься.
«Порядок старый караша!»
Ви в кирхен будете молиться
За мейне руссише душа.
Ви будет жить благополучно
И целовать мне сапога.

(Т. 2, стр. 385).

Барон толком не знающий русского языка, ничего общего не имеющий с русским народом, слуга кайзера Вильгельма, агент Антанты, враг и палач народа никогда не добьется победы, напротив, будет уничтожен революционными силами. Таков вывод поэта.

Своими агитационными стихами Д. Бедный воспитывал в народе уверенность в победе над контрреволюцией, говорил о трудностях, которые приходится нам переживать. Тяжело нам, писал поэт в стихотворении «Красная конница на Южном фронте», но скоро будет победа:

Пировать когда ж мы станем,
Всех покойничков помянем:
Адмиралов,
Генералов,
Передохших чиновралов,
Всех князей и всех баронов,
Полицейских фараонов,
Всех помещиков, банкиров,
Всех сосавших нас вампиров,
Спекулянтов,
Фабрикантов,
Трутней всех и всех шмелей!
Бей их, братцы, не жалей!

(Т. 2, стр. 387).

Разгром Врангеля Красной Армией в ноябре 1920 года вызвал переполох среди «бывших» внутри страны и среди заграничной эмиграции. В сатире «В Крыму аукнулось, везде откликнулось» поэт рисует панику среди врагов Советской республики:

С угасшим Врангелем для них
Угас последний луч надежды.

(Т. IV, стр. 148, изд. 1926 г.).

Петлюра и Савинков скулят по поводу поражения своего партнера. Вожаки меньшевиков и эсеров Мартов и Чернов «ры-

дают в буржуазной прессе»; Керзон и Мильеран, предполагает поэт, вероятно, будут менять тактику в отношениях к Советской России.

* *
*

Сатирическая поэзия Д. Бедного 1918—1920 годов сыграла важную политическую роль в разоблачении буржуазных и соглашательских партий, которые вели борьбу против Советской власти и Коммунистической партии. Поэт эти партии удачно назвал «мутью революции». Они — это «стадо вьючных, покорных Антанте, ослов». Талантливо обличал поэт меньшевиков в сатирах: «Псой», «Новожи́зненские лягушки», «Меньшеви́стский страх», «Меньшеви́стским лицемерам», «Лукерья», «Утробушка», «Рыбальцы», «Иуды», «Елдаты и Молады», «Баллада (меньшеви́стская)», «Соглашатели» «Ме-ме», «Меньшеви́стский рай», «Гулимджан», «Демократические принципы» и многие другие.

Предательство, ненависть к революционному рабочему классу, к коммунистам-ленинцам, к Советской власти, лакейство перед буржуазией, вероломство, провокационность — характернейшие особенности меньшевиков. Особенно часто в своих стихах Д. Бедный бичевал лидера меньшевиков Мартова. В фельетоне «Меньшеви́стский страх» поэт разоблачает Мартова как злобного врага рабочего класса. Сей «социалист» с почтением говорит о Родзянко, Милюкове, готов с ними сотрудничать. Предательство меньшевиков и их лидера Мартова поэт клеймит в стихотворении «Иуды».

Буржуазия считала, что меньшевики ее защитники. На них можно положиться:

Мартов, Дан — компанья честная,—
Лучших слуг нам не найти.
Нам работа их совместная
Расчищает все пути.

(Т. 2, стр. 67).

Поэт вскрывал контрреволюционную политику меньшевистского правительства в Грузии. Там главари меньшевиков распорядились арестовать участников аграрного движения, расстрелять демонстрации рабочих; сеяли национальную вражду («Меньшеви́стским лицемерам»). Поэт метко рисует повадки меньшевиков:

Передержки, подтасовки,
Резолюций лживых пук,
Хитроумные уловки,
Воровская ловкость рук.
Если врут — то без заминки,
Если плачут — то навзрыд,
Обездоленные свинки
У разрушенных корыт.

(Т. 2, стр. 59).

Поэт ярко показал лакейство грузинских меньшевиков перед иностранной буржуазией, их продажность (Меньшевицкий рай», «Гулимджан»). Делегаты меньшевистского правительства Грузии Чхеидзе и Церетели отправились в Париж («Ми садил-си на ишак и в Париж гулялся...»), где добивались у Антанты официального отделения Грузии от России. Эти «социалисты» (ни самом деле — предатели!) продавали национальные интересы народов Грузии и Закавказья, просили направить иностранные дивизии для борьбы с большевиками. Предательской политикой меньшевиков были довольны главари Антанты, обещавшие оказать помощь меньшевикам:

Ллойд-Джорджанья¹ отвечал:
«Тронут вашим горем,
Наш английский флот помчал
Нашим Чёрным морем!»

(Т. 2, стр. 343).

Меньшевики — изменники революции, враги трудящихся, агенты буржуазии — так их рисовал Д. Бедный в своих сатирических произведениях.

Сатира Д. Бедного бичевала пособников контрреволюции эсеров. В фельетонах «Митрошкин заяц, или земельный декрет покойного эсеровского Учредительного собрания», «Покойница», «Камрад Виктор», «Бабушкина внучка», «В левозеровской детской», «Левозеровский романс» и др. — поэт глубоко вскрыл империалистическую, антинародную сущность эсеровщины, публично ее осмеял и опозорил.

В. И. Ленин писал: «А за прямой и открытой контрреволюцией, за черной сотней и кадетами, которые сильны своим капиталом, своей прямой связью с империализмом Антанты, своим пониманием неизбежности диктатуры и способностью осуществлять ее (по-колчаковски), — за ними плетутся, как всегда, колеблющиеся, бесхарактерные, словами прикрашивающие свои дела, меньшевики, правые эсеры и левые эсеры»². Меньшевики и эсеры «имеют едва ли искоренимое «влечение» к авантюрам против Советской власти»³.

Политический портрет лидера правых эсеров Виктора Чернова Д. Бедный создал в фельетонах «Камрад Виктор», «Корней», «Утопленник». Чернов — враг большевиков, клеветавший на Советскую власть, обвинявший ее в том, что она «попрала самые элементарные принципы демократии». Чернов лицемерно объявил о своем лояльном отношении к Советской власти и на словах отрекался от белогвардейских генералов («Корней»).

¹ Ллойд-Джорджанья — контаминация фамилий премьер-министра Англии Ллойд-Джорджа и главы меньшевистского правительства Грузии Ноэ Жордания.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 29, стр. 415—416.

³ Там же, стр. 416.

Корней воровал у мужиков. Был пойман. Слезно клялся на миру, что красть больше не будет. Просил, чтобы назначили сторожем; обещал переловить всех воров. Крестьяне поверили:

И в ту же ночь у деда у Егора
До ниточки очистил клеть.

(Т. 2, стр. 214).

Конокрад Корней очень напоминает лидера правых эсеров Чернова:

Кто ждёт раскаянья от Виктора Чернова?
Нет, он не исправим, эсеровский Корней!
Белогвардейская всё та же в нём основа.
Чтоб волк эсеровский не рвался до мясного,
Не оставляй ему — не то зубов: корней!
Так дело будет поверней!

(Там же).

Партия левых эсеров лишь самое короткое время поддерживала Советскую власть. Очень скоро она перешла на путь контрреволюции. Лидер партии М. А. Спиридонова вела агитацию против комитетов бедноты в деревне. Она распространяла ложные слухи, будто большевики не дают народу мануфактуры, а вывозят ее в Германию. Хлестко бичевал Д. Бедный эсерку Спиридонову в сатирах «Бабушкина внучка», «Левозэсеровский романс» и др. Левая эсерка Спиридонова повторяла речи правозэсеровской «бабушки» Брешко-Брешковской, натравливающей крестьян на рабочих. Политическая программа левых эсеров — это защита кулачества:

Я скажу вам честно:
Кто в деревне беднота?
Лодыри, известно!
Смерть их подлым комитетам.
К черту сброд батрацкий!
Власть Советам, власть Советам
Только лишь... кулацким!

(Т. III, стр. 60, изд. 1925 г.).

Таковы лозунги левых эсеров.

В пародии «Левозэсеровский романс» (5.II 1919 года) поэт изобличает левых эсеров, подготовлявших в те дни очередной заговор против Советской власти. В образе «душечки»-«поскакушечки» изображена Спиридонова. Левозэсеровская «душечка» побиралась по рабочим районам, сплетничала, врала, агитировала рабочих против Советского правительства:

Куковала-голосила
Я до ноченьки,
Коммунистов поносила
Что есть моченьки!

(Т. 2, стр. 200).

Рабочие не поддержали левых эсеров.

Контрреволюция в тылу не оставляла надежды на то, что революция потерпит поражение и власть опять перейдет в ее руки. Д. Бедный в своих стихотворениях («Господская тень», «На распутье», «Капитуляция», «Контакт», «Сладкие мечты», «Буржуазная элегия», «Богомольный буржуй», «Мухи», «И хочется и колется», «У заводских ворот», «Последняя капля» и др.) убеждал читателей, что мечтам бывших господ никогда не суждено сбыться. Рабочие и крестьяне навеки сбросили гнет поработителей, а ныне добивают интервенцию и белогвардейщину.

О чем мечтает купец Гордеич? («Сладкие мечты»). Голытьба шлолодается, думает он, вспомнит «хозяйские хлеба», проснется и ней холуйская привычка». Хозяева посулят ей кормежку, к ним она «начнет валом валить». Гордеич надеется дожить до времени, когда он

По рылу каждого, ха-ха, собственноручно!
(Т. VI, стр. 293, изд. 1927 г.).

Ждет не дождется Гордеич, когда опять будет хозяином-властелином, тогда уж он отомстит рабочим:

Посмей лишь кто дерзнуть. Как муху в кипяток!
(Там же).

Как только барон Врангель делал кой-какие успехи, контрреволюция в тылу поднимала голову, и в ее разгоряченном мозгу появляются злобные мысли:

— «Изничтожим!» — «Спустим шкуру!»
— «Будем жарить на огне!»
(Т. VI, стр. 303, «И хочется и колется»).

С кем так жестоко думают расправиться «бывшие»? Конечно, с большевиками, с рабочим классом, с трудовым народом.

В глубоко идейном и художественно выразительном стихотворении «Последняя капля» поэт нарисовал образ «бывшего», в прошлом крупного капиталиста Боброва. В годы гражданской войны, «чувство скорби поборов»,

Он бодр, он ждёт, он упоает.
(Т. 2, стр. 402).

Бобров надеялся на Колчака. Не вышло. Он верил Деникину и Юденичу. «Растаял аки дым» черный барон,

И даже видя, что в газетах
Исчез военный бюллетень,
Он, утвердась в своих приметах,
Ждёт, что наступит... белый день.
(Т. 2, стр. 403):

До последней смертной минуты Бобров ждал, надеялся...
Поэт убедительно показал, что буржуазия — страшнейший

враг диктатуры пролетариата, готова на все во имя своих интересов, учил читателя — рабочего и крестьянина — быть бдительным, уметь разгадывать замыслы классовых врагов.

* *
*

Рабочий класс, трудовое крестьянство под руководством Коммунистической партии в ожесточенной борьбе, перенося тяжелые испытания, разбили, изгнали из страны интервентов и белогвардейцев. В. И. Ленин в речи, посвященной трехлетней годовщине Октябрьской революции, говорил: «Главная же причина того, что нам сейчас дало победу, главный источник — это героизм, самопожертвование, неслыханная выдержка в борьбе, проявленная рабочими и крестьянами, которые страдали, особенно промышленные рабочие, которые за эти годы в массе страдали сильнее, чем в первые годы капиталистического рабства. Они шли на голод, холод, на мучения, чтобы только удержать власть»¹.

Поэт-боец, агитатор, просветитель Д. Бедный горячо славит простых людей-красноармейцев, которые добились исторических побед над сильными врагами в период гражданской войны. Железная рука революционного народа уничтожила интервентов и белогвардейцев. Мы начали великую борьбу «За судьбу всей семьи мировой пролетарской» и победили. Хвала тем, кто в жестоких сражениях защищал и защитил завоевания Великого Октября:

Под наши радостные клики
Хвалой венчанный боевой,
Гроза всех шак бело-диких,
Ты — величайший из великих,
Красноармеец рядовой!

(Т. 2, стр. 393).

Боевая социалистическая поэзия Демьяна Бедного вдохновляла революционные массы на самоотверженную борьбу во имя коммунизма, воспитывала в них несокрушимую уверенность в победе, бичевала врагов революции, предрекала их неизбежную гибель.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 31, стр. 372.

Г. П. МАЗЕЦЬКИЙ,

кандидат філологічних наук

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ РОМАНА Т. ДРАЙЗЕРА «АМЕРИКАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ»

Общеизвестно, что крупнейший роман Теодора Драйзера «Американская трагедия» — одно из сильнейших произведений американской прогрессивной литературы XX века с точки зрения правдивого художественного изображения и обличения в нем американского буржуазного общества, «американского образа жизни». С огромной силой и убеждением показывает писатель в этом романе уродливость, противоестественность человеческих взаимоотношений капиталистического общества, в основе которых лежит узкоэгоистическая, индивидуалистическая мораль личного благополучия. С огромным убеждением Драйзер показывает, как это общество уродует человека, делает его способным на любое преступление в личных интересах. В этом заключается основной смысл социального содержания романа.

В романе «Американская трагедия» Т. Драйзер критически освещает различные явления в жизни современной Америки. Одним из них является религия, роль церкви в жизни капиталистического общества. И «Американская трагедия», наряду с романом «Оплот», является также сильнейшим произведением Драйзера с точки зрения обличения религии.

Отравляя с помощью церкви сознание трудящихся вымыслами о «неизменном и вечном торжестве добра и справедливости над злом» по воле «всевидающего бога», который сам, дескать, является «воплощением этого добра», господствующие классы капиталистического мира этим только усугубляют порабощение народа, подавляя его борьбу за свои права и счастье. Безнадежное и беспросветное положение трудящегося в капиталистическом мире создает почву для распространения этого опиума среди отсталых масс, чему содействуют не только церковь и всевозможные религиозные секты, но и различные буржуазные лжеучения. Возводя лицемерную, мошенническую мораль, основывающуюся на церковной догме о «торжестве добра над злом», в некий «оплот» или один из «устоев» всей капиталистической системы, буржуазия пытается таким образом еще более пора-

бютишь трудящегося, обезволив его, превращая его в пассивную жертву господствующих классов.

В «Американской трагедии», показывая причины распространения религии в условиях американской действительности и вскрывая несостоятельность религии в объяснении этой действительности и вообще жизни и поступков человека, Драйзер разоблачает религию как уродливое порождение капиталистической системы, порождение невежества, заботности простых людей при этой системе (семья Гриффитсов-проповедников), как заблуждение человека, ищущего истину в религии и превращающегося в страшного фанатика (зловещий образ Мак-Миллана в романе).

Одним из недостатков нашей критики о Драйзере является то, что эта проблема романа «Американская трагедия» еще не получила надлежащего освещения, а утверждение некоторых критиков, в частности О. Немерювской¹, о том, что Драйзер к концу романа якобы «впадает в религиозность», вызывает, по меньшей мере, удивление, так как прямо противоречит всему содержанию романа, в том числе и содержанию его концовки.

Правда, М. Боброва в предисловии к роману издания 1948 года отвергает установившееся мнение о «религиозной концовке» «Американской трагедии», но рамки небольшой статьи не позволили ей глубже и шире остановиться на этой проблеме.

Развенчание религии в романе «Американская трагедия» легко прослеживается как на образе центрального его героя — Клайда Гриффитса, так и на второстепенных образах, особенно на образах матери Клайда и священника Мак-Миллана.

С самого начала романа религиозность родителей Клайда Гриффитса Драйзер объясняет их невежеством, «слепотой», «ложной направленностью». Особенно ясно это сказано по поводу матери Клайда, которая, как говорит автор, даже в некоторой степени вызывала уважение как женщина энергичная, волевая. Но тем более очевидна горечь писателя в изображении этой сильной женщины, дочери фермера, которая заразилась от мужа своего «ядом евангелизма», как говорит Драйзер². Невежество и «слепота» этой женщины повели ее по ложному пути, — как хочет сказать автор романа, изображая мать Клайда: «Из всей группы одна лишь мать обладала той силой и решительностью, которые — как бы ни были они слепы и ложно направлены — способствуют если не успеху в жизни, то самосохранению, — так пишет Драйзер, изображая семью Гриффитсов-проповедников. — В ней, больше чем в ком-либо из остальных, видна была убежденность, хотя и невежественная, но все же вызывающая уважение»³.

¹ См. журнал «Звезда», 1946, № 4, стр. 147—151.

² Теодор Драйзер, Собр. соч. в 12 томах, т. 7, «Американская трагедия», 1950, стор. 17.

³ «Американская трагедия», цит. изд., стр. 9.

Вообще религия и религиозность изображаются в романе (и это является также одной из стилистических особенностей произведения) как кричащая нелепость, парадокс. Именно так в свете действительности, самой жизни, представляются автору семья Гриффитсов-проповедников, миссия, которой они руководят в Канзас-Сити и Денвере. Сколько иронии в одном названии миссии — «Врата упования» и в надписях над окнами ее помещения — «Бог есть любовь» и прочее. Как противоречит всему этому трагическая судьба героев романа — юного Клайда и несчастной Роберты! Даже дети убеждались в странном противоречии между проповедями их родителей и самой жизнью. Самого Клайда «материальная и духовная жизнь семьи, членом которой он был, не убеждала... в реальности и силе того, во что, видимо, так горячо верили и что проповедовали его мать и отец»; «как могли ясно видеть и он и другие дети, бог не указывал им никакого выхода, даже тогда, — иронизирует автор, — когда его благодетельное вмешательство в дела семьи было крайне необходимо»¹.

Как уже видно из приведенных цитат, одним из характерных стилистических приемов в романе в развенчании религии как порождения и явления невежества и отсталости человека является горькая, но сдержанная, чисто драйзеровская ирония. Вот еще эпизод. В романе рассказывается о том, как родители Клайда узнают, что их старшая дочь Эста сбежала с неким актером. Этот страшный удар для родителей особенно тяжело было перенести религиозным Гриффитсам: ведь Эста поступила вопреки их проповедям, которые она слышала с детства; да и все это горе обрушилось на несчастную семью вопреки ее «непогрешимой чистоте перед богом». И что, как не это, казалось бы, должно было вызвать если не гнев, то хотя бы сомнение у несчастных родителей. Но нет. Сообщив, что их сестра Эста «пошла своим путем», убитая горем мать заключила свое сообщение и напутствие детям парадоксально нелепым: «Да будет воля господня!», и «Благословенно имя господя» — добавил ее муж Эйса, еще более усилив печальный комизм и парадоксальность происходящего. Ирония звучит и в авторской характеристике этого эпизода: «Ибо и она (мать Клайда. — Г. М.) и Эйса, — заявляет Драйзер, — как и все фанатики, в каком-то ослеплении упорно отделяли бога от зла, ошибок и несчастий, хотя и признавали за ним, несмотря ни на что, высшее могущество. Они будут искать корень зла в чем-то другом — в какой-то коварной, предательской, лживой силе, которая наперекор божественному всеведению и всемогуществу все же соблазняет и обманывает людей, и в конце концов найдут объяснение в греховности и испорченности человеческого сердца — сердца,

¹ Там же, стр. 10.

которое создал бог, но которым не управляет, ибо не хочет управлять»¹.

Смысл мрачной, страшной иронии заключен и в концовке романа, в которой изображен эпизод из жизни тех же Гриффитсов-проповедников через несколько лет после казни их сына — Клайда. Эта концовка сильно напоминает начало романа: одна из серых улиц города, все унылое, серое, монотонно-угнетающее. На одном из перекрестков останавливается группа уличных проповедников. Это те же: мать Клайда, она уже совершенно поседела, но в ней все еще чувствовалась «сила и решительность», хотя слепые и ложно направленные», «в ней... видна была убежденность, хотя невежественная, но все же вызывающая уважение»², — пишет Драйзер; ее муж Эйса, еще более осунувшийся, поблекший, и остальные. Так же гнусаво и уныло звучат их голоса. Те же реплики прохожих. Те же замечания проповедников. Та же миссия «Звезда уюования». Те же надписи над окнами. И кто знает, не такая же судьба, как и Клайда, постигнет этого вот восьмилетнего мальчика, которого ведет за руку седовласая женщина. Это Рассел, «незаконный» сын Эсты, пока еще такой же «свежий, чистый неиспорченный мальчуган», каким когда-то, в начале романа, был его несчастный дядя.

Таким же невежеством и отчаянием человека, зашедшего в условиях «американского образа жизни» в тупик, объясняет Драйзер и обращение к религии Клайда, когда он попадает в «дом смерти»: «Томясь перед лицом смертельной опасности, — пишет Драйзер, — жадной поддержки хотя бы моральной, если не материальной, Клайд занимался тем, чем занимался всякий при подобных обстоятельствах: искал — и притом самым окольным, извилистым путем, чуть ли не вслепую — признаков существования какой-нибудь, хотя бы сверхъестественной личности или силы, которая могла и захотела бы помочь ему»³.

Именно этим страстным, но слепым стремлением Клайда найти выход из тупика, его ужасом перед приближающейся смертью, его страстным желанием найти выход из заколдованного круга мучивших его вопросов о жизни, о его желаниях и поступках объясняется в романе сближение Клайда с попом-фанатиком Мак-Милланом. Именно этим, а также стремлением растерявшегося под тяжестью всего случившегося юноши сделать хотя-бы что-нибудь приятное несчастной матери объясняется религиозное «послание» Клайда к молодежи.

Такая мотивировка причины обращения Клайда к религии как порождению страха и невежества усиливается в романе параллельными образами, например, заключенного итальянца Паскуале, который, когда ему сообщили о скорой казни, «вдруг на-

¹ «Американская трагедия», цит. изд., стр. 25.

² Там же, т. 8, стр. 461.

³ «Американская трагедия», цит. изд., т. 8, стр. 429.

чал молиться и молиться, не переставая, день и ночь. Потом оказалось: его предупредили, что ему предстоит умереть на следующей неделе. После этого он стал ползать по камере на четвереньках, целовать пол и лизать ноги Христа на небольшом бронзовом распятии»¹.

Разве все это может дать хотя какие-либо основания заявлять о том, что Драйзер якобы «впадает в конце романа в религиозность»? Наоборот, разве не заставляет Драйзер своего героя снова и снова (уже после письма) бесконечно терзаться, внутренне протестовать против того, что происходит, даже во время последнего свидания его с матерью, даже в последние минуты своей жизни, перед казнью? И разве не передается это мучительное сомнение даже самому фанатику, преподобному Мак-Миллану?

Религия в «Американской трагедии» изображается не только как результат и явление невежества, в котором господствующие классы капиталистических стран держат массы, чтобы легче их было поработать, но и как одна из причин частых трагедий в жизни простого человека в капиталистическом обществе; писатель разоблачает религию как темную силу, губящую человека. Героя «Американской трагедии» Клайда Гриффитса с колыбели и до смерти на электрическом стуле сопровождает зловещий призрак религиозного фанатизма, призрак тьмы. С детства Клайд был предоставлен заботам господ-бога, ибо родители его «не понимали, что каждому из детей совершенно необходимо дать какие-то практические или профессиональные знания; наоборот, поглощенные одной идеей — нести людям свет евангельской истины, — они даже не подумали устроить детей учиться в каком-нибудь одном городе»². А когда, став преступником, Клайд попадает в тюрьму смертников, там тоже появляется мрачная фигура фанатика-попа — Мак-Миллана, который, как настоящий иезуит, и не пытается спасти Клайда от смерти (а ведь он раскаялся в своем поступке и его можно было исправить!), а, наоборот, добивается от несчастного юноши смирения перед смертью. Поистине, страшнее палачей этот духовный убийца преподобный Мак-Миллан! Как и проповедники «христианской науки», изображенные Драйзером в «Гении», Мак-Миллан пытается убедить человека в бренности мира сего и в истинных радостях потусторонней жизни.

В образе Мак-Миллана Драйзер наиболее глубоко развенчивает религию, показывая ее бессилие, полнейшую несостоятельность перед жизнью. Мало того, что сам Клайд внутренне бунтовал против наставлений Мак-Миллана смириться перед смертью. Закоренелый фанатик, руководствовавшийся правилом «кто не со мною, тот против меня», считавший вину

¹ «Американская трагедия», цит. изд., т. 8, стр. 413.

² «Американская трагедия», цит. изд., стр. 14—15.

Клайда бесспорной и осуждение его на смерть морально неоспоримым, справедливым, Мак-Миллан, не посмевавший в силу этой убежденности хотя бы в какой-либо мере оправдать Клайда во время его последнего ходатайства о помиловании у губернатора штата, Мак-Миллан, человек с каменным сердцем, как инквизитор, сопровождавший Клайда на место казни и присутствовавший во время казни,— в конце концов глубоко и непоправимо усомнился в справедливости и верности своих убеждений! Зрелище трагической борьбы жизни и смерти потрясло Мак-Миллана, сокрушило его фанатическую веру в некоего «доброе бога», разбило его каменное, дотоле не знавшее сомнений сердце! «Четверть часа спустя (после казни Клайда.— Г. М.),— пишет Драйзер,— преподобный Мак-Миллан с совершенно серым, измученным лицом, несколько нетвердой походкой человека, разбитого нравственно и физически, вышел из холодных дверей тюрьмы. А как немощен, как жалок и пасмурно сер был этот зимний день... совсем как он сам... Мертв! Он, Клайд, так напряженно и все же доверчиво шел с ним рядом всего лишь несколько минут назад, а теперь он мертв. Закон! Вот такие тюрьмы. Сильные и злые люди уже глумятся там, где Клайд молился. А эта исповедь? Верно ли он решил, ведомый мудростью господя, насколько господь приобщил его к своей мудрости? Верно ли? Глаза Клайда! Преподобный Мак-Миллан и сам едва не упал без чувств подле Клайда, когда тому надели на голову шлем... и дан был ток... он весь дрожал, его тошнило... кое-как, с чьей-то помощью он выбрался из этой комнаты — он, на кого так надеялся Клайд. А он просил бога даровать ему силы, просил...

Он побрел по безмолвной улице, но ему пришлось остановиться, прислонясь к дереву, безлистому в эту зимнюю пору, такому голому и унылому... Глаза Клайда! Его взгляд у ту минуту, когда он бессильно опустился на этот страшный стул... тревожный взгляд, с мольбой и изумлением, как подумалось Мак-Миллану, устремленный на него и на всех, кто был вокруг.

Правильно ли он поступил? Было ли решение, принятое им в разговоре с губернатором, действительно здравым, справедливым и милосердным? Не следовало ли тогда ответить губернатору, что, может быть... может быть... Клайд был игрушкой тех, других влияний?.. Неужели душе его больше не знать покоя?»¹

Так убеждается Мак-Миллан в своем заблуждении в поисках объяснения жизни с помощью религии. Мак-Миллан осознает, что он сам исполнил роль помощника палачей. Такой, по существу, смысл освещения проблемы и роли религии в жизни общества в романе Драйзера «Американская трагедия».

¹ «Американская трагедия», цит. изд., т. 8, стр. 458—459.

Таким образом постановка и освещение проблемы религии в «Американской трагедии» вытекают из общего замысла романа — обличения буржуазного мира, «американского образа жизни» и ни в какой мере не противоречит могучему художественному воплощению этого замысла в выдающемся произведении великого американского писателя.

НЕВІДОМІ ТА МАЛОВІДОМІ ПРОЗОВІ ТВОРИ ЮРІЯ ФЕДЬКОВИЧА

В історії української літератури Юрій Федькович займає значне місце як письменник-демократ, як майстер художнього слова, що в основу своєї творчості поклав життя трудового народу, страждання жовнірів у царській армії. Живучи в умовах «тюрми народів» — Австро-Угорської імперії, він рішуче виступив проти тиранії, експлуатації трудящих мас, обмеженості і косності тогочасної галицької і буковинської інтелігенції. Федькович один з перших західноукраїнських письменників звернувся до народної мови, широко використовував багатства гуцульського фольклору і етнографії.

Літературна спадщина письменника складається з прозових, поетичних, драматичних творів, перекладів та статей.

Радянському читачеві відомі не всі твори Ю. Федьковича. З прозових творів найбільш поширеними є: «Люба-згуба», «Штефан Славич», «Хто винен?», «Таліянка», «Сафат Зінич», «Три як рідні брати» та деякі інші¹.

Проте його літературна спадщина не обмежується цим. Ще в II—IV томах першого повного видання творів Ю. Федьковича² опубліковано ряд маловідомих та зовсім невідомих оповідань, казок, літературно оброблених анекдотів тощо. Більше тридцяти недрукованих оповідань і казок для дітей зберігається в Архіві Федьковича³.

До цього часу не привернула уваги літературознавців писана

¹ Близькими за змістом до цих творів є група реалістично-побутових оповідань: «Серце не навчити», «Стрілець», «Пісня молодецька про удову», «Пісня молодецька про кохане», «Побратим», «Кобзар і жовняри», «Співанка», «Ангілі хранитель», «Опришок», «Безталанне закохання», «Дністрові кручі», «Панич», «Лелії могила, або Довбушів скарб», «Максим Чудатий», «Жовнярка». Сюди ж належить загублена повість «Керманіч» та оповідання, з якого залишився уривок, названий видавцем «Капітан».

² Писання Осипа Юрія Федьковича. Перше повне і критичне видання, т. I, Поезії, т. II, Повісті й оповідання, т. III, Драматичні твори, т. IV, Матеріали до життєписи Осипа Юрія Гординського-Федьковича, НТШ, Львів, 1902—1938 (Далі називатимемо: Писання, т.).

³ Інститут літератури ім. Т. Г. Шевченка АН УРСР, Рукописний відділ, фонд Федьковича № 75. (Далі називатимемо: Фонд Федьковича).

німецькою мовою новела Федьковича «Ренегат», що є першим відомим прозовим твором письменника¹. Надрукована вона була в 1859 р. в малознаному німецькому журналі «Сімейний аркуш» (Familienblätter), який видавався у Чернівцях Людвігом Адольфом Штауфе (1856—1859)².

Лише пізніше ніж через півстоліття, в 1913 р., «Ренегат» появився українською мовою на сторінках львівської газети «Діло» в перекладі Л. Лотоцького, але потім знову був забутий аж до наших днів. Проте цей твір заслуговує на більшу увагу. Хоч у художньому відношенні він досить слабкий, але вже те, що він був першою літературною пробою майбутнього талановитого письменника в галузі прози, повинно було зацікавити дослідників творчості Федьковича. Крім того, молодий автор поставив тут ряд серйозних суспільно-побутових проблем, зв'язаних з релігією, сім'єю та становищем жінки в капіталістичному суспільстві.

В новелі показана трагедія єврейської жінки-матері та її сина, що стають жертвами релігійного фанатизму. Письменник засуджує лицемірство служителів релігії, виступає проти родинного деспотизму, обстоює право жінки на вільне одруження. Як і в «Любі-згубі» та «Серце не навчити», тут проводиться думка, що кохання сильніше над усе, що воно може керувати і розумом, і вчинками людини.

«...любов не знає ні віри, ні різниці станів, вона знає тільки себе й є собі всім у всім»³.

Молода дівчина, дочка єврейського купця з Гренади, поехала офіцера Альонзо, іспанця по національності. Її батько при допомозі найнятих злочинців убиває Альонзо, а дочку в той же день віддає за старого вдівця. Тяжке життя почалося для молодої жінки. «Від сього часу я мертва між живими, без ненависти й без любови і тільки твоє ествоване, любий сину, прив'язувало мене до життя» — розповідала вона синові Вернеру перед смертю⁴.

Недовго прожив Вернер у домі батька після похорон матері. Навчившись у знайомого художника малювати, він виїжджає до Португалії, а потім до Турції. В Стамбулі, на знак протесту

¹ До цього часу таким твором вважалася «Люба-згуба». Правда, Л. Українка в своїй статті «Малорусские писатели на Буковине» зазначала, що перші прозові твори Федьковича писані німецькою мовою, але конкретно їх назви не подала. Слід думати, що «Ренегат» є одним з тих перших творів, згадуваних письменницею.

² Припущення перекладача новели, Л. Лотоцького («Діло», 1913, № 92), що цей журнал видавався в Семиграді (Трансильванії), невірне. Див. Biographischen Lexikon des Kaiserthums Oesterreich... von Dr. C. von Wurzbach. Г. 37, Wien, 1878, стор. 272—273.

³ Там же.

⁴ «Діло», 1913, № 92, стор. 5.

⁴ Там же.

проти іудейської релігії і фанатизму, що уособлювались в дідові — убивці Альонзо та жорстокому батькові, юнак потай вихрещується в православного попа отця Нестора.

Згодом Вернер знайомиться з «рабе» Шелойме і його дочкою — красунею Ноемі, в яку закохався. Щоб стати її офіційним нареченим, він повертається до віри батьків, адже, «любов не знає віри», «не знає розваги».

Дізнавшись про це, о. Никифір проклинає Вернера, обвинувачує його в обмані та відступництві. «Зрадником, безбожником» називає Вернера «рабе» Шелойме і з прокльонами виганяє з дому.

Довго блукав хлопець по різних країнах, не знаходячи спокою. Не знайшов його і у війську серед сердечних жовнів-буковинців. Розповівши їм історію свого життя, Вернер покінчив з собою.

У невеличкій примітці до новели перекладач Л. Лотоцький робить спробу знайти спільне в долі героя твору і в житті Федьковича та його батьків. Таке порівняння штучне і не відповідає дійсності.

Безперечно, в «Ренегаті», як і в багатьох українських оповіданнях Федьковича, є біографічні елементи. Але в даному випадку вони стосуються лише місць перебування його у війську та згадок про окремих товаришів.

Так, наприклад, співставляючи факти з життя письменника з текстом твору, можна відзначити, що змальовані тут події, як і в написаному пізніше оповіданні «Штефан Славич», відносяться до 1853 р. В цих двох творах згадується містечко Трансільванії (Семиграду) — Торда, де цього року був з своїм полком Федькович. Згадуваний в «Ренегаті» приятель оповідача Н. є, мабуть, Нарівняк Семен, однополчанин і товариш письменника. Йому Федькович писав листи, присвятив поему «Пугу». Він був декілька разів у селі Новосілки Костюкові (біля Заліщиків), в якому жив, залишивши військо, Нарівняк.

Леся Українка, відмічаючи недоліки оповідань і повістей Федьковича, підкреслювала, що на них, «отразилось влияние европейского, особенно немецкого романтизма; пристрастие к декоративной стороне народной жизни, к исключительным сюжетам»¹.

Новела «Ренегат» якраз і є одним з таких творів, де найбільше позначився цей вплив. Написана невправною рукою початківця, вона відзначається схематичністю і спрощенням. В ній накопичено багато подій і героїв, і в той же час не розкривається характер цих героїв, достатньо не вмотивовуються їх вчинки. Мова книжна, суха. Тут немає, властивих для пізніших українських Федьковичевих оповідань, художньої викінченості, народ-

¹ Л. Українка, Малорусские писатели на Буковине, Твори, т. III, К., 1954, стор. 343.

ної ширості і безпосередності, що вражали навіть такого майстра художнього слова, як Тургенев¹.

Перу Федьковича належить і повість «Керманич» (1868). У свій час вона не була опублікована, пізніше рукопис загубився. Так твір і залишився невідомим для широкого кола читачів.

Лише з листів письменника² довідуємось, що «Керманич» в 1869—1870 рр. знаходився у редакції львівського журналу «Правда» та в одного з народницьких діячів, Омеляна Партицького. Потім повість була перероблена в драматичний твір з такою ж назвою, який автор подарував в 1884 р. чернівецькому літературно-драматичному товариству³.

Окрему групу прозової спадщини Ю. Федьковича становлять твори, що писалися переважно для шкільних підручників (букваря, читанки) та під час його праці у видавництві львівського товариства «Просвіта» (1872—1873) і в Чернівцях, в останні роки життя (1885—1887).

Сюди належать оповідання для дорослих, майстерно оброблені народні анекдоти («придибашки»), невеличкі «повісточки», нариси та казки для дітей, переклади та переробки казок бр. Грімм, Андерсена, Гауфа тощо.

Враховуючи те, що ці твори друкувалися в рідкісних тепер виданнях («Писання Д. Федьковича», «Вечорниці», «Ластівка» та ін.), а значна частина знаходиться в рукописах, ми вважали за потрібне подати в цій статті назви всіх прозових творів, які вдалося виявити, погрупувавши їх у відповідні цикли.

І. ТВОРИ ДЛЯ ДОРΟΣЛИХ

а) Повчальні оповідання і казки

«Фармазони або як то тридцять срібнарівських господарів записалося чортові і як то они за сім літ, сім місяців і сім неділь забогатили...», «Як виряджав Петро Конарюк своїх синів в найми», «Казка за одного стрільця та й за одного опира».

¹ «Наш поет Федькович починає будити симпатію у сторонських людей», писав літературний тижневик «Вечерниці» в 39 номері за 1862 р. Проф. Ціхановецький пише з Гайдельберга: «Знаєте я в восторге от Федьковича — это великий поэт. Я читал из него кое-что Ивану Тургеневу... — и он в восторге». В листі до м. Драгоманова («Зоря», 1855 стор. 248). І. Тургенев прозові твори Федьковича оцінив так: «Тут только и бьет ключ живой воды — а все остальное — либо призрак, либо труп».

² Писання, т. IV, Матеріали до житєписи Осипа Юрія Гординського-Федьковича. З перводруків і автографів зібрав, упорядкував і пояснив др. Осип Маковей, НТШ, Львів, 1910, стор. 184, 194. Далі називатимемо: Матеріали... Фонд Федьковича № 106.

³ Писання, т. III, 1-б, стор. 164. (Примітка редактора).

б) Гумористичні оповідання

«Ярмарок на мухи», «Чудатий кінь», «Дурний гуцуляк», «Ще ся той не вродив, би кожному догодив»*.

в) Народні анекдоти

«Придибашки» (одинадцять анекдотів без назв), «Милосердний хлопчик», «По щирості», «Новий капелюх».

г) Релігійні легенди та притчі

«Житіє святого великомученика Юрія», «Житіє святого великомученика і мироточця Диметрія», «Нові муки Христові», «Премудрий Соломон», «Провід Божій», «Вдячний лев»*, «Вірний християнин»*, «Добрий цар»*.

д) Популярні статті та нариси для народу¹

«Людська кров»², «Що ми? Розправа дуже цікава», «Дещо про оселедці».

II. ТВОРИ ДЛЯ ДІТЕЙ

а) Оповідання, призначені для букваря та читанок

«Будь харний», «Будь уклінний!», «Лиш правду говори», «Чуже не кивай!», «Будь послушний», «Два себні хлопаки», «Порядок — ошадок», «Школа», «Будь господарний», «Жалуй скотину!», «Люби скотину», «Люби стариню», «Слухай старшину!» «Повні і порожні колоски»*, «Побожний Николайко»*, «Онимлива Юстина»*, «Здоров'є лучше як багатство»*, «Шпак»*, «Пташки»*, «Братчик і сестричка»*, «Скарб»*, «Підкова»*, «Тяжку роботу не відкладай!»*, «Совість»*, «Добрий брат»*, «Добрий Марко»*, «Терпеливість»*, «Коляда»*, «Що балажав

* Тут і далі твори, позначені зірочкою, не друковані. Зберігаються у фонді Федьковича.

¹ Треба гадати, що Федькович як редактор «Буковини» (1885—1887) був автором багатьох редакційних статей громадсько-політичного та літературного змісту. Назвати їх точно не маємо змоги в зв'язку з відсутністю архіву газети, а самі статті друкувались без підпису автора. Крім того, дві статті німецькою мовою (про москвофільство та шкільні підручники) опубліковані в «Матеріалах»..., стор. 492, 504.

² Стаття надрукована в «Ластовці» (1874). Тут же надруковані статті «Читальні» та «Що то вже у нас по селах не діється», авторство яких «Деякі дослідники, зокрема упорядник «Галицько-руської библиографії», Іван Левницький, приписують Федьковичу.

собі малий Юрко з вітцем»*, «Три приятелі»*, «Два деревця»*, «Ягоди»*, «Пилипку, Пилипку! Шапочка не прилипла!»*, «Чемний Ігнатко»*.

б) К а з к и ¹

«Від чого море солоне?», «Чортівська бочка», «Глогорожечка», «Золота кісочка», «Голодний чорт або дорога до пекла», «Іголка-угорка претонесенька», «Нікс», «Мудра жінка», «Бідний Міхась», «Хитрий кравець», «Місяці королі», «Коточий каменець», «Бідолашко», «Вівчар», «Підміічє», «Хлопчик сирота і його котик», «Горда качка», «Свиня не до копя», «Пес і кінь», «Перепеличка», «Убога та богачка», «Три дурні», «Слова та погода»*, «Скарбник»* ², «Лев і миша»*, «Голуб і пчола»*, «Ріпа»*, «Бабина дівка» ³.

Значна частина творів цієї групи має повчально-релігійне забарвлення, що проте, не свідчить про якусь надзвичайну набожність письменника чи нарочиту проповідь релігійних канонів.

Відомо, що Юрій Федькович усе своє свідоме життя боровся за запровадження живої розмовної мови і в літературу, і в школу, для якої спеціально склав «Буквар» і читанки. Але навчальні заклади Австро-Угорської імперії в 60-х рр. були цілком підкорені церкві, твори світського характеру найневиннішого змісту туди не допускалися. Прагнучи будь-що забезпечити дітей підручниками, писаними зрозумілою мовою, і цим самим хоч трохи наблизити навчання в школі до реального життя, Федькович мусив пристосовувати зміст своїх книжок до вимог церковників. Але й це не допомогло. «Буквар» і читанки так і не були прийняті для народних шкіл Буковини.

Невільний був у своїх діях Федькович і працюючи редактором у львівському товаристві «Просвіта». Його поставили в рамки підопічного і кожне написане слово старанно перевіряли. В спеціальній постанові товариства зазначалось, що письменник мусить писати такі твори, «котрі йому укаже відділ редакційний» ⁴. Федьковичеві давалася тема, план твору, навіть формат і заголовок вибирали просвітянські редактори. Вони ж виправляли стиль і мову письменника ⁵.

¹ Частина казок також призначалася для шкільних підручників.

² Варіант казки «Вівчар».

³ Федькович був автором ряду інших прозових творів, про які ми знаємо лише з його листів і записів. Наприклад, у фондї Федьковича (№ 476) зберігається невеличка рукописна книжечка «Літературні твори Ю. Федьковича, передані на чужі руки», в якій названо кілька невідомих художніх творів, статей, фольклорно-етнографічних записів, серед них казки: «Голий камінь...», «Райська пташка», «Несамовитий каганець».

⁴ Протокол від 24 травня 1873 р. Матеріали..., стор. 364.

⁵ І. Брик, Федькович у «Просвіті», Львів, 1934, стор. 61.

Федькович незадовго перед смертю (1884) з обуренням оповідав про цей факт О. Кониському: «Найтяжче в цей час було для мене те, що «Просвіта» не тільки вказувала мені теми і план для народних творів, але правління товариства цензувало і виправляло мій стиль та мову». «Вестник «Європы», 1888, т. I. стор. 891.).

І ось з-під пера автора «Люби-згуби» та «Сафата-Зінича» з благословення «Просвіти» появились «Дванадцять пісней во честь і славу св. о. нашого Николая», «Житія святого великомученика Юрія», «Казка за одного стрільця та й за одного опиря» та ін.

У виданнях, за які так ретельно взялося товариство, відбилися, як зауважує Франко, погляди «консервативного малоосвіченого... просто наївного українського духовенства». «Молися і працуй», «ощадність і тверезість», «віра і лояльність» — це були головні засади, головні практичні поради¹ керівників і рядових членів «Просвіти».

Таких самих моральних настанов вимагали вони і від Федьковича. І тільки художній такт та демократичні переконання письменника не дозволили йому цілком піти за такими «порадами». Більше того, він навіть у більшість з цих творів вніс багато цікавого, оригінального, пожвавив їх художніми засобами усної народної творчості, картинами реального життя і побуту простих селян-гуцулів.

Втручалися в творчість Федьковича і в останній період життя письменника. Особливо тут проявили активність буржуазно-націоналістичні діячі чернівецької «Руської Бесіди». Твори, призначені письменником для народу, проходили через руки Ом. Поповича — редактора «Бібліотеки для молодіжи», де вони здебільшого друкувалися.

Ця постійна «опіка», втручання в особисте і творче життя Федьковича людей, що за своїми ідейними переконаннями, суспільним, а багато з них і культурним рівнем, стояли нижче від нього, завдали багато шкоди письменнику, мали негативний вплив на його світогляд і творчість.

Цим і пояснюється той факт, що Федькович разом з високохудожніми, реалістичними творами писав релігійно-повчальні твори і навіть об'ємисті трактати з астрології.

«Наша громада не вміє ні виховати, ні навіть піддержати таланту, ні послужитись ним», писав у свій час М. Драгоманов¹, даючи цим правильну оцінку діяльності галицько-буковинської інтелігенції, що оточувала Федьковича, та тим умовам, у яких йому довелося жити й працювати.

Серед названих творів є багато таких, що зв'язані з реальним життям народу. В них порушуються важливі суспільні проблеми, широко використані деталі народного побуту і праці.

Це в першу чергу казки, народні анекдоти, більшість дитячих оповідань тощо. Навіть у творах повчально-релігійного характеру Федькович широко користується багатством усної народної творчості, пропагує тверезість і охайність у побуті, закликає се-

¹ І. Франко, Твори, т. 16, стор. 168.

² О. Маковей, Житєпись Осипа Юрія Гординського-Федьковича, Львів, 1911, стор. 496.

лян гуртувались у боротьбі проти панів, шинкарів, самим учитись грамоти і навчати дітей.

Питання пияцтва і санітарно-гігієнічних умов життя селян-гуцулів було соціально гострою проблемою. Безземелля, бідність, темрява, безліч податків зробили життя бідняків нестерпним. Виступаючи на оборону інтересів селян в сервітутовому процесі, Федькович про систему оподаткування говорив:

«Коли грунт по батькові перейшов на діти і вони поділилися, то кожен з дітей мусіло платити панам такий чинш, який платив батько від цілого ґрунту. Така драча звалась «новачизна». Коли пани виїжджали на обзори-ни своїх дібр, мусіли мужики платити їм «іп пауга» кошти подорожи. Се звалось «кельтунки». Коли пан вступив до хати мужика, мусів мужик за се, що пан діткнувся його клямки, платити т. зв. «клямкове». Коли мужик хотів собі в печі затопити, мусів панові платити т. зв. «печове» і т. д.»¹.

Вкрай збіднілі селяни жили в курних хатах разом з худобою. Скрізь бруд, тіснота і злидні. Бідному трудареві залишилась єдина втіха — топити лихо в горілці. І, як гриби після дощу, виростали по буковинських селах корчми. Горілку продавали шинкарі й поміщики. Лихварі облутували тенетами трудяще населення. З торгів продавались клапті бідняцької землі. Щорічно збільшувалась армія жебраків, заробітчан.

Як розповідають сучасники, Федькович, перебуваючи в селі Путилі війтом, старався всіляко допомогти селянам, особливо оберігав їх від засилля та кабали шинкарів і лихварів. Запеклих п'яниць карав штрафами, терплячим нужду давав позику з громадських грошей, дітей і дорослих навчав грамоти, купував на власні кошти підручники і шкільне приладдя².

Боротьбу з п'янством і шинкарями за підвищення матеріального добробуту гуцулів та покращення санітарно-гігієнічних умов їх життя продовжував письменник і в пізніші роки. Найбільш активно ці питання підіймав у ряді оповідань, нарисів та статей для народу. Серед них особливо виділяється оповідання «Фармазони»³.

В грудні 1872 р. Федькович одержав від редакційного відділу «Просвіти» замовлення перекласти на українську мову оповідання німецького письменника Г. Чокке «Село золоторобів» («Das Goldmachersdorf») ⁴. Під час праці над оповіданням автор переробляє його, створивши фактично новий твір⁵, на зв'язок

¹ О. Колесса, Юрій Коссован, Львів, 1893, стор. 92.

² Р. Заклинський, За слідами Федьковича, Л.-В., 1906, XXXII, Спогади Анни Губрїх.

³ Вид-во «Просвіта», Львів, 1873.

⁴ Див. протокол засідання «Просвіти» від 12 XII 1872 р. Матеріали..., стор. 363.

⁵ Повна його назва така: «Фармазони або як то тридцять срібнарівських господарів записалося чортові і як то они за сім літ, сім місяців і сім неділь дуже заобогатили. Красна і правдива повість для розумних господарів».

якого з оригіналом вказує лише посилання на Чокке та деяка подібність змісту.

Актуальність і соціальна суть поставлених у «Фармазонах» проблем знецінюється тим, що письменник, до кінця не переборвши ідеалістичного впливу Чокке, а також виконуючи ідейні настанови замовців, не вникає в суспільні причини такого життя селян. Вихід з цього становища він намагається знайти у заходах просвітян та в релігії.

В оповіданні змальовано життя селян с. Срібнарів, де не було школи, а зате процвітали «аж три корчми, нівроку, і чотири шинки». Селяни бідніли, наживались шинкарі, яких підтримували вїйт Павло Дзюба, писар та присяжний Семен Сварливий. Проти зловживань сільської влади та її прибічників виступили бувший жовнір Василь Нестерук, другий присяжний Іван Правдарюк, мельник Дмитро Складан, піи та інші. Вони заснували ніби таємну організацію «фармазонів» і своїм членам пообіцяли через сім років, сім місяців і сім неділь велике збагачення, коли ті будуть дотримуватись десяти «заповідей»: не ходити в шинок та не пити горілки, регулярно відвідувати церкву, тримати в чистоті своє тіло, хату подвір'я, вчити грамоти дітей тощо.

«Фармазонам» допомагає і офіційна влада. При її допомозі в селі за зловживання звільнили п'яницю-вїйта та його писаря, а призначили справедливого, чесного Правдарюка. Закінчується оповідання прославленням «діянь» «фармазонів» і показом багатого життя всіх селян Срібнарова та інших сіл, що пішли за ними.

Як свідчить обкладинка другого видання «Фармазонів», твір готувався та був виданий до 25-ї річниці звільнення селян Буковини від кріпацтва. Буржуазно-націоналістичним керівникам «Просвіти», що орієнтувались на монархічні кола Австро-Угорщини, потрібно було, догоджаючи урядові, приховати справжні причини тяжкого життя селянства в пореформені роки, звести все до п'янства, неробства та занедбування релігії.

Дійсно, до такого висновку підводить читача ця «правдива повість для розумних господарів». Особливо неправдоподібно виглядає дане в кінці «Слівце до чесних руських селян». До речі кажучи, писане не Федьковичем, а, мабуть, Ом. Огоновським¹.

Автор «Слівця», схиливши голову перед «волею найяснішого монарха», лицемірно радить бідному селянству для покращення свого життя «піти на зарібки», заробити «красний гріш», з якого буде чим і платити, і краще поїсти. Закінчується ця проповідницька тирада... закликком читати просвітянські книжечки і слідувати їх настановам.

Оповідання відіграло певну позитивну роль у боротьбі з п'янством, шинкарями та лихварством. Проста побудова, доступна

¹ Див. примітку до «Творів» Федьковича вид-ва «Просвіта», Львів, 1928, стор. 314.

для широкого кола читачів мова, актуальність порушених питань сприяли популярності твору серед селян.

Завданню прославити «товариства фармазонські» підпорядкований зміст оповідання «Як виряджав Петро Конарюк своїх синів у найми» (1873).

Посилаючи двох синів у найми «на чужину розуму вчитися», Конарюк навчає їх, у яких господарів і в якому селі зупинитися. Ці настанови і є основою оповідання та його моралізаторсько-повчальною суттю. Через батьківські поради дітям автор засуджує п'янство, безгосподарність, недбальство сільських властей; возвеличує ощадність, релігійність, тверезість, які вважає за основу добробуту населення.

Поставлений львов'янами в умови суворої цензури, обмежений рамками заданої тематики, Федькович змушений був навіть деяким народним казкам надавати релігійно-моралізаторського змісту. Наприклад, використавши народні казки та міфічні оповідання про упирів, він написав «Казку за одного стрільця та й за одного опира».

Казка повчає, що хто не відзначає релігійних свят, не молиться богу, замість церкви бігає в шинок, з того упир ссе кров. Тих же, хто дотримується релігійних настанов, вчиться сам і навчає дітей, захищає бог.

Цікаво, що святим ділом тут вважається і купівля книжок (звичайно, «просвітянських»), які продаються, «чи то у Львові, чи то у Коломиї, чи де-небудь». Конкретно наводиться назва однієї з цих «святих» книжечок, що навіть «крику у пеклі наробила», це — «Казка за білого коня, віщуна золотогривого або як то царівна Елена за старого чорта віддалася, і що она у пеклі виділа»¹.

Уже сам заголовок свідчить про безглуздість змісту цієї «казки». Не більшу вартість мали багато інших «книжок для народу», рекомендованих «Просвітою». Надумані, відірвані від конкретного життя трудящих і їх потреб, ці книжки нікого не цікавили і роками валялися по складах та полицях книжкових магазинів. Тільки популярність і авторитет Федьковича були причиною того, що просвітянські книжки, підписані його прізвиськом, скоро розкуповувались.

Немає сумніву, що релігійно-повчальні твори Федькович писав без будь-якого зацікавлення і творчого натхнення. Це була робота за чужим планом, проповідь того, в що сам не вірив. Ось чому ці твори бідні не тільки щодо свого ідейного змісту, але і в художньому відношенні більше нагадують пісні, попівські проповіді, ніж витвір талановитого митця.

Нічого привабливого не становлять для творчості Федьковича релігійні притчі і легенди, за винятком хіба «Вдячного лева»,

¹ Ця казка була лише замовлена Федьковичеві, але він її так і не написав. (Матеріали..., стор. 244, 245).

в якому передається зміст відомого в літературі міфа про Андрокла.

Більш цікавими і не позбавленими оригінальності є невеличкі гумористичні оповідання та народні анекдоти, які майстерно передає Федькович.

В оповіданнях «Ярмарок на мухи» та «Чудатий кінь» письменник розказує про спритного і винахідливого угорського гусара та його пригоди.

В першому творі він перехитрив скупого шинкаря, перепродавши йому з вигодою для себе мухи, що роєм літали в корчмі. В другому — дотепно випровадив з корчми постійних п'янюг, які не давали змоги новоприбулим відпочити. Для цього гусар замовив коневі декілька десятків варених яєць, які той нібито їсть. Шинкарка разом з своїми відвідувачами пішли дивитись на таке диво, а гусар улігся спати на лаві під теплою грубою, що до цього часу була зайнята завсідниками корчми.

В оповіданні «Дурний гуцуляк» Федькович бере під захист співвітчизників, яких подекуди вважали дурними недотепами. В селі Мудрівцях місцеві парубки задумали посміятись з «дурного гуцуляка». Але в того за простою зовнішністю та подертим одягом ховалася мудра голова. В змаганні, хто більше придумає і відгадає загадок, виграв Гуцуляк, залишивши своїх зарозумілих супротивників у дурнях.

Багаті прийомами народного гумору, іронії, а деякі й сатири, твори, основою яким послужили народні анекдоти. В них висміюються забобонні звичаї, пихаті нани, брехуни, злодії, ошуканці та інші соціальні та побутові вади.

В одному з анекдотів автор висміює домашні способи лікування тварин. Селянин питає кума, що той давав своїй «сіруні», коли вона заслабла. Поспішаючи, кум відповів, що товченого скла. Після таких ліків корова здохла. В неділю знову зустрічаються.

«— Ой куме, лихо ви мені радили і минулась моя сірунка...

— Або-ж і моя ні?

— А чож ви мені так не казали?

— Хіба ви мене про се питали?

Не питай: що давав? але: чи помогло?»¹.

Тонко висміяв Федькович і церковні легенди про воскресіння Христа.

Один проповідник у своїм казанні до народу зауважив, що спаситель «по славнім своїм воскресінню» вперше з'явився жінці, а не чоловікові, «аби вість борше по місті рознеслася».

Анекдотичний характер носять і деякі назви про дурнів («Нікс», «Адам і Єва», «Мудра жінка», «Три дурні»).

Федькович написав декілька статей науково-популярного

¹ Писання, т. II, стор. 355.

характеру. Як і в багатьох художніх творах, він і тут намагається допомогти покращити життя трудящих селян.

Просто, ясно, на конкретних прикладах автор розповідає про окремі явища природи та їх зв'язок з людським життям, рекомендує додержуватись мінімальних санітарно-гігієнічних умов, вказує на шкоду п'янства тощо.

У статті «Людська кров», подавши елементарні поняття про значення крові в людському тілі, автор переходить до конкретного життя гуцулів і навчає, що потрібно робити для збереження здоров'я, зокрема для забезпечення нормального кровообігу.

Надмірне вживання спиртних напоїв він називає самогубством, рекомендує пити свіжу воду, дихати чистим повітрям. Радить провітрювати хату, не тримати в житловому приміщенні худоби, вивозити подалі гній.

На перший погляд такі поради виглядають найвніми і непотрібними. Але коли врахувати тогочасні антисанітарні умови життя гуцулів в горах, то просте слово та ще з уст відомого і шанованого в народі письменника мало велике агітаційне значення.

Федькович багато уваги приділяв дітям і їх вихованню. Перебуваючи на посаді інспектора шкіл Вижницького повіту, письменник багато затратив часу і енергії на наближення школи до життя, на запровадження народної мови та унаочнення шкільного процесу.

Він прагнув зробити навчання в школі доступним і цікавим. Цим вимогам відповідали створені ним для початкової школи «Буквар», читанки і декілька десятків оповідань і казок для дітей.

Написані рідною мовою, на фактах з життя дітей та їх батьків — простих селян, — ці твори були спрямовані на те, щоб виховали в малят трудові навички, сміливість, винахідливість, любов до праці; застерегти їх від брехні, крадіжки і прищепити любов до науки, книги.

В оповіданні «Будь послушний» письменник у доступній для дитячого мислення формі змальовує двох хлопчиків — послушного Штефанка і непослушного Марка. Штефанко добре вчився у школі, допомагав батькам у господарстві. Його ж брат пустував, забирався в чужі садки, за що не раз діставав різок, а ставши дорослим, у п'яній бійці втратив око. Твір закінчується запитанням до дітей, кому з братів вони хочуть наслідувати.

Проповідь працьовитості є основною ідеєю оповідання «Скарб». Навчаючи дітей, батько наводить приклад з власного життя, коли він шукав скарб. Спочатку скопав город, потім засадив його фруктовими деревами. Через кілька років, збираючи врожай, він дійсно знайшов скарб.

Умови навчання, порядки тодішньої школи автор показує в оповіданні «Школа». В інших творах Федькович намагається

прищепити своїм маленьким читачам охайність, навчає їх дотримуватись порядку, чистоти («Порядок-ощадок», «Будь харний!»); виховує почуття звичливості, поваги до старших («Будь уклінний», «Люби стариню, слухай старшину!»); навчає не брехати, говорити лише правду, не красти, бути сміливим («Лиш правду говори!», «Шпак», «Чуже не кивай!», «Два себні хлопаки»); бережно ставитись до тварин, птахів («Будь господарний!», «Жалуй скотину», «Пташки»).

Прагнучи викликати пошану до трудового життя народу, письменник майже в кожному оповіданні, як обов'язковий елемент відмінної поведінки дитини, бере її працьовитість, уміння допомогти старшим, а інколи і замінити їх.

Спільним мотивом переважної більшості творів, писаних Федьковичем для «Букваря» та читанок, є заклик до освіти. Сумлінне навчання — ось що насамперед характеризує всіх «послушних», «харних», «господарних» та «уклінних» хлопчиків.

Щоб більше відтінити кращі риси в характері і поведінці дітей, письменник часто будує свої оповідання на протиставленні гарного і поганого. Здебільшого закінчуються вони питанням і відповіддю або лише питанням, на яке можна легко відповісти, прочитавши твір.

Здебільшого для дітей писалися і казки, яких у Федьковича налічується біля трьох десятків. Значна частина їх — це переклад або творча переробка казок братів Грім («Глогорожечка», «Золота кісочка», «Хитрий кравець»), Андерсена («Іголка-уторка претонесенька», «Підмінче»), Гауфа («Бідолашко»), словацьких народних казок («Місяці-королі») та ін. Решта — оригінальні твори, писані на основі фольклорних джерел.

З оригінальних казок найкращою є «Від чого море солоне?». Основою твору послужили українські народні казки про цвіт папороті, що нібито цвіте в ніч на Івана Купала тощо.

Стиль і манера розповіді казки «Від чого море солоне?» нагадує реалістично-побутові твори Федьковича. Тут ми знаходимо заперечну частку «ні», що вживається на знак ствердження, речення-замовчування, вираження нарочитої непевності шляхом вживання на кінці речення форм «не то що» та інше.

Користується автор і прийомами народного гумору. Наприклад, дотепно він розповідає про жінку — герою казки, яка у «кума Андрія на хрестинах» вдавилася пирогом і їй довелося «чимало кулаків у потилицю надавати, доки аж песій періг пішов собі туди, куди ему треба».

Починається твір вступом, де коротко викладений принцип добування солі з морської води, а потім даються казкові пригоди бідного мисливця Семена. Завершуються вони здобуттям чудового млинка, що робив усе по бажанню свого власника. Намолов він і солі для сусіда Семена. Але через те, що останній не вмів зупинити млинка, солі набралось дуже багато і довелося

його викинути в море, де він продовжував молоти далі. Тому то море «солоне і до сьогоднішньої днини, і буде собі солоне, аж доки якому розумникові не вдасться того млинчика з моря видобути», так закінчує автор свою цікаву казку.

Оригінально поєднані мотиви українського та словацького фольклору з казками бр. Грімм («Столик накрийся, золотий осел та кийок з мішка», «Ранець, шапочка та ріжок») в казці Федьковича «Чортівська бочка».

Бідний селянин дуже терпів від клятої жінки, яка нерідко частувала його макогоном, вимішуючи свою злість за злидні та нестатки, що панували в хаті. Особливо дісталось бідоласі, коли вітер розвіяв миску позиченої муки. Побитий, він іде шукати винуватця свого лиха. В лісі селянин зустрічає бабусю (матір вітрів), через неї знайомиться з її синами. Спочатку вітри подарували йому кошіль, який задовольняв будь-яке прохання свого володаря, а потім — таємничу бочку з дванадцятьма кріпкими хлопцями-бійцями. Хлопці провчили насамперед самого селянина, щоб не був дурнем, потім його вродливу жінку і, нарешті, зажерливого пана, який виманив кошіль.

Як і народ у своїх казках, Федькович в «Чортівській бочці» карає панів за ошукацтво та паразитизм. Засобом ідкої іронії він висміює їх боягузтво, фізичну немічність.

Ще більш соціально загострена казка «Голодний чорт або дорога до пекла», в якій письменник засуджує жорстоких поміщиків-кріпосників і з великою симпатією змальовує образи простих селян.

Джерелом сюжету твору послужили народні казки про чортів та їх пригоди між людьми.

В фольклорі часто можна знайти твори, в яких чорти не тільки шкодять, але і в силу певних обставин мусять служити людям. Такими казками широко користувався М. Гоголь, користувався ними і Федькович.

Події розвиваються в селі, яке навіть чорта Юдка вразило своєю бідністю:

«Село... було велике, дуже велике, але таке вже бідне та нуждене, що навіть і воробці з него світа половили не то що!.., а у тім селі був дідич такий вже лютий, що як би міг, то би був з людей і паса дер... у него лиш тільки і розривки було, аби над підданими збиткуватися»¹.

Підкреслюючи нелюдську жорстокість поміщика-самодура, письменник в той же час показує його тупим дурнем, егоїстом.

Пан хотів познуцатись над бідняком Дмитром Моргалом, але той при допомозі чорта-слуги виконав усі примхливі і при звичайних умовах нездійсненні завдання поміщика (перевіз із лісу на подвір'я пана величезний камінь за три дні; вирубав діброву і дрова поскладав у панському подвір'ї тощо), а його

¹ Писання, т. II, стор. 370, 373.

самого відправив до пекла на радість усьому чортячому царству.

Народ терпів від панів наругу, але не знав, яким способом позбавитись цього лиха. В своїх мріях-казках він часто звільняється незвичайним шляхом: за допомогою «нечистого».

Передаючи народні прагнення і думки, Федькович у своїй казці також карає пана пеклом, а в кінці з радістю констатує «що пан не повернув і до сьогоднішньої днини».

Перекладаючи та переробляючи казки інших авторів, Федькович не завжди дотримується оригіналу.

Він широко користується українськими народними піснями, приказками, прислів'ями, примовляннями, вносить деталі народного побуту, одягу. Початок і кінець цих творів нагадують українські народні казки.

В «Глогорожецьці» рак до бездітної цариці звертається в дузі народного примовляння:

Царице, царице!
Тобі щось дома годиться:
А що — мині не казати
А тобі треба о колисочку дбати!¹

Заснула молода царівна не на розкішному царському ліжку, як у Грімма, а на лавці.

Твір має характерне для українських народних казок, закінчення:

«І я там був, сім пар чобіт гуляючи подер, а як стали на віват стріляти, то я зо страху аж сюди забіг, аби вам сю казочку розповісти. От вона і вся!»².

Ще більше користується письменник прийомами української народної казки в «Золотій кісочці» (у братів Грімм — «Гусятниця»). Він вживає постійних епітетів типу: «кінь срібногривий, золотогривий; дорогі шати; шовкова трава; чисте поле; срібнопера щука. Вирази оригіналу: «далека країна», «чуже королівство» Федькович передає: «тридев'ята земля, за шкляними горами та за солоним морем»; стару царицю називає «вдовиця-стариця», а королівських сановників — «панство... боярство».

Майстерно вплітаються в казку весільні примовляння та уривки з народних пісень.

Царевич, зустрівачучи свою наречену, промовляє до неї:

І слихом слухати!
І видом видати!
А з нареченого,
Та зарученого
В неділеньку рано
До слюбу ставати!³

¹ Писання, т. III, стор. 358.

² Писання, т. II, стор. 360.

³ Писання, т. II, стор. 364. Порівн. примовляння Івана при зустрічі із зарученим Ілашем. («Люба-згуба», Писання, т. II, стор. 20).

Невірна служниця, що вбралась царівною, відповідає йому словами народної пісні:

Ой ні, князю, ні, собою,
Аж не вволиш мою волю:
Вели дівку с конем взяти,
Вели обом голов стяти!¹

Далі словами народної пісні розмовляють царевич з справжньою царівною (у бр. Грім — гусятниця, у Федьковича — пастишка «морського стада»).

Закінчується казка оригінальним віршем, складеним самим автором в дусі народних казкових кінцівок:

І я там бував!
Коваль коні кував
В срібні підківці;
Летіли ластівки,
Та все щебетали,
Казки вповідали
З загір'я шкляного.
З-за моря солоного;
А я там був,
Сю казочку чув,
Та й вам вповів.
А журавель летів
Та й сів собі на даху: кла-ка-ка!
Не варт твоя казочка п'ятака!²

В казці «Бідолашко» (переробка «Маленького Мука» Гауфа) Федькович користується лексикою назв одягу, їжі, які більше нагадують речі гуцульського побуту, ніж східних народів.

Так, наприклад, Бідолашко в таємничій коморі, в яку йому було заборонено заглядати, побачив речі далеко не східного характеру: мотовила, самотоки, зілля, охаблені коси, серпи тощо. Бабуся, в якій служив герой казки, годує своїх кішок і собакат не «супом», як у Гауфа, а «ковбаскою і кишкою».

Багато деталей українського побуту вносить письменник у поведінку наймички Хими з казки «Іголка-угорка претонесенька» (переробка «Штопальної голки» Андерсена).

Казки Юрія Федьковича (і оригінальні, і перекладні) свідчать про чудове знання письменником багатства усної народної творчості, про його майстерний талант перекладача.

Зберігаючи в основному сюжетну канву оригіналу, автор з великим художнім тактом вкраплює елементи українського національного фольклору, особливості побуту, праці. Таким чином наближає зміст і сам виклад твору до умов життя широких

¹ Писання, т. II, стор. 364. Порівн. примовляння Івана при зустрічі із зарученим Ілашем. («Люба-згуба», Писання, т. II, стор. 20).

² Писання, т. II, стор. 368.

верств населення (дорослих і дітей), для яких письменник і готував свої казки.

Казки Федьковича були широко популярними в народі за життя письменника. Не втратили вони своєї привабливості і на сьогодні.

* *
*

Розглянуті твори Юрія Федьковича не рівні щодо своєї ідейної та художньої цінності. Вони значно поступаються перед реалістичними повістями і оповіданнями, громадсько-політичними віршами і поемами, які прославили їх автора. Про те багато з них (зокрема, коли відкинути «життя» та релігійно-повчальні оповідання, писані за чужим планом) свідчать про широту творчих перспектив письменника, про його бажання послужити гаряче любимому народові на всіх ділянках громадського і культурного життя.

Письменникові доводилося працювати в надзвичайно тяжких і несприятливих умовах. Відомо, що Федькович жив у обстановці боротьби і суперечок між двома основними таборами галицько-буковинської інтелігенції — «москвофілами і «народовцями», які «не мали ясної провідної думки..., не бачили народу і його потреб, а залітали в сфери якоїсь «вищої» політики, якихось «ідеалів», відірваних від життя»¹.

Як він не намагався триматись і йти осторонь від цієї боротьби своїм шляхом переконаного демократа, що був вироблений під впливом Шевченка, все ж його інколи втягували в неї.

Різні «товариства», «громади», окремі особи втручалися в життя письменника, надокучали своїми листами, проханнями, порадами. Одні «радили» не писати прозу, другі — навіть не думати про поїздку на Україну, бо там його чекає Сибір, треті — не носити народного одягу та кинути дружити з «хлопами», бо це шкодить його кар'єрі і т. д.² Часто Федьковича величали «батьком», «соловієм», «бояном», «любчиком», «голубчиком», кінчали ж розмову або лист проханням дати твори для того чи іншого альманаху, журналу, газети.

Задумала віденська «громада академіків», «ратувати... суцність нашого народowego «Я» і через свого члена Павлушевича звертається до Федьковича за творами для «слави і окраси нашої літератури»³, треба розуміти для «слави і окраси» задума-

¹ І. Франко, Твори, т. 16, Київ, 1955, стор. 163.

² Матеріали..., стор. 107, 70; «Зоря», 1891, стор. 112—113, Л.-Н.В., 1905, т. XXI, стор. 227.

³ Там же, стор. 123—125.

ного нею видання. Вимагає «прекрасної повісті народної содержания поучаючого» і Іван Наумович для своєї «Науки».

З подібними пропозиціями звертались тернопільська, віденська, станіславська, львівська «громади», львівська «Просвіта», О. Партицький, О. Кониський, І. Воробкевич, Г. Цеглинський і багато інших¹.

В цей потік прохачів і «порадників» включається навіть «дяк-учитель с под Рави русской Андрей Мартинюк», який «в имени патриотизма упрашає» Федьковича вплинути на прихожан уніатської церкви, для чого пропонує «уложить несколько песней до прес. Богородици, до Иисуса Христа, до св. О. Николая, с пару колядок на Рождество, с пару песней Великодных, до св. Андрея и прочія дишащих не только набожностію, але и патриотизмом»².

Більшість з тих, хто звертався до Федьковича з такими пропозиціями, вихваляли й підносили свої видання або лише задуми, обіцяли друкувати його твори, а в дійсності багато висланих рукописів валялись по редакціях і в окремих осіб, де немало з них і загубилося. Особливо безсоромно поведився з рукописами О. Партицький, який друкував їх за власним вибором, робив виправлення, передавав без дозволу автора іншим особам³.

Таке ставлення обурювало чесного, відвертого письменника. Він писав грізні листи видавцям, обіцяв розправитись з львівськими редакторами гуцульським топором, загрожував судом⁴. Вкрай обурений, часто тікав до знайомих селян, з недовір'ям зустрічав кожную нову людину, замкнувся в собі і, нарешті, захопився «астрологією».

«Людина талановита, але без належної освіти, при тім хиткого характеру і якоїсь хворобливої вдачі»⁵, Федькович не завжди був сталий у поглядах на літературу й мистецтво, не завжди був логічно послідовним у вирішенні питань, зв'язаних з друкуванням своїх творів.

Відзначаючи деяку несталість художніх смаків письменника, потрібно в той же час відмітити, що він був дуже постійним у ставленні до народу, в оцінці його сили, величі і краси, в оцінці багатств усної народної творчості.

Федькович через усе своє життя проніс любов до простого люду, його праці й боротьби. Свідченням цього є кращі твори з народного життя, які і на сьогодні вражають читача своєю життєвою правдою і художньою довершеністю.

¹ Матеріали..., стор. 127, 131, 134, 167, 169, 219, 239, 263, 264, 365.

² Там же, стор. 308.

³ І. Франко, Твори, т. 17, стор. 274; Матеріали..., стор. 177, 183, 184, «Руслан», 1908, № 254, Лист О. Партицького в ж. «Правда».

⁴ Матеріали..., стор. 160, 165, 166.

⁵ І. Франко, Твори, т. 16, стор. 163.

Підтверджуючи свою любов до народу, Федькович за декілька місяців до смерті писав:

Я люблю мою Русь-Україну,
Я вірую в її будучину,
В тій то надії я живу й умру.

НАБЛЮДЕНИЯ НАД МОРФОЛОГИЧЕСКИМИ ФОРМАМИ В РОМАНЕ М. Е. САЛТЫКОВА- ЩЕДРИНА «ГОСПОДА ГОЛОВЛЕВЫ»

В числе средств языкового выражения, наряду с лексической системой, в творчестве Щедрина видное место занимают морфологические формы. Настоящая статья, не претендуя на исчерпывающую полноту, ставит своей целью — выделить и объяснить по тексту романа «Господа Головлевы» те морфологические формы, которые, являясь особенностью индивидуального стиля сатирика, вместе с тем способствуют наиболее четкому выражению мысли, с одной стороны, и изображению сатирического — с другой.

Морфологический строй «Господ Головлевых» — это строй литературного языка второй половины XIX ст., сохранившийся в целом и в нашу советскую эпоху. Но морфологический строй «Господ Головлевых» имеет и свои особенности. Эти особенности характеризуются: 1) преимущественным использованием форм словосложения, суффиксации, префиксации¹; 2) использованием морфологических форм, характерных для устной речи — форм речи разговорной, просторечия, диалектных форм и др.; 3) использованием устарелых морфологических форм.

1. Словосложение

В «Господах Головлевых» обращает на себя внимание использование слов, составленных по способу словосложения. Слова эти в «Господах Головлевых» используются и автором, и персонажами.

Слова, образованные по способу словосложения, в «Господах Головлевых» не всегда несут эмоциональную нагрузку. Неэмоциональными в речи автора являются некоторые слова с отвлеченным понятием: самоуверенность (42), жизнестроительство (22) и др.²

¹ Префиксация по текстам «Господ Головлевых» является предметом отдельной статьи.

² Ссылки на тексты романа «Господа Головлевы» ведутся по изданию этого романа Детгизом, 1949 г.

Чаще всего словосложение выполняет функции сатирические; для их выражения в словосложении сатирик находит дополнительные языковые средства. Так, в головлевской семье праздность и непригодность к какому бы то ни было делу «приводили за собой пустомыслие, пустословие и пустоутробие» (309)¹.

Способы словосложения Щедрин использует привычные в русском языке и по приемам соединения двух слов в одно, и по характеру соединяемых основ. По характеру основ и по отношению частей в «Господах Головлевых» можно выделить такие типы сложных слов.

Прежде всего сложные слова, образованные при помощи соединительных гласных *о* или *е*. Сюда относятся:

Существительные мужского рода, обозначающие названия лиц; такие слова составлены из основы существительного в первой части и глагольной основы во второй части сложения, осложненной суффиксом *ец* (например, устарелое слово *мздоимец* (235), просторечное *кровопивец* (236)).

В эту же группу входят существительные среднего рода со значением отвлеченных понятий; вторая, глагольная часть сложения образуется присоединением суффикса *-ство*: Анниньку в доме бабушки преследовало «паскудное напоминание о дармоедстве, хлебогадстве» (310). Последнее слово — авторское. — Ч.).

Следующую группу составляют сложные существительные, образованные сочетанием основы прилагательного с основой существительного, не осложненные или осложненные суффиксами: *благоприобретение* (23), *празднословие* (125, 263), *ясновидение* (265), *благосостояние* (308), *пустослов* (128) и др.

Отдельную группу представляют сложные существительные, образованные сочетанием основы местоимения с глагольной основой или с отглагольными существительными, осложненные или не осложненные суффиксами: *самовластие*, *самосохранение*:

1) Иудушка «погряз в тину мелочей самого паскудного *самосохранения*» (174). 2) В отношениях Арины Петровны к постылому сыну «говорило одно нагое чувство оскорбленного *самовластия*» (91).

Широко употребительными являются сложные существительные, образованные без помощи соединительных гласных; в таких существительных склоняются или обе части сложения, или только вторая часть. Такие существительные, характерные для простой народной речи, часто фольклорной, употребительны больше в речи персонажей, в «Господах Головлевых» — в речи Иудушки и Арины Петровны. В речи Иудушки фольклорные элементы входят в систему средств для выражения показного добродушия, подкупающей фамильярности, переходящей в слащавость.

В речи Иудушки (склоняемые в обеих частях сложения):

¹ Здесь и дальше выделения автора.

фольклорные — *хлеб-соль* (206), *землица-матушка* (244); разговорные — *ангел-хранитель* (240), *друзья-приятели* (163) и др.

В речи Арины Петровны: устаревшие *планы-прожескты* (28), разговорное — *штуки-фигуры* (94).

В стиле фольклорной речи автор называет лето — *лето-припасуха* (61) ¹.

Сложные прилагательные выражают качества или свойства более экспрессивно, чем прилагательные простые, поэтому в речи, где определения нужны более резкие, сложные прилагательные наиболее употребительны. В качестве таких особенно резко экспрессивных определений они и использованы в сатирическом повествовании автора. Сложные прилагательные более свойственны книжной речи, поэтому в речи разговорно-бытовой они малоупотребительны.

Словосложение прилагательных в речи автора можно свести к двум группам. Прежде всего, словосложение прилагательных осуществляется при помощи тех же соединительных гласных *о*, *е*, что и в отношении сложных существительных. В словосложении прилагательных этого типа отмечается случай сочетания прилагательного и существительного: *злаязычный*, *слабосильный* и др. Улитушку автор характеризует тем, что она была *злаязычна* (221), а головлевское поколение называет *слабосильным* (308).

Вторую группу составляют прилагательные, образованные из сложения двух основ прилагательных, обозначающих равноправные понятия. Эмоциональная выразительность их также резкая: 1) «Фантазия Иудушки — *пустопорожня*» (277). 2) «В ушах Павлуши раздавалось *слезнолицемерное* пустословие Иудушки» (87). 3) «...это была бесконечная пустота, мертвая... *зловещелучезарная*» (67). 4) В поведении Иудушки относительно беременности Евпраксеюшки просвечивала «...одна *паскудно-гадливая* уклончивость...» (228).

Рад-радехонек. Этим прилагательным автор характеризует опустившегося дворянского сына: Степка-балбес промотал «кусок», выброшенный ему маменькой, и «был *рад-радехонек*» (просторечное сложное прилагательное, образованное сочетанием краткого прилагательного с образованным от него же кратким прилагательным в уменьшительной форме) поступить в качестве заместителя в ополчение...» (25).

Полным-полнехонек — образовано сочетанием краткого при-

¹ Сложные существительные типа *хлеб-соль* и др. внешне схожи с синтаксическим объединением определяемого и определяющего (приложения), которые также широко употребительны в речи автора и персонажей:

а) в речи Иудушки: *старик-ворчун* (163), *бабушка-старушка* (164);

б) в речи балбеса: «Вот *Павел-брат* — тот *душа-человек*» (37);

в) в речи Любиньки пренебрежительное *подлецы-мужчины* (291).

Автор, пародируя речь Иудушки, употребляет сочетание *вор-мужичонка* (270).

лагательного с образованной от того же корня особой наречной формой с суффиксом **-ым** (в первом члене словосложения); использовано оно автором в тоне стилизации простонародной речи: Кладовые, погреба и амбары были *полным-полнехоньки*...

2. Суффиксальное словообразование

а) Суффиксальные образования существительных, обозначающих отвлеченные понятия

В собственном повествовании автора, всегда имеющем характер размышлений, обильно использованы существительные с суффиксами, придающими значение отвлеченности. Существительные с семантикой отвлеченности наиболее характерны для речи публицистической, вообще книжной. Широко использованы такие существительные и в авторском повествовании «Господ Головлевых».

В группу суффиксов, создающих существительным понятие отвлеченности, входят суффиксы: **-ость, -ство, -ни(е), -нь(е) -ени(е), -ти(е), -ба**.

Некоторые существительные, выражая только понятие отвлеченности, оттенка эмоциональности не имеют: *неудобства* помещения (125), скудная *движимость* (173) и др.

Чаще всего существительные, образованные при помощи этих суффиксов, со значением отвлеченности объединяют резко выраженную эмоциональность: Аннинька «пела всевозможные *бесстыдства*...» (193).

Значение отдельных суффиксов

Суффикс **-ость**. С этим суффиксом от основ качественных, качественно-относительных прилагательных и страдательных причастий образуются существительные женского рода со значением признака, отвлеченного от предмета, свойства или состояния. Примером существительных с отвлеченным понятием на **-ость** в «Господах Головлевых» являются: *послушливость* (28), *почтительность* (27), *выморочность* (195), *признательность* (191), *уклончивость* (228), *неустрашимость* (287), *преданность* (28) и др.

В качестве признака или свойства существительные эти используются для положительной или отрицательной характеристики персонажей «Господ Головлевых»:

1) Арина Петровна всегда отличалась «*серьезностью* и *деловитостью*» (21). 2) Павел Головлев «был человек угрюмый, но за его *угрюмостью* скрывалось отсутствие поступков и ничего

больше» (29). 3) В разговоре с больным братом Павлом Иудушка «сообщал своему голосу ту степень *елейности*, какая только была в его средствах» (100).

Приведенные выше суффиксальные существительные использованы в авторской речи, но такие же существительные со значением отвлеченности встречаются и в речи некоторых персонажей, например, в речи Порфирия Владимыча. Иудушка привык к книжно-канцелярской речи по службе в департаменте, поэтому в его речи тоже встречаются существительные на **-ость**: брату Степанову он приписывает *испорченность* (57), а Анниньке — *нерассудительность* (207).

Суффикс **-ство**. Посредством этого суффикса образуются такие группы существительных среднего рода с отвлеченным значением:

1) От глагольных основ образованы существительные среднего рода со значением действия: Вся жизнь Степки-балбеса, «исполненная кривляния, *бездельничества...*, словно осветилась перед его умственным взором» (44).

2) Некоторые существительные на **-ство** образованы от основ имен существительных, являющихся названием лиц, и обозначают состояние, положение, свойство: *предательство* (предатель): Улитушка... «всегда готова на всякое *предательство...*» (221).

3) Следующую группу существительных на **-ство** составляют существительные, образованные от основ прилагательных, и обозначают они свойство, состояние, признак: хмельное *блаженство* (289), *беспокойство* (35), *распутство* (274).

4) Существительное на **-ство** — *творчество* (18) — соотносительно с прилагательными на **-ский** (творческий).

В авторском повествовании «Господ Головлевых» особенно многочисленны образования отвлеченных имен существительных со значением процесса, действия с суффиксом **-ни(е)**, **-нь(е)** и производным от него суффиксом **-ени(е)**: «Есть что-то изменнически-подлое в этом озорливом *замедлении цмирания...*» (314).

В группу отглагольных существительных, образованных суффиксами **-ни(е)**, **-нь(е)**, входят такие общеупотребительные: *вспоминание* (224), *восклицание* (146), *ликование* (307), *проникновение* (307) и многие другие.

В эту же группу входит авторское «сослеживание»: ...«*сослеживание* (219) вождедеющих дворовых двоек было единственным романическим элементом»... в жизни Арины Петровны.

С суффиксом **-ени(е)** образованы отглагольные имена существительные среднего рода со значением действия, состояния. В эту группу входят: *принижение* (23), *озлобление* (23), *представление* (97), *ощущение* (193), *отчуждение* (195), *принуждение* (146), *пробуждение* (228), *затмение* (82), *округление* (22).

Тип этот продуктивный и в современном русском литературном языке.

Малопродуктивным является образование существительных среднего рода посредством суффикса **-ени(е)** от глагольных основ на согласный: «течение (из тек-ти) мыслей» (53).

Образование существительных среднего рода посредством суффикса **-ти(е)** от основ неопределенной формы переходных глаголов с односложным корнем на гласный встречается редко: *снятие* (202), *проклятие* (168). Непродуктивен этот суффикс и в современном русском литературном языке.

Суффикс **-б(а)**. Процесс действия обозначает просторечное существительное женского рода, образованное от глагольной основы непродуктивным суффиксом **-б(а)**: *гульба* (262).

б) Суффиксальные существительные со значением названий лиц мужского, женского, общего рода и существительные среднего рода со значением места.

В речи автора и персонажей большая группа суффиксов словообразования не связана с понятием отвлеченности. В эту группу входят суффиксы: **-тель, -тельница(а), -ун, -ник, -ыш, -чик, -щик, -льщик, -щиц(а), -щ(а), -ин(а), -к(а), -ыг(а), -ят, -биш(е), -иш(е)**. Посредством этих суффиксов от глагольных основ, основ существительных и прилагательных образованы существительные со значением названия лиц мужского, женского, общего рода и среднего рода со значением места. Названия лиц в произведении жанра щедринской сатиры, разумеется, имеют характер резко выраженной эмоциональности.

Суффикс **-тель**. Саркастически сатирик называет «истинными делателями века сего» тех «сплошь умниц», которые «всегда начинают искательством и почти всегда кончают предательством» (307).

Арина Петровна торжественным *учители* (во множественном числе) иронически называет внуков Володеньку и Петеньку, которые в целях воспитания «божественного» у Анниньки и Любеньки собираются прокатить их на лихаче в Сергиеву пустынь.

Суффикс **-тель** в существительном женского рода объединяется с суффиксом **-ниц(а)**: Относительно «политических беременностей у своих родственниц» Арина Петровна являлась уже не *карательницей*, а *укрывательницей*» (220).

Суффикс **-ун**: Иудушка «был невежественен без границ... лгун» (128).

Суффикс **-ик, -ник**. С помощью суффикса **-ик** от качественного прилагательного *смиранный* образовано просторечное существительное мужского рода *смираннык* (218). Просторечное же существительное *кляузник* посредством суффикса **-ник** образовано от существительного женского рода «кляуза». Иудушка во внутреннем собеседовании с самим собой устанавливает, что *кляузником* его разумела людская мольва (228).

Суффикс **-ыш**. Суффиксом **-ыш** образуются существительные мужского рода со значением физической неполноценности: просторечное *зауморыш* (308).

Суффиксы **-щик**, **-чик**, **-льщик**. Посредством суффикса **-щик**, а после *д* основы — суффикса **-чик** от глагольных основ или от основ глагольных имен существительных образованы имена существительные мужского рода со значением лиц по их действиям, определяющим их характер, сферу их деятельности, профессию: *порубишки*, *потравщики*, *откупишки*, *приемщики*, *подрядчики*. Иудушка употребляет слова *порубишки*, *потравщики* в такой связи, что негодование возбуждается не против них, а против самого Иудушки. Так, Иудушка мечтает, как было бы хорошо, если бы все люди сделались *порубишками* и *потравщиками* (270). Сколько бы он содрал с них штрафов! А *откупишников*, *подрядчиков*, *приемщиков*, которые во время Крымской войны *наживались* на народных бедствиях, Степка-балбес выразительно характеризует: «Да, тяпнула-таки в ту пору горя наша матушка Русь православная! *Откупишки*, *подрядчики*, *приемщики* — как только бог спас!» (37).

Посредством суффикса **-льщик** от глагольных основ образуются существительные со значением лиц, выполняющих определенные действия, занимающихся определенной профессией и т. д. Арина Петровна грозит тем мужикам, которые будут подавать что-либо балбесу: «Вот я им ужо... подавальщикам!» (32).

Суффикс **-щиц(а)**. Существительные женского рода с суффиксом **-щиц(а)** соотносительны с существительными мужского рода на **-щик** и образуются посредством замены **к** на **ц**. Арину Петровну автор называет просторечным словом — *потаковщицей* (220).

Суффиксы **-щ(а)**, **-иц(а)**. С помощью этих суффиксов образовано общелитературное существительное *корнетша* (306) и индивидуальное авторское *архиерейша* (50), *жезлоносица* (50). Словообразование это совершенно соответствует литературным моделям русского языка. Существительные *корнетша*, *архиерейша* образованы по типу слова *генеральша*, т. е. от существительного мужского рода присоединением суффикса **-ш(а)**, а существительное *жезлоносица* — от существительного мужского рода «жезлоносец» посредством замены суффикса **-ец** на **-иц**. Таким же способом образовано и устаревшее книжное слово *юница* (306) от устаревшего существительного «юнец». Торжественность приема Ариной Петровной сыновей, присхавших по зову маменьки судить провинившегося балбеса, последний иронически называет архиерейским служением, а дедок Польшку и Юльку — архиерейшиними жезлоносицами. «Юницы» также употреблено в ироническом значении: «юницы» — это тоже «делатели века сего», они всегда являются «слошь умницами».

Суффикс **-ин(а)**. Посредством этого суффикса от основ существительных — названий животных, рыб — образуются суще-

ствительные женского рода со значением мяса животных: *осетрина* (74). С этим же суффиксом существительное *мертвечина*, употребленное в переносном значении, в речи Арины Петровны приобретает ярко выраженный характер пренебрежительности по адресу Иудушки, с корыстными целями поспешившего к умирающему брату Павлу: «Почуяла Лиса Патрикеевна, что *мертвечиной* пахнет» (95).

Суффиксы *-к(а)*, *-ушк(а)*. Устарелое просторечное слово в речи Арины Петровны *сударка*, образованное посредством суффикса *-к(а)* от существительного мужского рода (сударь), имело пренебрежительный характер: «Нутка, нутка, *сударка!* смотри на меня!» (216).

Областное слово (с фамильярным оттенком) *милка* образовано от прилагательного *милая*. В восторге от первых успехов на театральных подмостках и от успехов в кутежной компании офицеров и адвокатов Аннинька обращается в письме к бабушке: «*Милка!* божественная!» (141). Пренебрежительным существительным *гнилушка* (суффикс *-ушк(а)*) мысленно честит Евпраксеюшка Иудушку: «Ах, ты, *гнилушка* старая!» (247).

Суффикс *-ыг(а)* в существительных общего рода создает значение грубоватой фамильярности по адресу Анниньки: *горобыга* (в речи Иудушки) (196).

Пренебрежительное значение имеет слово *Головлята*, образованное во множественном числе суффиксом *-ят* по образцу существительного типа *поросят*: «Чем дальше, тем мельче вырабатываются людишки, пока наконец на сцену не выходят худосочные *зауморыши* вроде однажды уже изображенных мною *Головлят...*» (308).

Существительные среднего рода с суффиксами, при помощи которых создается (вместе с семантикой производящей основы) значение места, также имеют ярко выраженную эмоциональность.

Суффикс *-бищ(е)*. Производящая основа существительного *суд* вместе с суффиксом *-бищ(е)* образовала присущий слову *судбище* оттенок пренебрежительности. В таком тоне его и использует Арина Петровна, заменяя им слова «семейный совет» (57), на который она позвала сыновей Порфирия и Павла «для решения балбесовой участи» (34).

Суффикс *-ищ(е)* в слове *логовище* создает значение авторского негодования по адресу господ, доводящих людей почти до животного состояния: «В девять часов... люди (головлевские крестьяне.— Ч.) расходились по своим *логовищам*» (66). Клеймящий характер это слово имеет также в рассказе о том, что после попок, принявших у Анниньки с Иудушкой систематический характер, «дядя и племянница тяжело поднимались со своих мест и, пошатываясь, расходились по своим *логовищам*» (311).

Кстати следует заметить, что сатирик часто использует скрытую двуплановость в употреблении слова. Слово *судбище*,

использованное в ироническом значении семейного совета, создавало, однако, возможность в таком же сниженном значении употреблять его и в отношении суда как царского правительственного учреждения; так же точно слово *архиерейши* (архиерей, как монах, не имел права жениться) снижало и общее значение слова архиерей.

в) Суффиксы субъективной оценки

В то время как слова с отвлеченным значением главным образом используются в стиле книжной и деловой речи, слова с суффиксами субъективной оценки являются характерным элементом речи разговорно-бытовой, поэтому слова с этими суффиксами и являются элементом речи не столько авторской, сколько речи персонажей, речи диалогической.

В системе суффиксов субъективной оценки по степени их употребительности в «Господах Головлевых» выделяется группа уменьшительно-ласкательных суффиксов. Особенно широко употребительны они в речи Иудушки и Арины Петровны. Хищник по своей социальной природе, Иудушка тоном речи благожелательной, ласковой, часто шутливо-добродушной пытается прикрыть настоящее свое лицо лгуна, лицемера, ханжи, кулака. Качества эти являются для лиц, подобных Иудушке, постоянно присущими, поэтому, чтобы их скрыть, маску добродушия, благожелательности приходится им носить всегда. Этим и объясняется то, что речь Иудушки всегда переполнена уменьшительно-ласковыми словами. Качества, присущие Иудушке в наибольшей степени, характерны, хоть и в меньшей степени выразительности, и для Арины Петровны.

Суффиксы уменьшительности и ласкательности в речи Иудушки и Арины Петровны можно разбить на несколько групп. Сюда, прежде всего, относятся суффиксы, создающие значение уменьшительности и ласкательности в словах, обозначающих родственные наименования. Это суффиксы *-еньк(а)*, *-иньк*, *-к(а)*, *-ушк*.

Иудушка ограбил «милого друга маменьку», выжил ее из Головлева, а потом и из Дубровина, но почтительно-нежное обращение с маменькой — это для него закон.

1) «Что такое дети, милая *маменька*? Дети — это любящие существа, в которых все, начиная от них самих и кончая последней тряпкой — все принадлежит родителям...» (55).

2) Иудушка хочет, чтобы и его так же ласково называли дети и племянница: «Ну, сделал пошлость — ну и раскайся! Проси прощения! Простите, моя, *душенька папенька*, что вас огорчил!» (166).

3) Деланно шутливые детские эпитеты, адресованные маменьке или себе, носят у Иудушки слащавый характер: «Вот теперь вы — *паинька!*» (81).

4) К соседям также нежно-любовно относится Иудушка: «...вот как *соседушка* мой, господин Анпетов... или другой *соседушка*, господин Утробин»... (240).

Арина Петровна также любит называть родных уменьшительными именами, хотя и не всегда и не в одном тоне.

Суффиксы **-иц(а)**, **-к(а)**: «Как жила твоя *сестрица* беспутно, так и умерла, покинув мне на шею своих двух щенков» (26) — писала Арина Петровна Порфишке, сообщая о смерти дочери. А в то же время она говорила: «*Сиротки* хлеба не бог знает что съедят, а мне на старости лет утешение» (26).

Названия продуктов питания, пищи, предметов обихода, разных других предметов, связанных с условиями жизни поместного барства, употребляются Иудушкой и Ариной Петровной с использованием уменьшительно-ласкательных суффиксов.

Суффикс **-ец**: *соусец*, *картофелец* (63). (В речи Арины Петровны: *хлебец* (79), *супец* (126)). Суффикс **-ок**: *грибок* (98). Суффикс **-чик**: *апельсинчик* (137), *огурчик* (138), *самоварчик* (244). Суффикс **-ик**: *рубик* (270), *клопик* (158). (В речи Арины Петровны: *карасик* (127)). Суффикс **-ек**: *горошек* (63), *свивальничек* (244), *песочек*, *суглиночек* (102). (В речи Арины Петровны: *гривенничек* (54)). Суффикс **-иц(е)**: *маслице* (63), *именьице* (63), *вареньице* (138). Суффикс **-ец(о)**: *серебрецо* (116). Суффикс **-ц(е)**: *одеяльце* (244). Суффикс **-ц(о)**. (В речи Арины Петровны: *винцо* (71)). Суффикс **-к(а)**: *дорожка* (203), *лошадка* (203), *говядинка*, *телятинка*, *кипустка* (63), *рыбка* (98), *блошка*, *постелька* (158). (В речи Арины Петровны: *тысячка* (52), *прохладка* (218)). Суффикс **-ичк(а)**: *водичка* (101). Суффикс **-очк(а)**: *курочка* (170), *кибиточка* (180), *сбсочка*, *пеленочка*, *лошадочка* (244). (В речи Арины Петровны: *печеночка* (71)). В речи доктора: *водочка* (74). К этой же группе относится слово с удвоенным суффиксом: *рубашоночка* (244). Суффикс **-ц(а)**: *провизийца* (137). Суффикс **-ечк(а)**. (В речи Арины Петровны: *ватрушечка* (71), *копеечка* (54)).

Предметы религиозного обихода и религиозные понятия у Иудушки и Арины Петровны всегда вызывают умиление, выражающееся уменьшительными формами.

Суффиксы **-иц(е)**, **-очк**, **-ечк(а)**, **-еньк-**: 1) «*Маслица* в *лампадочку* занадобится или богу *свечечку* — ан деньги-то и есть!» (63). 2) В речи Арины Петровны: «*Обеденку* отстоим, *панихидку* отслужим...» (148). 3) В записке, которую Иудушка вручил Анниньке, значилось: «Сегодня я молился и просил *боженьку*, чтобы он оставил мне мою Анниньку. И *боженька* мне сказал: возьми Анниньку за полненькую *талыцу* и прижми к своему сердцу» (205).

Иудушка уменьшительными называет не только конкретные предметы, но и понятия: «Ты — с *запросцем* (суффикс **-ец**), я — с *ответцем*» — убеждает Иудушка мужика Фоку (277).

Суффиксы субъективной оценки оттеняют в речи Иудушки

и Арины Петровны пренебрежение. Так, суффикс *-юшк-* выражает пренебрежительность в разговорном слове *деревнюшка*: ...«отделю ему (балбесу.— Ч.) папенькину... *деревнюшку*...— и пусть себе живет — ...на прокормлении у крестьян!» (57).

В речи Иудушки суффиксы *-ушк-*, *-юшк-* иногда приобретают характер народно-поэтической стилизации. Иудушка грозит Фоке, что все имение обратит в деньги, положит их в верное место и станет пользоваться процентами: «Ни *заботушки* мне, ни *горюшка*, отрезал купончик — пожалуйте денежки!» (277).

Суффикс *-онк-* в языке Арины Петровны выражает пренебрежительное значение: *тележонка*, *кибитчонка*: «Это уж в последнее время я в тарантасах-то роскошничать начала, а в первое-то время соберут, бывало, *тележонку* крестьянскую, *кибитчонку* кой-какую на нее навяжут... я и плетусь, трюх-трюх, до Москвы!» (54).

Грубой фамильярностью отдает слово *мужчинка* (суффикс *-к(а)*) в речи Арины Петровны: «А то все эти *мужчинки* — им бы только прихоть свою исполнить...» (218).

Пренебрежительный характер в разговорном слове *разлидочка* образует не суффикс *-очк-*, а приставка *раз-*: «Женись, мой друг, хоть на Лидочке, хоть на *разлидочке* — я препятствовать не могу!» — пустословит Иудушка (166).

Речь других персонажей «Господ Головлевых» не так богата на существительные с суффиксами субъективной оценки. Однако экспрессивность значений слов с этими суффиксами и у этих персонажей ярко выражена. Так, для балбеса характерно использование увеличительного суффикса *-ищ-*, создающего тон грубоватой фамильярности: «Да, *дружище*, *деньжищ* у нее целая прорва...» (36).

У головлевской дворни уменьшительно-ласкательные слова выражают угодливость по отношению к барам. «*Баринушка*» (суффикс *-ушк-*) — так иногда обращаются к Иудушке Улитушка и Евпраксеюшка (230, 266).

Фоку, приехавшего к Иудушке с целью занять ржи, голод заставляет пользоваться уменьшительными словами: ...«*ржицы бы*...» (275). Просторечный говор трактирщика отображается в слове с уменьшительной формой: три *целковеньких* (42).

С покровительственной фамильярностью жуур-доктор называет Арину Петровну мамашечкой: «Да, *мамашечка*, опростоволосились вы!» (76).

Слово *мамашечка* относится к той группе слов, в которых экспрессивное напряжение выражается удвоением или утроением суффиксов субъективной оценки¹. В эту же группу входит и слово *мальчишечка*, употребленное Улитушкой с оттенком фамильярности: «Что люди скажут? Скажут, откуда, мол, в головлевском доме чужой *мальчишечка* проявился?» (243).

¹ В. В. Виноградов, Русский язык, Учпедгиз, 1947, стр. 115.

Сатирик в своем авторском повествовании также употребляет разнообразные суффиксы субъективной оценки. Но стилистическое значение их в речи автора иное, чем в речи персонажей. Уменьшительно-ласкательные суффиксы автор от своего, авторского имени использует в плане стилизации речи персонажей. Автор называет конкретные предметы ласкательными словами, подчеркивая манеру употребления их Иудушкой, Ариной Петровной и другими людьми из головлевского окружения.

1) Арина Петровна «от детей требует, чтобы они были в таком у нее послушании, чтобы при каждом поступке спрашивали себя: что-то об этом *маменька* скажет?» (20).

2) «Иудушка так-таки и не дал Петеньке денег, хотя, как добрый отец, приказал в минуту отъезда положить ему в повозку и *курочки*, и *телятинки*, и *пирожок*» (167).

С другой стороны, сатирик в своем авторском повествовании суффиксы субъективной оценки употребляет в пренебрежительном значении: «Порфирий Владимырьч известен был в семействе под тремя именами: *Иудушки*, *кровопивушки* и откровенного мальчика»... (26).

Суффикс *-ишк-* придает пренебрежительный характер слову *людюшки*. Арина Петровна озадачена предстоящей крестьянской реформой. Что-то будет? Представляется ей: «...Ходит она по пустому дому, а *людюшки* (дворовые крестьяне.— Ч.) в людскую забралась и жрут» (78).

В стиле авторских размышлений это же слово опять приобретает исключительно пренебрежительно-оценочный характер. Размышляя о фатуме, господствующем над дворянскими выморочными семьями, Щедрин говорит: «Появляются коллекции слабосильных *людюшек*, пьяниц, мелких развратников, бессмысленных празднолюбцев и вообще неудачников. И чем дальше, тем мельче вырабатываются *людюшки*» (308).

Презрительный характер придает слову суффикс *-уга-*: «все это были озорливые (члены головлевской семьи.— Ч.), пустомысленные и никуда непригодные *пьянчуги*»... (308).

г) Суффиксальное словообразование собственных имен.

Собственные имена в художественных произведениях Щедрина очень часто выполняют эмоциональные функции сами по себе. В «Господах Головлевых» эмоциональный характер собственных имен, часто саркастический, прослеживается достаточно явственно. Вот, например, название деревни — *Нагловка* (279). Нагловские крестьяне, с точки зрения Иудушки, действительно наглый народ: наукам верят, а в бога не верят. В унисон отцу благочинному Иудушка заявляет: «У меня вот нагловские: есть нечего, а намеднись приговор написали, училище открывать хотят... ученые!» (114). Или название урочища *Дрызга-*

ловка и пустоши *Дашкина Стыдобушка*. Это те самые урочище и пустошь, которые земский деятель Люлькин, по его словам, продал, чтобы покрыть расходы на пьяные кутежи сначала с цыганкой Домашкой, а потом с Любинькой. Люлькин колоритно объясняет происхождение названия *Дашкина Стыдобушка*: при крепостном праве в этом лесу «застали» девку Дашку и тут же на месте наказывали за это розгами» (296).

Собственные имена людей также достаточно полноценны с точки зрения эмоциональной, потому-то Арина Петровна так хорошо и различает оттеночные значения в именах людей. Ее беспокоит предстоящая крестьянская реформа и в числе других забот тревожит мысль: «Как это я *Адашку* звать буду? Чай, *Агафьюшкой*... а может, и *Агафьей Федоровной* величать придется?» (78).

Можно установить в «Господах Головлевых» несколько групп имен людей. Первую группу составляют имена взрослых членов помещичьей семьи, в данном случае Головлевых, и вообще привилегированных. Они именуются по имени и отчеству: Владимир Михайлыч, Порфирий Владимирович, Арина Петровна, Гаврило Степанович Люлькин и т. д. В эту же группу входят и некоторые из крестьян: трактирщик Иван Михайлов (19), Иван Михайлыч (20)¹. Автор суффиксами *-ыч*, *-ов* в отчествах оттеняет разговорное употребление их, принятое в быту дворянской усадьбы. В официальных бумагах Иудушка пользуется написанием отчества по правилам нормативной грамматики на *-ович*: «Его Превосходительство Порфирий Владимирович Головлев» (83).

Вторую группу составляют имена людей, ничем особенным в дворянском гнезде не отличавшихся, но людей верных и нужных. Они чаще всего называются бессуффиксальными именами: ключница *Акулина*, садовник *Матвей* (32), мужик *Фока* (274), старый *Илья*, старый *Вавило*. Все эти люди, с точки зрения Иудушки, — рабы верные, испытанные: «Люди и псы — все готовы за барское добро хоть черту горло перегрызть» (269).

Тон барского пренебрежения оттеняется крестьянским произношением некоторых имен: бурмистр *Финогей Ипатыч* (45), кривая старуха *Палашка*² (26).

Некоторые имена слуг в Погорелке даны в виде одного только отчества; такое наименование, характерное для крестьянского быта, носит оттенок уважительности: солдатка *Марковна* (суффикс *-овна*), *Федулыч* (суффикс *-ыч*) (214), (121).

Третью группу составляют имена, образованные при помощи

¹ Бурмистр Антон Васильев (фамилия) в разговоре с барыней трактирщика один раз называет «*Иван Михайлов*», в другой раз — «*Иван Михайлыч*» (19, 20).

² Уменьшительное имя, образовавшееся в порядке чередования *г—ж* и изменения звонкого *ж* в глухой звук *ш* перед глухим *к*: *Пелагея* — *Палажка* — *Палашка*.

уменьшительно-ласкательных суффиксов *-ушк-*, *-юшк-*, *-еньк-*, *-иньк-*. Сюда входят имена помещичьих незрелых детей: *Аннушка* (25), *Аннинька*, *Любинька* (25), *Володенька*, *Петенька* (95), а также имена приближенных слуг: *Евпраксеюшка* (246), *Афильюшка* (214), *Пелагеюшка* (248), *Улитушка* (230), кучер *Архипушка* (260), мужичок *Федосеюшка* (124) и др.

В отдельных случаях уменьшительные суффиксы имеют пренебрежительное значение. Морфологически имя *Иудушка* входит в эту группу.

Четвертую группу составляют имена, образованные суффиксом *-к(а)*. Суффикс этот придает именам пренебрежительный характер: *Степка*-озорник еще в детстве любил покуролесить: «То косынку у девки *Анютки* изрежет в куски, то соинной *Васютке* мух в рот напустит»... (23). Имя постылого *Степки*-балбеса тоже относится в эту группу, как и имя той *Надьки* Галкиной, которая, по словам *Иудушки*, однажды «пыталась ворваться в головлевское капище, да шиш съела» (281).

Характер имен находится в зависимости еще и от настроения, в котором находится человек, когда называет то или иное лицо. Арина Петровна в злобном настроении дочь *Аннушку* именует пренебрежительным *Анютка*: «*Анютка* щечков своих навязала, да вот еще балбес...» (31). Суффикс *-к(а)* у той же Арины Петровны, припоминающей прежнее хорошее «временчко» молодости, сообщает слову *Сонька* (в передаче автора.— Ч.) игриво-фамильярный характер: «Подает *Евпраксеюшка* вареньица малинового — Арина Петровна расскажет, как она, будучи беременной дочкой *Сонькой*, даже запаху малины выносить не могла» (224). У *Иудушки*, когда начала просыпаться совесть, кажется, нет оттенка пренебрежительности в отношении имен сыновей *Володьки* и *Петьки*. Стоит *Иудушка* у себя в кабинете и раздумывает, «кто же у него присные? — Он начал припоминать, но память как-то тупо ему служила. Был у него сын *Володька* да сын *Петька*, была маменька Арина Петровна... давно, ах, давно это было!» (280).

д) Некоторые формы словообразования прилагательных

В речевой ткани «Господ Головлевых» отмечается широкое употребление притяжательных прилагательных, образованных посредством суффиксов *-ин(а — о)*, *-ов(а — о)*. В речи автора: *барынины* хитрости (18), *женина* комната (22), *Медузина* голова (44), *папенькин* халат (45), для *сестрина* самолюбия (288), *Иудушкина* речь (238); *балбесова* участь (34), *маменькинова* обеда (47), из *папенькинова* кабинета (50); после *Иудушкиной* побывки (81). В речи *Иудушки*: *маменькины* коровы (187), *богово* (181). В речи Арины Петровны: около *папенькиной* могилки (80), *папенькину* деревнюшку (57).

В современном литературном языке использование притяжательных прилагательных на **-ин-, -ов-** заметно сокращается, уступая место родительному принадлежности (Иудушкина речь — речь Иудушки); прилагательные на **-ов-** носят явные черты устарелости. Употребление прилагательных на **-ин-, -ов** может служить средством стилизации под народную речь, для которой такие прилагательные особенно характерны. В такой функции эти прилагательные использованы и в речи автора «Господ Головлевых».

В склонении притяжательных прилагательных в речи автора отмечается использование (параллельно с краткими формами) прилагательных на **-ин** новой формы — с полным окончанием: *маменькиному* усмотрению (82).

Из способов словообразования прилагательных, используемых автором в целях сатирического изображения, отмечаются просторечно-разговорные формы превосходной степени.

Значение фамильярности имеет суффиксальное прилагательное (суффикс **-енн-**) *здоровенный* в речи жуира-доктора: «Кабы ему (Павлу.— Ч.) месяц назад заволочу *здоровенную* соорудить — был бы жив!» (74).

С приставками **раз-** (**рас-**) автор использует прилагательные (просторечные) в целях сатирического снижения образа: «Балбес напевал *разухабистые* обрывки песен» (46); «Любинька... соловьем разливается... среди *развеселой* компании...» (186).

Иудушка, собираясь отправить новорожденного «раба божия» в воспитательный дом, Улитушке сообщает, что он советовался с богом: — Вот я и богу помолился!

— И *распрекрасное* дело! — ответила Улитушка (242).

В речи Евпраксеюшки прилагательное *распостылый* выражает презрение, ненависть: «Уж как же у меня теперича против тебя, *распостылого*, сердце разожглось» (248); «Ах, *распостылое* мне это Головлево» (260).

Высокая степень называемого качества вне сравнения с другими выражается прилагательным, образованным при помощи удвоения прилагательного с префиксом **пре-** во втором члене словообразования. Такие сложные прилагательные обычны для разговорной речи; в примере, приводим ниже, — с иронической экспрессией: «Я (говорит Евпраксеюшка.— Ч.), когда у батюшки жила, *тощя-претощя* была»... (202).

3. Устарелые, просторечные и диалектные морфологические формы

В ироническом плане стилизуя свою речь под речь Иудушки, автор употребляет церковнославянскую форму предложного падежа существительных:

1) *На песце*: Пробовал Иудушка спрятаться от мысли о «прелюбодеянии» за непререкаемостью законов высшего произвола.

ния... «и делал из этой темы целый клубок..., припутывая сюда и притчу о волосе, с человеческой головы не падающем, и легенду о здании, *на песце* строимом»... (227).

2) Арина Петровна употребляет такую же форму в нарочито умилительном рассказе о посещении Троице-Сергиева монастыря: «Приезжаю я на другой день... в посад и прямо — к угоднику. А там всенощная... и не знаю, где я: на земле или *на небеси!*» (81).

Устарелые глагольные формы

К ним относятся прежде всего деепричастия несовершенного вида на *-учи, -ючи*. Деепричастия эти мало употребительны в современном литературном языке, и потому они воспринимаются или как архаические, или в качестве средства стилизации под народную речь или фольклор. У писателей XIX ст., в том числе и у Щедрина, деепричастия на *-учи, -ючи* используются и без особой стилистической окраски.

В речи автора: 1) «Не *переставаючи* шел дождь» (69). 2) Представляется Иудушке: «лежит набоку мужицкий воз, а мужик стоит и тужит, *глядючи* на сломанную ось» (270). 3) Арина Петровна: «Вот в Головлеве и запоры крепкие и сторожа верные, стучат себе да постукивают *не уставаючи...*» (126).

Некоторые причастные формы также звучат как устарелые: 1) Порфирию Владимычу «*было докладывано*» (об ожидающей его радости (т. е. беременности Евпраксеюшки.— Ч.) (217). 2) ...«*всем было ведомо*, что Улитка — девка злая» (221).

Устарелая неопределенная форма глаголов на *чи* (у Крылова в басне «Кот и повар»: ...«а дома *стеречи* съестное от мышей kota оставил...») с частицей *-сь* является отражением простонародной речи (севернорусских говоров). В речи Иудушки: «...ежели женский пол... как тут без ума *уберечись!*» (238).

II. Разговорные, просторечные и диалектные морфологические формы представляют собою типизирующие черты речи персонажей.

Персонажи не только из крестьян, но и из господ употребляют просторечную форму родительного падежа множественного числа на *-ов, -ев* в тех случаях, в которых по нормам литературного языка эти окончания не допускаются.

1) В речи Улитки: «Известно, мол: будет благодарить (Володимер), когда *благодетелев* своих отыщет» (245). 2) Евпраксеюшка: ...«уж для *родителей*-то жалко стало!» (254); «Коли ежели барин прикажут — может-ли наша сестра против их *приказаниев* итти!» (219). 3) В речи Арины Петровны: «Сколько от одних его (Степки-балбеса.— Ч.) буфонств да *каверзов* мучения вытерпела!» (52); «*Веселиев* да балов у нас нет...» (71); *мучениев* (220).

Евпраксеюшка употребляет просторечную архаическую форму дательного падежа *те* в значении тебе: «Вот *те* Христос, уйду!» (255). То же в речи Иудушки: «...слава *те* господи!» (180). Просторечный (у Евпраксеюшки) творительный падеж прилагательных: «с *милым*» (253).

Творительный падеж местоимения *им* с предлогом *с* Евпраксеюшка использует без приставного *н*: „с *им*“ (251), также как трактирщик Иван Михайлыч употребляет *с ее* „с *ее*, с проклятой, еще пуще живот пучит»... (41).

К отступлениям от морфологических норм литературного языка относятся также используемые персонажами разговорные формы числительных. Трактирщики: ...«квитанция-то в казне с лишком *четыре ста* стоит» (37).

В речи попады множественное число от слова *месяц* имеет разговорную форму *месяца*: ...«шесть тысяч рублей, если бы на *месяца* разделить, сколько это будет?» (211).

Образования совершенного вида с суффиксом *-ну* наиболее употребительны в разговорной речи и просторечии. В тексте «Господ Головлевых» они используются в речи Степки-балбеса, сообщая его речи дополнительную черту бравурности: «Водочки бы *долбанул?*» — приглашает балбес трактирщика (40).

Евпраксеюшка употребляет областную форму деепричастия прошедшего времени: «*руки скламши*» (248) и такую же просторечную форму отпричастного прилагательного *рожной*: «*Рожной мой*» (249).

III. Многочисленны разговорные и просторечные формы частиц.

По своему экспрессивному значению в речи персонажей «Господ Головлевых» выделяются такие частицы:

Частица *-с*. Исторически возникшая из постепенно сокращавшихся в произношении слов *государь*, *сударь*, *осу*, *су* постпозитивная частица *-с* в языке крестьян сделалась традиционной в разговоре с господами для придания речи тона угодливости: 1) в речи бурмистра: *все-с* (17), *продали-с* (18); 2) в речи Федульча: *так-с* (215); 3) в Улитушки: «*занимуются-с*» (87). У Улитушки это *-с* имеет иногда нотки иронические, отдающие злостью: — Матушка! Да никак он (Павел Владимырьч.— Ч.) у вас пьет? — спросила Арinna Петровна Улитушку.

— *Занимаются-с!* — отвечала та, язвительно улыбаясь (87).

В речи доктора, приехавшего лечить Павла Владимырьча, постпозитивное *-с* носит иную функцию. Оно придает речи оттенок иронической официальности: *может быть-с* (74), *разговаривал-с* (75).

Омерзительнейшим в романе является образ купца Кукишева. Разбогатевший аршинник, он тянется в благородные, во всем хочет быть похожим на Люлькина, вообще на благородных дворян, подражая им в швырянии денег на любовниц. Употребление

частицы *-с* почти после каждого слова он, очевидно, считает признаком речи «благородной»:

«Анна Семеновна! Позвольте *спросить-с!* за наше *блаженство-с!* совет да *любовь-с!* Сделайте ваше *одолжение-с!*» (294). «*Хлопнемте-с! вместе-с! по одной-с!*» (295).

В современном русском языке постпозитивная частица *-с* вышла из употребления.

Частица *-то*. Частица эта, хотя является употребительной в литературном языке, наиболее характерна для просторечия, также для областной речи крестьян или тех групп населения, речь которых близка к речи крестьянской¹. Посредством постпозитивной частицы *-то* в предложении выделяется слово, при котором стоит эта частица, и этим самым подчеркивается значение его. Стилистическое значение частицы *-то* заключается в том, что выделяемое частицей слово сообщает фразе тон интимности.

1) В речи Арины Петровны: «*И слякоть-то, и распутицу-то, и гололедицу-то* — всего отведала!» (54). 2) Федулоч: «*Словами-то* он (Иудушка.— Ч.) сгноить человека может» (215). 3) Евпраксеюшка: «Ну, круп, масла постного... уж для *родителей-то* жалко стало! Ах, вы!» (254); «*Чтой-то, спаси господи!* уж и при дороге?» (282).

Частицы *-ко, -тко, -тка, -тка-те, -тко-те*. Все эти частицы — просторечные. Стоят они в речи персонажей на месте литературной частицы *-ка* и, подобно последней, имеют значение побуждения к действию, ласкового требования, совета, иногда удивления: 1) «*Смотритка-те, ни с того, ни с сего, вдруг шелковых платьев захотелось!*» — усовещает Иудушка взбунтовавшуюся Евпраксеюшку (251). 2) Иудушка Анниньке: «*Поселись-ко* у меня» (189); «*А! Нутко!* ведь не бог же знает, какое сокровище — театр! *Нутко!* решишь-ка!» (207) — уговаривает Иудушка Анниньку бросить театр. 3) В речи Улитушки: «*Натко-те! Поглядитко-те!*» (234).

Выводы

Рассмотренные в «Господах Головлевых» морфологические формы позволяют сделать некоторые выводы:

1. Широкое использование сатириком существительных с суффиксами, создающими отвлеченные понятия, обусловлено стилем авторского повествовательного размышления, характеризующем вообще творчество Щедрина. Например: «В течение нескольких поколений три характеристические черты проходили через историю этого семейства: *праздность, непригодность* к какому бы то ни было делу и запой» (308).

¹ А. Б. Шапиро, Очерки по синтаксису русских народных говоров. Изд. АН СССР, Москва, 1953, стр. 262.

2. Некоторые архаические формы в речи самого автора объясняются исторической эпохой создания романа. При жизни Щедрина эти формы были еще живыми, в последующее же время они или совсем исчезли, или сделались менее употребительны, например, деепричастия на *-учи (-ючи)*.

3. Разговорные, просторечные, диалектные морфологические формы, так же как и отдельные архаические формы в речи персонажей, являются языковыми средствами типизации образов, в повествовании автора они — средства стилизации. В речи автора: «на *песце* строимом» (227). У Евпраксеюшки: «*руки скламши*» (248), «с *мильим*» (253).

4. Рассмотренные в «Господах Головлевых» морфологические формы входят в систему средств языкового выражения щедринской негодующей сатиры.

Н. Г. ЧИЛІКІНА,

кандидат філологічних наук

ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННАЯ ФУНКЦИЯ ИНФИНИТИВА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Наиболее широкое распространение в современном русском языке имеет зависимое употребление инфинитива. В сочетании с различными частями речи инфинитив выполняет ту или иную синтаксическую функцию. Особенно часто инфинитив сочетается с спрягаемыми формами глагола, но не всегда такое сочетание выступает в одной и той же синтаксической роли. Это зависит, прежде всего, от степени лексической полноценности того глагола, с которым сочетается инфинитив. А степень этой полноценности, самостоятельности может быть различной даже у одного и того же глагола. Например:

Я иду гулять и *я иду* в заводской парк *гулять*¹. В первом предложении инфинитив выступает в роли присвязочного члена составного сказуемого, так как глагол «иду» потерял частично свое значение и играет роль вспомогательного (ср. «Я собираюсь гулять»). Во втором предложении этот же глагол сохраняет полностью свое лексическое значение, и, следовательно, примыкающий к нему инфинитив самостоятельно выполняет свою синтаксическую функцию (является обстоятельством цели).

Таким образом, в сочетании с глаголами, потерявшими частично или полностью свое лексическое значение, инфинитив является частью составного сказуемого. Сочетаясь же с глаголами, сохраняющими свою семантику, инфинитив выступает в роли второстепенного члена предложения, но и в подобных сочетаниях инфинитив часто выполняет различные синтаксические функции — дополнения и обстоятельства цели.

Это не всегда учитывалось русскими лингвистами-исследователями, и многие из них приписывали таким сочетаниям одну синтаксическую роль, обобщив в ней, по сути, две различные функции.

Проф. А. А. Потебня в этих сочетаниях специфической для инфинитива синтаксической функцией считал роль второстепенного сказуемого (при субъектном значении инфинитива) и второ-

¹ Курсивом выделяется господствующая над инфинитивом глагольная форма, а полужирным — инфинитив — обстоятельство цели.

степенным в области дополнения сказуемым — и объектно значении его.

Акад. А. А. Шахматов присвоил подобным сочетаниям наименование дополнительного глагольного члена. Однако ученый чувствовал различие синтаксических функций, выполняемых в этом положении инфинитивом, и, характеризуя конкретные случаи, в которых он признавал инфинитив в роли дополнительного глагольного члена, отмечал различные специфические особенности.

Так, при некоторых глаголах (со значением движения, главным образом) в дополнительном глагольном члене А. А. Шахматов видит наследника исчезнувшего ныне супина, выражающего, как известно, обстоятельство цели, как правило, после глаголов движения.

Еще Ф. И. Буслаев говорил, что достигательное наклонение (супин) очень рано стало заменяться неопределенным наклонением¹.

Однако и в его работах мы находим высказывания о том, что инфинитив может употребляться для выражения обстоятельства цели.

Е. Ф. Будде, присоединяясь к учению Ф. И. Буслаева, добавляет, что «неопределенное наклонение» может быть определением при имени, т. е. его атрибутом. «В самом деле,— пишет Е. Ф. Будде,— слово, атрибутивно стоящее при другом слове, составляет, так сказать, его аксессуар, принадлежность, причем атрибутивность его может быть ближе определена другими грамматическими терминами, например, термином «обстоятельство цели», «определение», «дополнение» и т. п., смотря по взаимным отношениям рассматриваемых слов друг к другу»².

Таким образом, русские синтаксисты не пришли к единому мнению в вопросе о возможности выступления инфинитива в роли обстоятельства цели.

Современные грамматики русского языка также имеют расхождения в этом вопросе³.

Против положения о том, что инфинитив может выполнять самостоятельную (без соединения с другими словами) синтаксическую функцию в предложении (обстоятельства цели, в частности) категорически выступает К. А. Тимофеев. «Применитель-

¹ См. Ф. И. Буслаев, Историческая грамматика русского языка, М., 1869, изд. 3, стр. 150.

² Е. Ф. Будде, К учению о синтаксисе простого предложения, журн. Мин. Нар. Просвещения, СПб, 1894, № 4, стр. 227.

³ Ср. Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров, Очерк грамматики русского литературного языка, М., 1945, ч. 1, стр. 88; А. М. Земский, С. Е. Крючков, М. В. Светлаев, Русский язык, М., 1950, ч. 2, стр. 18; А. М. Финкель, Н. М. Баженов, Современный русский литературный язык, К., 1951, стр. 355—356; Грамматика русского языка, изд. АН СССР, М., 1954, т. 2, ч. 1, стр. 598.

но к приглагольному инфинитиву,— пишет он,— нет основания говорить об употреблении в качестве второстепенного члена. Тогда, когда значение инфинитива в пределах конструкции обладает относительной самостоятельностью, можно говорить о второстепенной, добавочной предикативности инфинитива (например, субъективного инфинитива цели, объективного инфинитива...)»¹.

Нам это представляется совершенно неправильным. Инфинитив только тогда выполняет ту или иную синтаксическую функцию в сочетании с глагольной формой или другими словами, если по условиям структуры предложения и его смыслового значения спрягаемая глагольная форма теряет частично (а тем более полностью) свое лексическое значение или выступает с несвойственным ей значением. В таком случае инфинитив и спрягаемая глагольная форма являются выразителями одного лексического значения (именно того, которое заключено в инфинитиве) и выступают в предложении в одной синтаксической функции.

Если же спрягаемая глагольная форма во всей полноте сохраняет свое лексическое значение, то в таком случае и глагольная форма и инфинитив выполняют отдельные синтаксические функции. Например:

Анна Павловна сделала круг около виконта и *пригласила* всех слушать его рассказ (Л. Толстой, Война и мир).

Капитан Тушин, распорядившись по роте, *послал* одного из солдат *отыскивать* персвязочный пункт или лекаря... (Там же).

Она *ездила* туда поездом *полоть* и *поливать* (В. Пянова, Спутники).

В этих предложениях и глагольные формы «пригласила», «послал», «ездила» и инфинитивы «слушать», «отыскивать», «полоть», «поливать» сохраняют каждый свое лексическое значение полностью, и каждое из этих слов выполняет свою особую синтаксическую функцию, не нуждаясь для этого ни в каких других словах («пригласила», «послал», «ездила» — сказуемые; «слушать», «отыскивать», «полоть» и «поливать» — обстоятельства цели).

В древнерусском языке в этой же синтаксической функции — обстоятельства цели — наряду с инфинитивом выступал и супин. Глаголы-сказуемые, цель действия которых они выражали, обозначали обычно движение или источник движения. Со временем форма супина стала заменяться инфинитивом.

Время окончательного исчезновения супина ученые относят к XIV—XV вв. (Ягич, Ларский, Шахматов, Истрина, Булаховский, Борковский и др.).

¹ К. А. Тимофеев, Инфинитивные предложения в русском языке, докторская диссертация, машинопись, М., 1951, стр. 191.

В русском языке XVI—XVII вв. и в современном почти не сохранилось специфических следов этой формы¹.

В процессе вытеснения суинна инфинитивом уступила форма на *-тъ* (супин), вероятно потому, что она употреблялась со значительными ограничениями в сравнении с формой на *тъ* (инфинитивом) — только для выражения цели при глаголах, обозначающих движение или источник движения. Инфинитив же более гибок в своем употреблении.

Особенно разнообразны по синтаксическим функциям сочетания инфинитива с глагольными формами. Сочетаясь с глаголами, обозначающими движение (идти, ехать, бежать и под) или источник движения (послать, позвать и под), инфинитив обозначает действие, являющееся целью по отношению к главному действию.

Следует различать следующие сочетания:

1) Сочетания с глаголами, относящимися к тому же субъекту, к которому относится и глагольный признак, выраженный инфинитивом. Необходимо подчеркнуть, что такой субъективный инфинитив всегда зависит от глагола, обозначающего движение. Например:

Он *шел* к ней утешить, ободрить, сказать, что с ребенком и без ноги не пропадет она (В. Панова, Спутники).

Другой парламентар *поехал* в русскую цепь объявить то же известие о мирных переговорах и предложить перемирие русским войскам на три дня (Л. Толстой, Война и мир).

2) Сочетания с глаголами, относящимися к иному субъекту, чем субъект инфинитива. В таких конструкциях господствующая над инфинитивом глагольная форма обозначает не движение, а источник движения. Например:

То на кухню *звали* чистить картошку, то доктор Супругов читал лекцию о личной гигиене (В. Панова, Спутники).

Данилов *позвал* его к себе ночевать (Там же).

И в тех и в других случаях глагол-сказуемое и инфинитив, сочетающийся с ним, сохраняет полностью свое лексическое значение и выполняет каждый свою собственную синтаксическую функцию. Во всех этих предложениях личные и родовые формы выступают в роли сказуемого, а инфинитивы, к ним примыкающие, являются обстоятельствами цели.

Рассмотрим такое предложение:

Несколько раз он *собрался* идти искать жену между составами (В. Панова, Спутники).

¹ См. об этом подробнее: Б. П. Страхов, Синтаксические функции инфинитива в древнерусском литературном языке, Кандидатская диссертация, машинопись, Алма-Ата, 1947, стр. 290—310.

В этом примере к глагольной форме «собирался» примыкает инфинитив «идти», и оба эти глагола являются одним членом предложения — сказуемым, в силу того, что глагол «собирался» в данном случае выступает не в своем обычном лексическом значении, а фактически выполняет, главным образом, грамматическую роль — указывает на действие, не доведенное до результата. А инфинитив «искать», примыкающий к инфинитиву «идти», — обстоятельство цели, т. е. отдельный, самостоятельный член предложения.

Инфинитив, выражающий цель главного действия, следует обычно за той глагольной формой, к которой он примыкает, или отделяется от нее другими словами. Например:

Князь Андрей *поскакал* исполнять поручение (Л. Толстой, *Война и мир*).

Он боялся, чтобы люди, которые *приходили* к нему играть в преферанс, не были опорочены после его смерти, когда его записки будут обнаружены и опубликованы (В. Панова, *Спутники*).

Иногда инфинитив-обстоятельство цели выдвигается на первое место в предложении. Например:

Обедать и почевать Данилов *ходил* домой (В. Панова, *Спутники*).

Как известно, член предложения, поставленный на необычное для него первое место, получает больший, чем обычно, вес, большую «смысловую нагрузку». Интересно в этом отношении пример:

Так не прятаться же мы *остались*, не прятаться, а приковать к себе врага, *оттянуть* на себя удары, предназначенные тем, кто на новом рубеже заслонил Москву (А. Бек, *Волоколамское шоссе*).

В этом предложении два обстоятельства цели, противопоставленные друг другу; одно из них, на которое автор хочет обратить особое внимание, выдвинуто на первое место; за ним следует глагол, обозначающий главное действие; затем вновь повторяется все с той же целью усиления, сосредоточения внимания на нем то же обстоятельство цели и уже за ним следует второе, резко противопоставленное ему.

Таким образом, место постановки инфинитива-обстоятельства цели в предложении зависит от стилистического употребления.

В академической грамматике в разделе «Сложное глагольное сказуемое»¹ конструкции с глаголом «остаться — оставаться» с последующим инфинитивом приравниваются к конструкциям с личной формой глагола «продолжать». Эти конструкции рассматриваются автором раздела Е. М. Галкиной-Федорук как «сложные сказуемые, обозначающие продолжение действия, названного инфинитивом»².

¹ См. Грамматика русского языка, стр. 411.

² Там же.

С этим положением можно вполне согласиться применительно к таким предложениям, как «А все я тут же в гелиевой избе оставалась жить...», или в предложениях, где в качестве господствующего слова выступает глагол «продолжать», лексически одноплановый с глаголами «приняться», «начать», «начинать», «броситься», «перестать-переставать» и подобными, обозначающими начало действия, конец его или продолжение. При этих глаголах, естественно, вопрос о цели действия, названного ими, не возникает в силу их ослабленного лексического значения.

В одном ряду с этими примерами в академической грамматике приводятся и такие:

Герасим стал боком перед дверью, толкнул ее плечом и ввалился в дом с своей ношей, а Муму, по обыкновению, *осталась* его дожидаться.

Казак *остался* дожидаться ключей около амбара.

В этих предложениях, на наш взгляд, глагол «остаться» совершенно не утратил своего лексического значения (Ср., например, значение этого же глагола в двух примерах: «Я остался дома» и «Я остался сиротой»). В силу этого нет оснований рассматривать данный глагол во всех случаях, без учета его семантики, частью сложного глагольного сказуемого; это простое глагольное сказуемое, обозначающее действие, цель которого выражается примыкающим к нему инфинитивом, если лексическое значение этого глагола не утрачено.

То положение, что в сочетаниях инфинитива с глагольными формами, инфинитив выполняет самостоятельную синтаксическую функцию (является обстоятельством цели), подтверждается также и тем, что инфинитив, выступающий в роли обстоятельства цели, может обособляться. Обособлению способствует отдаленное положение инфинитива от глагольной формы, к которой примыкает инфинитив, а также распространение инфинитива относящимися к нему словами. Грамматическим средством выражения обособления является соответствующее интонационное оформление. Например:

Наконец, Ефим Кондратьевич подтаскивает лодку к берегу и *приседает на нос — отдышаться* (Н. Дубов, Огни на реке).

Тогда она *прыгала* от восторга, и *кричала*, и *бежала* вниз, в бомбоубежище, — *рассказать* (И. Чуковский, Балтийское небо).

Ваське *дали* старый халат с оборванными завязками и кусок марли — *повязать* голову (В. Панова, Спутники).

Василий Матвеевич *шел* вместе с дедом Матвеем на Якорную — *проводить* Антона (В. Кочетов, Журбины).

Я *решил пойти* в этот час по подразделениям — *послушать*, что говорят бойцам политруки (А. Бек, Волоколамское шоссе).

Обособленный инфинитив-обстоятельство цели (одиночный или распространенный другими словами) приобретает большую смысловую значимость: в предложении. Но, как правильно отмечает

Л. А. Тимофеев, обособленный инфинитив (со значением цели) не обнаруживает такой степени близости к инфинитивному придаточному предложению, в какой это свойственно обособленным *примыкательным* инфинитивам¹.

При обособлении инфинитив цели не утрачивает свою подчинительную связь (примыкание) с господствующей над ним глагольной формой, хотя вследствие обособления она несколько ослабевает. Сохраняется не только непосредственное подчинение инфинитива господствующему слову, но также сохраняется и функция, присущая ему в необособленном употреблении — обстоятельство цели.

Обособленное распространенное обстоятельство цели, выраженное инфинитивом, как правило, стоит в постпозиции по отношению к господствующему слову; причем, как видно из примеров, такой инфинитив чаще всего следует не непосредственно за тем словом, к которому примыкает, а может быть отделен от него целым рядом слов, что объясняется центральной ролью сказуемого как одного из главных элементов распространенного предложения, после которого следуют члены предложения, наиболее тесно с ним грамматически связанные.

Но возможна постановка как обособленного распространенного обстоятельства цели, так и одиночного перед глаголом-сказуемым. Например:

К Антону — *повидать* его, *поговорить* с ним, *разузнать* у него новости, касающиеся предстоящей реконструкции завода, — *или* не только все его старые приятели, *шли* даже те, кто с ним когда-то был едва знаком (В. Кочетов, Журбины).

Эта препозиция опять-таки является средством логического выделения обстоятельства цели.

Подводя итоги сказанному, считаем необходимым подчеркнуть, что эта синтаксическая роль является одной из характерных для инфинитива (инфинитив вытеснил выступавшую ранее в этой функции форму супина; инфинитив цели свободно заменяет связь примыкание к глаголу союзным подчинением посредством союзов **чтобы (чтоб)**, с тем **чтобы**, затем **чтобы** и др. Например: Я пришел сказать... Я пришел, чтобы сказать... и т. п.).

Однако мы не считаем такие обороты придаточными предложениями цели.

В традиционной школьной грамматике обороты со значением цели, в состав которых входит союз **чтобы** и инфинитив, рассматриваются как придаточные безличные предложения.

Авторы учебника «Русский язык»² подобные обороты рассматривают как явления, занимающие промежуточное положение

¹ См. К. А. Тимофеев, Инфинитивные предложения..., стр. 215.

² А. М. Земский, С. Е. Крючков, М. В. Светлаев, Русский язык, ч. 1, стр. 125.

между придаточным предложением цели и обстоятельством цели, выраженным неопределенной формой глагола в простом предложении.

К. А. Тимофеев считает, что выделение инфинитива приближает его и в отношении интонации и по смыслу к придаточному инфинитивному предложению. Он предлагает различать «обособленный инфинитив» и «обособленный инфинитивный оборот», отличающийся от первого наличием в его составе подчинительного союза и занимающий промежуточное положение между придаточными предложениями и обособленными инфинитивами¹.

Вряд ли есть необходимость в такой детализации и новых наименованиях.

По нашему мнению, обороты «союз *чтобы* плюс инфинитив» целесообразно считать, как это делают А. М. Земский, С. Е. Крючков, М. В. Светлаев, конструкциями, промежуточными между придаточным предложением и обособленными оборотом. Например:

Князь Багратион *послал* туда дежурного штаб-офицера и потом князя Андрея, *чтобы* велеть батарее отступить как можно скорее (Л. Толстой, Война и мир).

Пьер *встал* *чтобы* помочь слуге (Там же).

Такой инфинитив и по своей семантике (обозначение подчиненного действия как цели другого действия) и по грамматическому значению (в широком смысле этого слова) не может быть приравнен к инфинитиву-главному члену инфинитивного предложения, ибо последний заключает в себе синтаксическое значение предикативности — одного из основных признаков предложения.

Инфинитив же, обозначающий цель другого действия, может быть рассматриваем как второстепенный член предложения. Грамматический способ выражения подчинения его сказуемому — союз *чтобы* — не позволяет еще категорически утверждать, что перед нами придаточное предложение, ибо, как известно, подчинительные союзы могут быть средствами связи и между членами простого предложения (Ср. примеры: «Наш сад точно лес», «Горы как пышные складки» и т. п.).

В академической грамматике подчеркивается обстоятельная роль подобного инфинитива.

Следовательно, основным фактором, определяющим обстоятельную роль инфинитива, является сохранение глагольной формой, сочетающейся с инфинитивом, полностью своего лексического значения; примыкающий инфинитив, также полностью сохраняющий свое лексическое значение, отвечает на вопросы: *зачем? для чего? ради чего? с какой целью?*

Следуя за таким глаголом (или глагольной формой), обозначающим движение или источник его, инфинитив выполняет само-

¹ К. А. Тимофеев, Инфинитивные предложения..., Автореферат диссертации, Благовещенск-на-Амуре, 1951, стр. 10.

стоятельную синтаксическую функцию — является обстоятельством цели по отношению к главному действию.

Инфинитив, обозначающий цель, как одиночный, так и распространенный, способен обособляться, причем обособление сопровождается смысловым и интонационным выделением обособляемого. Это смысловое и интонационное выделение инфинитива может осложняться союзом *чтобы*, употребление которого не делает данный оборот придаточным предложением.

И. Ф. НЕЛЮБОВА.

кандидат
филологических наук

ЗАМЕТКИ ПО ДИАЛЕКТНОМУ СИНТАКСИСУ

В 1953 г. вышли в свет «Очерки по синтаксису русских народных говоров», автор которых А. Б. Шапиро, во введении писал: «...синтаксический строй русских говоров совершенно не изучен. Это можно утверждать без всяких оговорок. В нашей, довольно богатой диалектической литературе нет ни одной работы (если не считать единичных, очень небольших статей, скорее заметок), посвященной специально синтаксису говоров»¹. «Очерки» Шапиро А. Б. восполняют этот пробел в русской диалектологии, но далеко не исчерпывают всех вопросов диалектного синтаксиса, который по-прежнему нуждается в тщательном изучении, несмотря на выход в свет ряда специальных статей, посвященных синтаксису народных говоров². В настоящих заметках мы пытаемся остановиться на анализе отдельных синтаксических явлений в говоре потомков орловских переселенцев на территории Одесской области.

Южнорусский говор села Сергеевки, Тузловского района, содержит ряд интересных особенностей, которые малоизвестны или неизвестны в других южнорусских говорах.

В. В. Иванов, говоря о типичных недочетах последних работ по диалектной фонетике и морфологии, справедливо упрекает их авторов в том, что «работы эти чаще всего не дают представления о системе говора в целом»³. Мы совершенно разделяем его точку зрения и понимаем, что наши заметки не могут дать существенного представления о синтаксической системе говора, ибо ставили перед собой другие задачи: описать те синтаксические явления, которые представляют интерес для изучения некоторых исторических процессов, или которые считаются принадлежностью только северновеликорусских говоров, или, наконец, те, которые вообще не освещены в диалектологической литера-

¹ А. Б. Шапиро, Очерки по синтаксису русских народных говоров, Строение предложения, Москва, 1953, стр. 9.

² См., например, список работ, приводимых В. В. Ивановым в статье «О некоторых недостатках в описании и изучении русских говоров». — В. Я. 1956, № 5, стр. 139.

³ В. В. Иванов, Украинская статья, стр. 140.

туре (употребление беспредложных винительного и творительного времени).

Простое сказуемое в нашем говоре выражается, как и в литературном языке, личными и родовыми формами глагола. Особенностью же говора Сергеевки можно считать широкое употребление побудительного междометия *гайда*, заимствованного из окружающих украинских говоров, в значении изъявительного или повелительного наклонения.

В роли повелительного наклонения это междометие таким образом ничем не отличается от подобных же междометий, которые образуют «своеобразную группу междометных императивов»¹ типа «вон», «прочь», «долой», «марш» и т. д.

Бабы, гáйда на прóса; а ну гáйда да калóдизя; Максiмка, гáйда сацсéда; Мaнька, гáйда да бабушки; дéвки, гáйда насiть зерно².

Как видно из примеров, этот междометный императив имеет при себе примыкающие слова подобно формам повелительного наклонения.

То же междометие может выступать в значении изъявительного наклонения. В большинстве примеров в сообщении со сказуемым, выраженным междометием *гайда*, речь идет о прошедшем действии, причем слово *гайда* может находиться в сочинительной связи с другими сказуемыми, выраженными родовыми формами глагола:

Максiмка побáчил, што тятя éдигь и гáйда да явó; Ахвóнька ляжáл, ляжáл да гáйда у курeнь; Пóлька стаяла, стаяла, а тады гáйда на кóхню; мы гáйда да калуно́в скарéича, я гáйда да Пятра́.

Таким образом, употребленное в значении прошедшего времени междометие *гайда* синонимично соответствующей форме от глаголов *пойти*, *побежать* с оттенком быстрого, внезапно-мгновенного действия.

В одном случае то же междометие употреблено в значении настоящего постоянного:

Лéтам кристьянскаю рабóту рабóтають, а зимóй гáйда у скáлы.

Ю. Ф. Касим в своей статье «Вигуки як члени речення в українській мові» ничего не говорит о сказуемости употреблении подобного междометия в украинском языке, хотя в разделе «Ви-

¹ В. В. Виноградов, Русский язык, Грамматическое учение о слове. Учпедгиз, 1947, стр. 756.

² По техническим причинам примеры не могут быть даны в фонетической транскрипции.

гук — присудок» анализирует предикативные функции междометий, эквивалентных глагольным формам¹.

А. А. Шахматов приводит два примера с аналогичным междометием *айда* в значении императива из областной речи и считает предложения с ним глагольно-междометным². В академической грамматике русского языка приводится один пример с междометием *айда́* в роли сказуемого.

В этом примере: «Ребята мигом на ноги — и айда» — междометие явно выступает в значении прошедшего времени, но почему-то оно рассматривается как пример именного сказуемого, хотя выше и указывается, что в подобных случаях междометие выражает действие лица или предмета, обозначенного подлежащим³.

На наш взгляд, употребление областного *айда* и *гайда* в роли сказуемого сближает его не с именным, а с глагольным сказуемым.

Именное сказуемое в говоре выражается теми же категориями, что и в литературном языке. В именной части обнаруживается как именительный, так и творительный предикативный.

При отсутствии связки зафиксирован только второй именительный существительного:

Я па-вўлишнаму батра́к; помню, падо́чка не́ была, а де-вачка — кукалка; я й сапо́жник, я й кузне́ц, и шо́рник, и слёсарь; да й са́м ён ра́зя Хи́мки па́ра; Зи́на — зва́ння ха-ро́шая.

Второй именительный мы находим и при связке в прошедшем и будущем времени:

Я дуже хател на учёнья пайт́ить, да йде́ там, а ахотник был; сыны́ в мине́ были сакалы́; хто адгада́ить е́ту слова́, будить втаря́я лицо́ ат кара́я; ни будить ина́ нам радня́.

При глаголах пазывання преобладает творительный предикативный:

Е́та белая́ паласа́ дарога́я и называ́йтца; е́та телка́ ня-ляпачка́я и называ́йтца, ни хочуть Дарья́я назва́ть, Дбня́я йи́е зва́ть; Тузлы́ канто́рай зва́ли.

В одном случае отмечен при инфинитиве *звать* именительный:

Ва́ля йи́е зва́ть.

¹ «Українська мова в школі», 1955, № 4, стор. 5—7.

² А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, Ленинград, 1941, стр. 206.

³ Грамматика русского языка, т. II, ч. I, изд. АН СССР, Москва, 1954, стр. 489—490.

Творительный предикативный имеет место и при прошедшем и будущем времени связки *быть*, при глаголах становления и при полнозначных глаголах:

Учительшай у нас матушка была; вот Катька аграномам будить.

Именная часть может быть выражена именем прилагательным в краткой и полной форме. В отличие от литературного языка, краткие прилагательные малопродуктивны в говоре. Они обнаруживаются прежде всего в пословицах, поговорках, песнях:

Мал залатник да дорах; ни дорага та вино, а дорога правда; кто смел, тот два съел; там диревня висела, там девушки харашы.

В краткой форме употребительны предикативные прилагательные *должен, рад, виноват*:

Така рада была; во как ани ради; мы ради; а ты й рад; люди винавати; мы далжны наказать их; мы астались винавати.

В небольшом количестве краткие прилагательные отмечены в других случаях:

Атец етим даволен; вы ни дастойны на етим двару хадить; дочь бальная печиний; и вы пастылы чирис мине.

Полная форма в именительном падеже лишена оттенка признака, присущего предмету постоянно:

Я той гот бальная была; Кандрат ишо бальной был; а ен тожа харошай; я тожа с йими знакомай; ох и злая я на яво; што й та ты нонча виселай; я галодная как сабака.

В употреблении страдательных причастий в роли сказуемого при отсутствии связки наблюдается некоторое преобладание полной формы над краткой: в 30 записанных примерах употреблена полная форма, а в 16 — краткая:

а) спина запыленная; я харашо заплитеная; ен зярном ни кормлинай; чулок разадраатай; ен два дня ни купатай; муж йие убятай; плечки атарваты, вешшы закапаты; б) хата закажона; крупна пасичена; план выполнян; ана питата плоха; был забрат и др.

Слова местоименного склонения в именной части сказуемого более употребительны в форме именительного, а не творитель-

ного падежа. В говорах «этот тип составного сказуемого является одним из наиболее распространенных...»¹. Как известно, творительный предикативный слов местоименного склонения развился в русском литературном языке гораздо позже, чем творительный предикативный имени существительных, а в говорах, видимо, процесс замены второго именительного творительным в этой категории слов только совершается.

Именительный предикативный в нашем говоре употребляется не только при отсутствии связки (примеры см. выше), но и при наличии ее в прошедшем или будущем времени:

Мой прѣма страшной был; я была дѣвкой глѣткая; Мая Каткья была вредная; Ахвѣнька и нѣнча пьянай был; ани багатыи были; свѣкрѣха лихая была; ани все такія были; ѣн мой будить; я усягда буду висѣлая, пака и вмру; как будить галѣдная, найдѣть паѣсть; лахмѣтыи ѣти рядны будут; дѣти некрасивый будут, хоть одна будить учѣная.

Творительный предикативный в этой категории слов отмечен в нескольких случаях:

1) в безличных предложениях в зависимости от инфинитива *быть*: всем хотца красивыми быть; ни дай бѣх сляпай быть; стѣдна такѣй лянйвай быть;

2) при связке в повелительном наклонении: ни будь такѣй пнѣвной; ни будь сѣльна вѣмным. (В одном случае отмечен и именительный предикативный: Максѣмка, ни будь жѣдной);

3) при знаменательных глаголах: Вѣся уѣхал халастым; ани радились нѣмыми; такѣх биткаватѣми и завѣуть.

В нескольких случаях зафиксировано употребление двойного винительного прилагательных и в одном случае двойного дательного с потерей первого дательного, что еще раз свидетельствует о живом процессе вытеснения творительным предикатным более древних форм, которые все-таки еще употребительны в говоре:

а) я явѣ жывѣва ни застѣла; ѣие дѣжа маладѣ замуж оддали; нѣнча Нѣвѣська Вѣнѣкью пѣнава бѣчила; любѣл минѣ маладѣя, любѣ ѣ стѣраю; б) няльзѣя быть такому гнѣвному.

В роли именной части в говоре широко употребительны деепричастные формы, о чем см. нашу статью «К вопросу о значении и употреблении деепричастий в южнорусских говорах»².

(Там же, см. Краткие сведения из истории носителей говора).

В говоре Сергеевки сохранился древний способ согласования

¹ А. Б. Шапиро, Очерки..., стр. 165.

² «Наукові записки Станіславського державного педагогічного інституту». Історико-філологічна серія, т. I, Київ, 1956, стр. 117—123.

по смыслу сказуемого с подлежащим, выраженным собирательным существительным:

Скати́на тут ходи́ть, дитва́ра бу́дуть бе́гать; перва́я брига́да винава́ти; на́ша звяно́ хлапо́к буто́ны чы́ста сабра́ли.

Подобное согласование, известное как в южновеликорусских, так и в северных говорах, в Сергеевке, видимо, представляет собой уходящее явление, так как зафиксированы и случаи согласования по формам:

брига́да ушла́; сяло́ цалико́м пиряшла́¹; звяно́ начива́ла; скати́на падо́хла и др.

Как своеобразная контаминация первого и второго способа согласования, интересен пример, записанный из ответа ученицы 6-го класса на уроке литературы:

Када́ наро́д стро́ил, што-нибу́дь пе́ли.

Во множественном числе ставится сказуемое при подлежащем в единственном числе и тогда, когда подлежащим названо лицо, являющееся для говорящего предметом особого уважения:

а ма́ма стара́ютца; ма́ма расказы́вали; тя́тя е́здили; де́душка памёрли да́мю; те́тя Ипа́ бу́дуть е́сть.

Некоторые любопытные явления наблюдаются также и в употреблении падежей.

Для говора характерно наличие беспредложного винительного и творительного времени, которые отличаются большей продуктивностью, чем в литературном языке.

Винительный беспредложный со значением времени, обозначающий, что действие охватывает весь период времени, названный существительным, употребителен и в русском литературном языке.

Однако винительный времени может обозначать также, что не весь период, а только часть его заполнена действием². Как указывает А. М. Пешковский, винительный в этом значении доживает свои последние дни, сменяясь наречиями, творительным временем..., винительным с предлогом³.

¹ В говоре наблюдается разрушение среднего рода.

² А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, изд. 7, Москва, 1956, стр. 294.

³ Там же.

В нашем же говоре и во втором значении творительный времени без предлога имеет широкое распространение:

Аблани былі тыя выдэлю; адін рас, што тыя вайну, снілси мне сон; ётай гот багата сватыбав будить, німецкую вайну был забрат; зымняю время партных псалить, той даш я й на работя ни была и др.

В современном русском литературном языке беспредложный творительный времени обычно употребляется у существительных, обозначающих времена года или части суток, в рамках которых протекает действие. (Мы отвлекаемся сейчас от факта адвербиализации подобного творительного). В говоре беспредложный творительный времени употребляется шире, хотя, видимо, охватывает лексически ограниченный круг слов. Помимо известных в литературном языке зафиксированы формы творительного времени у слов: *дождь, пост, война, голод, год, бурак* и др.:

Пастом нязля мяса ёсть; дóжжам ишли́ из гастёй; галодным годам ён памёр; прастудылси ишо́ той вайно́й; вайно́й памёр; вайно́й тут румбы́ стаяли; го́лодам за хлёбам ёздили; начава́ли сирит по́ля бурана́ми во ка́кими.

Как известно, такое употребление беспредложного творительного времени было широко известно древнерусскому языку, и в нашем говоре оно является остатком старины.

Таким же архаизмом является употребление предложного падежа с предлогом *об* в значении качественной характеристики лица или предмета:

Ты ж аб адзі́й рубахи пришла́; я аб адно́м глазу́ аста́нусь; дом ан чатырех о́кнах.

Предикативное прилагательное *рад* управляет в говоре не дательным, а творительным падежом:

Гастём на́шим усё чы́ста ра́ди; ты дума́иш, я рада та́бою; мы й ни ра́ди йі́ми; По́льки рада госты́нцами.

Может быть, творительный при *рад* генетически связан с древним творительным причины?

Глаголы мысли и чувства, управляющие в литературном языке предложным изъяснительным с предлогом *о(об)*, в говоре управляют винительным с предлогом *за*:

Лю́ди за на́с гаваря́ть; за трусо́в мне́ не сказа́ла; пи́сать за таку́я ду́ру; уже́ й забы́ла за яво́; забы́л за де́да; за йіе́ й дума́ть забы́л.

Можно в данном случае предположить воздействие украинского языка, где такое управление обычно.

Глагол *смеяться*, требующий в литературном языке творительного с предлогом *над*, в говоре управляет родительным с предлогом *с* или винительным с предлогом *на*:

а) Смяютца с мине; с вас смяютца; Баріс смієтця с йіе; б) на Катюху смяютца; на каво ты смієсси; на яво насміялась.

На вопрос: Какая разница между «смеюсь с тебя» и «смеюсь на тебя» был получен ответ:

Вот када хто прашол, а люди стаять и гаваряць пра яво, ета смяютца на яво, а када хто — либо патколить каво-нібуць, ну, вот мы с табой спорим, гаваряць: смяюсь с йіе.

Для нашего говора, как и для многих народных говоров, характерно повторение предлогов, которые ставятся и перед определением и перед определяемым, причем, как правило, определение находится в постпозиции:

Па гарам па йетим лазили; я хату в балыцуя вашла; у Кели у аднэй ни начата, с каровой с йіхній бяда; на гродя на нашым наламаі.

Н. П. Гришкова считает, что повторение предлогов ставит определение в особое положение, выделяя его, «помещая перед ним как бы на равных правах с определяемым предлог, показывающий характер зависимости словосочетания от предыдущего высказывания»¹. В. И. Борковский, соглашаясь с мнением Н. П. Гришковой в том, что повторение предлогов является своего рода логическим ударением, совершенно правильно подчеркивает, что «повторение предлога не ведет к субстантивации имени прилагательного, не устраняет, а еще более усиливает предикативную связь между определением и определяемым»².

Известный интерес представляют в говоре и **безличные предложения**. Мы не останавливаемся на тех способах выражения главного члена в них, которые совпадают с литературным языком, а отмечаем лишь своеобразные особенности говора в этом отношении.

В говоре исключительно продуктивны безличные предложения, в которых главный член выражен настоящим временем безличного глагола *хотеться* с примыкающим инфинитивом. Гла-

¹ Н. П. Гришкова, Некоторые случаи повторения предлогов в Кировских диалектах, Язык и мышление, XI, 1948, стр. 99.

² В. И. Борковский, Синтаксис древнерусских грамот, Львов, 1949, стр. 238.

гольная форма *хотется* в результате фонетических изменений произносится как *хотца*:

Спать хотца; ня хотца пйсям писать; хотца тебе с ей за-
вадйтца; хотца на базър схадить; хотца ишб пажить; хотца
на снадьбу поглядеть.

Интересно, что в говоре села форма *хотца* воспринимается его носителями как неизменяемая форма, как предикативное наречие, ибо для выражения прошедшего времени употребляется не соответствующая глагольная форма *хотелось*, а форма *хотца* с вспомогательным глаголом *было*. Вспомогательный глагол в форме среднего рода не является в подобных конструкциях модальной частицей, подчеркивающей, что действие не доведено до результата, а служит способом выражения временного значения:

ни хотца была вчйтца; ни хотца была итить; ей ни хотца
была замуж итить; ни хотца была аддавать; ни хотца была
ехать.

Профессор А. Б. Шапиро в безличные предложения включает и такие предложения, главный член которых выражен наречием *надо*, а существительное при нем употреблено в винительном или родительном падеже в южновеликорусских говорах и в именительном в северновеликорусских¹.

Употребление именительного падежа при главном члене, выраженном наречием *надо*, обычно считается особенностью северновеликорусских говоров².

Ф. Филин, не приводя примеров с *надо*, отмечает случаи употребления именительного при *нужно* и считает, что распространение форм именительного и значении аккузатива в этих конструкциях представляет собой на северновеликорусской почве явление вторичное, развивавшееся на базе потери субъектного значения именительного падежа в древних его сочетаниях с инфинитивом³.

В. Георгиева, анализируя материалы северновеликорусских говоров, отмечает наличие оборотов «именительный плюс *надо*» в тех говорах, которые не знают инфинитивных конструкций с формой именительного падежа женского рода в роли прямого

¹ А. Б. Шапиро, Очерки..., стр. 141.

² Ф. Н. Филин, Об употреблении форм именительного падежа женского рода на -а в значении аккузатива. Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка, вып. I, М.—Л., 1946, стр. 21.

В. Георгиева, Синтаксические конструкции, образованные сочетанием именительного падежа с инфинитивом или наречием *надо* в современных русских говорах. Материалы и исследования по русской диалектологии, т. III, 1951.

³ Ф. Н. Филин, Указанная работа, стр. 18.

дополнения. Кроме того, В. Георгиева подчеркивает, что в русских памятниках именительный при наречии *надо* наблюдается уже в древности. Все это заставляет ее усомниться в правильности положения Ф. Филина о вторичности этих оборотов и прийти к выводу, что эти конструкции развивались самостоятельно, параллельно с инфинитивными¹.

Как было указано, вопрос о значении и употреблении именительного падежа рассматривался главным образом в отношении к северновеликорусским говорам. В нашем южновеликорусском говоре такие обороты также имеют место:

Вот ён табё на́да; минё ишо́ адна́ кнішка на́да; сільна ей Ахво́нька на́да; Андрёю ишо́ штаны на́да; йим каро́вка на́да; а хто вам на́да.

В. Георгиева пишет, что «имена этих конструкций, очевидно, сохранили свое субъектное значение»².

Наши примеры свидетельствуют о том, что применительно к данному говору есть все основания говорить о несомненном субъективном значении именительного падежа, а предложения с конструкциями «*надо* плюс именительный падеж» следует отнести к личным предложениям.

Об этом ярко свидетельствуют случаи, где имеет место связка в прошедшем времени, которая **согласуется** с именем, обозначающим предмет необходимости; йим зямля́ на́да была́; яму́ баты́х на́да был.

Конечно, если наречие *надо* имеет при себе родительный падеж, то безличный характер предложения бесспорен: Ей ба малачка́ на́да; судá ишо́ гліны на́да.

Только северновеликорусской чертой обычно считается употребление безличных конструкций с главным членом — глаголом *быть* и родительным падежом имени, называющего предмет бытия, наличия³.

В нашем же говоре мы также отметили два случая употребления подобных предложений: У йіх на горо́дя тра́вы ишо́ ёсть; там му́ки ишо́ ёсть.

Конечно, два примера не могут служить материалом для каких-либо выводов, но они заставляют усомниться в справедливости категорического утверждения о северновеликорусской природе данного явления.

Таким образом, в нашем говоре, оторванном от других русских говоров условиями многолетнего существования в иноязычной среде, наблюдаются отдельные архаические синтаксические явления, как употребление вторых предикативных падежей, согла-

¹ В. Георгиева, Указанная работа, стр. 45—50.

² В. Георгиева, Указанная работа, стр. 49.

³ А. Б. Шапиро, Очерки... стр. 145—146.

сование по смыслу сказуемого с подлежащим — собирательным существительным, употребление беспредложных именительного и творительного времени, повторение предлогов и др.

С другой стороны, в говоре обнаруживаются черты, малоизвестные в других южновеликорусских говорах, но известные на северновеликорусской территории (употребление именительного при *надо*, безличные предложения типа: У нас травы много есть).

Некоторые синтаксические явления, имеющиеся в говоре, не получили отражения в диалектологической литературе, хотя они могут существовать и в других говорах (употребление междометного императива *гайда* в роли сказуемого, безличные предложения с *хотца*, особенности управления).

ЗМІСТ

	Стор.
О. О. Назарук — «Енеїда» І. П. Котляревського в перекладі на російську мову	3
А. Г. Кващук — Складні речення розділово-допустового значення	17
А. Г. Кващук — Складні речення приєднувально-допустового значення	23
М. О. Войтко, доцент, кандидат філологічних наук — Поэзия Д. Бедного в борьбе с интервенцией и контрреволюцией в 1918—1920 годах	30
Г. П. Мазецький, кандидат філологічних наук — К характеристике романа Т. Драйзера «Американская трагедия»	55
О. Т. Лисенко — Невідомі та маловідомі прозові твори Юрія Федьковича	62
Т. А. Черняшевський — Наблюдения над морфологическими формами в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы»	81
Н. Г. Чилікіна, кандидат філологічних наук — Обстоятельственная функция инфинитива в современном русском языке	100
І. Ф. Нелюбова, кандидат філологічних наук — Заметки по диалектному синтаксису	109

МП УССР. Станиславский государственный педагогический институт.
 Научные записки. Филологическая серия, том III.
 (на украинском языке).

Государственное учебно-педагогическое издательство
 «Радянська школа».

Редактор *О. Т. Ленік*

Технічний редактор *Л. І. Клименко*

Коректор *М. М. Толстой*

Здано до набору 11/IX-1958 р. Підписано до друку 25/XII-1958 р. Папір 60×92¹/₁₆. Друк. арк. 7,5, умовн. арк. 7,5, видавн. арк. 7,7. Тираж 500.
 БФ 21622. Безплатно.

Державне учбово-педагогічне видавництво «Радянська школа».
 Київ, Ново-Павлівська, 5. Видавн. № 10009.

Зам. № 737. Львівськ
 куль

оловвидаву Міністерства
 ська, 11.

